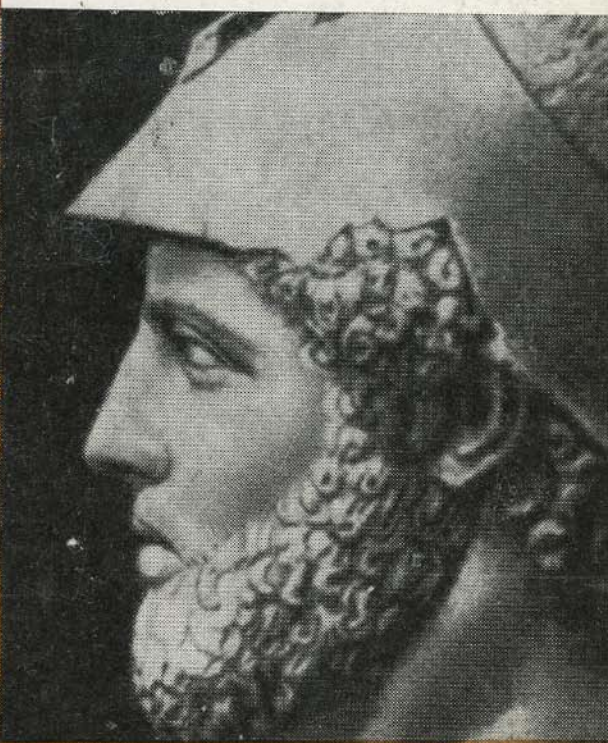

ПЕРИКИ

Ф. Арский

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 16
(504)

МОСКВА
1971

Ф. Арский

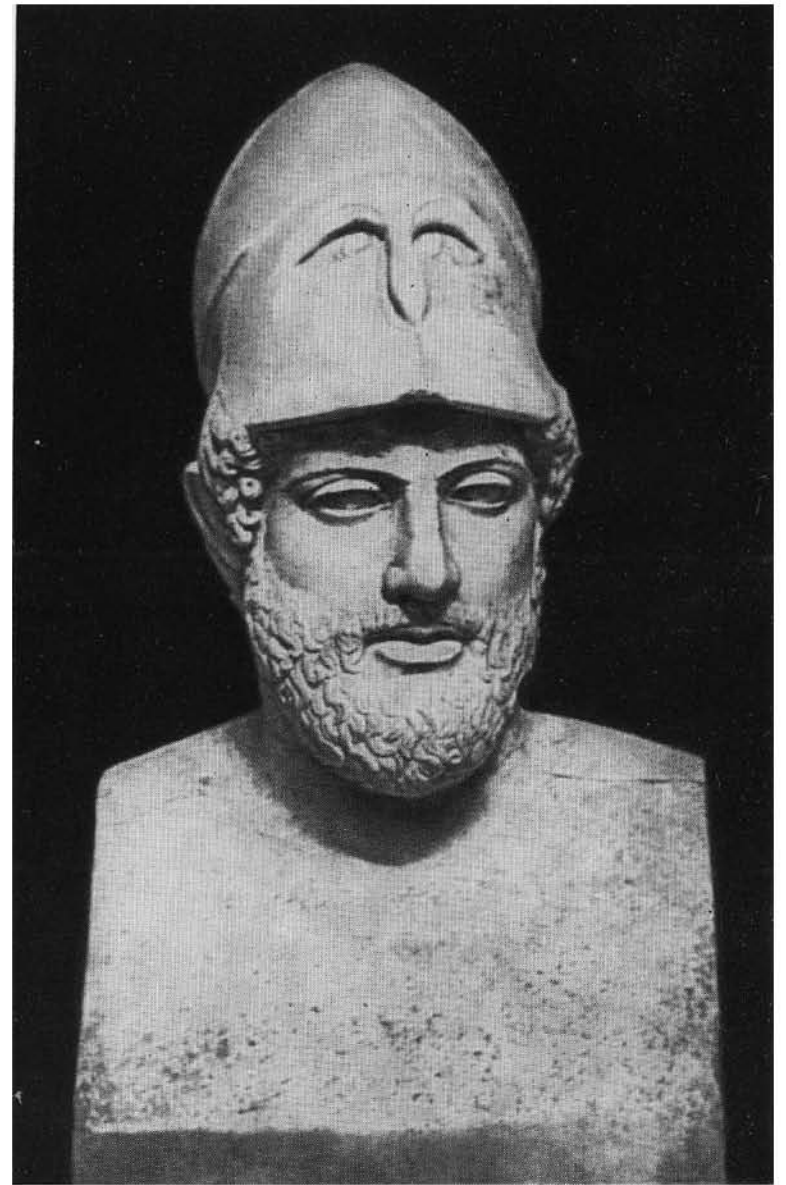
ПЕРИКЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

9(M)03
A85

УХОДЯЩИЙ ВЕК

Век уходил.

Уходил незаметно, еще не осознавая себя веком. Само это понятие возникнет через тысячу с лишним лет. Историю начнут измерять новыми мерками, между столетиями проведут незыблемые границы, аккуратно расставят порядковые номера — и окажется, что когда-то на Земле был VI век до нашей эры.

Потом ученые специалисты отведут ему особое место в летописи античного мира. Они твердо установят, чем он отличался от «архаического» VII и «классического» V, какое наследство оставил будущим поколениям и вообще как повлиял, что определил и чему научил. Век

родится вторично и обретет самостоятельное существование.

Современники об этом не догадывались. Они возделывали поля и виноградники, собирая скудные урожаи, отправлялись в плаванья, стараясь не терять из виду берегов, возводили крепостные стены, сооружали храмы, основывали колонии в чужих землях. И воевали. Сражались друг с другом, чтобы установить свои законы и привести к власти угодных правителей. Вели бесконечные войны с соседями.

Право сильного не подвергалось сомнению — победителей не судили, какой бы ценой ни добывалась победа. Герои гомеровских поэм служили образцом, и в бессмысленной бойне под стенами злосчастной Трои видели событие, достойное преклонения.

Но «Илиада» была всего лишь поэтическим сказанием, воспоминанием о героической древности, когда сотни кораблей устремились в Малую Азию, чтобы отомстить за поруганную честь спартанского царя Менелая, вернуть ему легкомысленную супругу и стереть с лица земли непокорное царство Приама. VI век напомнил о возмездии. Восток — таинственный и далекий — стал близким и грозным. Спокойное, неторопливое течение жизни нарушилось. Мир, окружавший древних греков, менялся на глазах.

Это был век катастроф. Погибали царства, одно название которых некогда приводило в трепет. Они исчезали навсегда, их вычеркивали из памяти, чтобы через две с половиной тысячи лет жалкие остатки бывшего величия предстали перед изумленным взором археологов и историков.

VI век уже не знал ассирийских владык. В 605 году до н. э. могучая держава, разгромленная вавилонянами, ушла с исторической арены. Забыто устрашающее имя Ашшурбанапала, Передняя Азия смиренно склоняется перед новым владыкой — Навуходоносором. 42 года занимает престол этот «прославленный, покорный великим богам, могучий царь, солнце Вавилона, любимец богини Иштар, вынудивший к послушанию четыре страны света». Таков титул, унаследованный им от его знаменитого предшественника — Хаммурапи, так же, как и он, уверенного в незыблемости и вечности своего величия.

Навуходоносор покоряет Сирию, Финикию, Палестину, его войска подходят к границам Египта, а сборщики на-

логов пробираются в самые отдаленные уголки Малой Азии, где когда-то жили непобедимые хетты, о которых уже никто не помнит. Вавилон — «врата бога» — украшается пышными храмами и дворцами и становится крупнейшим городом всего тогдашнего мира, «царем царей», «золотой головой», как называл его библейский пророк Даниил. (Если же, в соответствии со средневековыми представлениями, определять город как «поселение, обнесенное стеной», то, очевидно, Вавилон следует признать вообще самым большим городом, когда-либо существовавшим на нашей планете.)

Вавилон вызывал восхищение и зависть. Царь знал цену тому и другому: «Я — Навуходоносор, царь Вавилона, сын Набопаласара. Я окружил Вавилон с востока мощной стеной, вырыл ров и укрепил его склоны с помощью асфальта и обожженного кирпича. У основания рва я воздвиг высокую и крепкую стену. Я сделал широкие ворота из кедрового дерева и обил их медными пластинками. Для того чтобы враги, замыслившие недоброе, не могли проникнуть в пределы Вавилона с флангов, я окружил его мощными, как морские валы, водами. Преодолеть их было так же трудно, как настоящее море. Я тщательно укрепил бастионы и превратил город Вавилон в крепость».

Но царь думал и о вечности. Он оставил потомкам одно из семи чудес света — «висячие сады Семирамиды» и завершил сооружение в 90 метров высотой, ставшее олицетворением человеческого тщеславия и заносчивости: «Я приложил руку к тому, чтобы достроить вершину Вавилонской башни так, чтобы она могла поспорить с небом».

Упоенный могуществом, правитель бросил вызов истории — и она приняла его. Слава царя развеялась в течение одного поколения. Сын Навуходоносора погиб во время дворцового переворота, внука жрецы свергли с трона, едва он взшел на него. Последнему царю — Набониду — суждено было окончить свои дни в плену.

В 538 году Вавилон пал. Его тройные стены и 600 башен оказались бесполезными — через распахнутые городские ворота ворвалась, не встречая сопротивления, персидская конница. Запершемуся в цитадели Валтасару, сыну Набонида, оставалось надеяться на чудо. Он ожидал его, устраивая отчаянные оргии во дворце. И дождался, своими глазами увидев зловещие предзнаменования.

В Библии говорится, что «вышли персты руки человеческой и писали против лампы на извести стены чертога царского, и царь видел кисть руки, которая писала: «Мене, текел, упарсин! (Сосчитано, взвешено, разделено.) В ту же ночь Вальтасар был убит.

История вычеркивает старые имена и названия. В начале VI века исчезает таинственное, спрятанное в Кавказских горах Урарту, не устоявшее под напором скифов и мидян.

В 546 году перестает существовать Лидийское царство: его сказочные богатства достаются персидской казне, а незадачливый царь Крез попадает в плен, став жертвой собственной опрометчивости. Спросив у оракула, идти ли ему войной против персов, он получил вразумительный ответ: «Если перейдешь реку Галис, сокрушишь великое царство». Предсказание сбылось, и Крезу, законному в цепи, оставалось лишь сетовать на двусмысленность пророчеств и с запоздалым раскаянием вспомнить о том, как он пренебрег предостережением афинского мудреца Солона.

Геродот передает: в Сардах, пышной столице Лидии, Солону показывали сокровища царя. Когда он внимательно все рассмотрел, Крез сказал ему: «О твоей мудрости, любезный афинянин, до нас доходит громкая молва. Из жажды знаний и любопытства ты посетил многие земли, и потому я хотел бы спросить тебя, видел ли ты счастливого человека?» Крез задал такой вопрос, рассчитывая, что будет произнесено его имя. Солон, однако, назвал других людей — граждан, честно выполнявших свой долг и достойно встретивших смерть. Крез был раздосадован: «Неужели ты ни во что не ставишь мое счастье и ставишь меня ниже простолюдинов?» И услышал в ответ: «Я знаю, Крез, что божество завистливо, а ты спрашиваешь меня о человеческом счастье... Человек ведь не более чем случайность. Ты, конечно, очень богат и повелеваешь многими народами, но назвать тебя счастливым я могу только тогда, когда узнаю, что ты благополучно окончил свои дни. Многих божество ласкало надеждой счастья, а потом ниспровергало. Во всяком деле надо поглядеть, каков его конец».

В VI и даже V веке греки приписывали богам мысли и чувства, свойственные смертным, — традиция, сохранившаяся еще от гомеровской эпохи. Вполне серьезно Геродот Галикарнасский, ученый, историк, путешествен-

ник, объездивший весь свет и знакомый с самыми просвещенными умами, утверждал: «Божество не терпит, чтобы кто-нибудь, кроме него самого, мнил высоко о себе». И никого не удивляли неожиданные повороты в судьбе отдельных людей или целых народов и государств — ведь миром правил рок, суровый, а главное — неумолимый.

Средиземноморье привыкало к новым именам, коротким и резким, как слова команды: Кир, Дарий, Ксеркс. Персидская речь звучала теперь на всем Ближнем Востоке. Не знавшие преград отряды завоевателей покорили греческие города Малой Азии, а в 525 году до н. э. Камбиз, сын Кира, захватил самую долговечную из стран — Египет. Трехтысячелетнее владычество фараонов кончилось, слово «фараон» исчезло из лексикона, и великое царство превратилось в рядовую провинцию, управляемую наместником, носившим гордое звание сатрапа.

VI век завершил историю Древнего Востока. Исчезли царства ассирийцев, хеттов, вавилонян, египтян, урартов, эламитов, финикийцев, мидийцев. На их месте раскинулась гигантская персидская империя Ахеменидов, с вожделением поглядывавшая на запад.

Элладу это пока не тревожит. Десятки греческих городов-государств — полисов — живут своими заботами, не подозревая об опасности. Их больше беспокоят внутренние распри или столкновения с ближайшими соседями. И уж совсем вдалеке, где-то на самой окраине тогдашнего мира, только рождается государство, на которое долгое время не будут обращать внимания, а когда обратят — станет уже поздно, и Риму удастся осуществить то, чего не смогла достичь ни одна держава древности.

Греция еще не знает иноземных нашествий. Но ей ведомы иные потрясения. VI век сокрушал старинные устои и менял политический облик маленьких, но ревниво оберегающих свою независимость полисов.

Началось это в предыдущем столетии. Община граждан, составлявшая основу города-государства, раскололась. Обремененные долгами крестьяне закладывали землю, а нередко и самих себя продавали в рабство. Ремесленники попадали в полную зависимость от купцов. Недовольство росло и направлялось против тех, кто стоял у власти. Управляла же всем старая, разоряющаяся, но упорно цепляющаяся за свои традиционные права аристокра-

тия. Представители знатных родов, владевшие обширными землями, исполнявшие жреческие функции, диктовавшие законы, составили замкнутую касту правителей, не нуждавшуюся даже в услугах монарха. В развитых греческих государствах VI век уже не знает царей. На их месте появляются выборные магистраты — своего рода президенты республик. В Коринфе их именуют пританами, в Аргосе — демиургами, в Афинах — архонтами.

В VII столетии аристократия чувствовала себя уверенно и не боялась политических соперников. Она недооценила другого врага, равнодушного ко всякой политике, способного с одинаковым успехом созидать и разрушать. Враг этот имел невзрачный облик прутьев, стержней и небольших слитков из меди или серебра. От обычных кусков металла их отличали твердо установленный вес и эмблема государства, их чеканившего.

В короткий срок деньги изменили жизнь.

Они подрывали устои натурального хозяйства, дали толчок торговле, ускорили развитие мореплавания. Они способствовали появлению новых классов — купцов, ростовщиков, предпринимателей, скупавших земли, — всех, тех, кого называли «новыми богачами». Людей стали ценить не за знатность происхождения, а по их состоянию, независимо от того, каким способом нажито добро.

Когда-то в почете был честный труд земледельца, весь смысл существования которого сводился к обработке скромного надела. Рабов в хозяйстве почти не использовали, и праздность считалась позором для свободного гражданина. Трудолюбие, умеренность, скромность составляли нравственный идеал, богатство же рассматривалось как награда, венчающая усилия пахаря, скотовода, виноградаря, работающих от зари до зари. Живший, как полагают, в VIII веке до н. э. Гесиод в поэме «Труды и дни» поучает:

Труд человеку стада добывает и всякий достаток.
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее
Вечным богам, как и людям: бездельники всякому мерзки.
Нет никакого позора в работе: позорно безделье.
Если ты трудишься, скоро богатым, на зависть ленивцам,
Станешь. А вслед за богатством идут добродетель с почетом...
Стыд — удел бедняка, а взоры богатого смелы.

Через каких-нибудь полторы-две сотни лет подобная тирана вызывала лишь улыбку. Но к последнему замеча-

нию прислушивались внимательно. В конце VII века уже твердо убеждены: «Деньги делают человека», и эта фраза входит в поговорку.

Только какие деньги? Добытые в поте лица на скудной греческой земле? Вовсе нет. Скупка и перепродажа участков, выгодные займы под проценты, торговля заморскими товарами, организация мастерских и изготовление предметов роскоши, инструментов, сосудов, находящихся сбыт в других странах, — такие источники доходов оказались более привлекательными.

Торговый капитал проникал во все сферы. Перед ним не устояла и твердыня старой аристократии — земельные владения, та самая недвижимость, которая воплощала в себе вечные и неизменные основы прежней жизни. Знать разорялась, распродала земли, шла на поклон к ростовщику, которого презирала, но без которого уже не могла обойтись.

Почувствовав силу, новая, денежная аристократия протянула руки к власти. Она хотела диктовать свои законы. Она утверждала, что свободные граждане достойны уважения, невзирая на отсутствие пышной родословной. И «новых богачей» поддерживали крестьяне и ремесленники, городская беднота, то есть основная масса народа, именовавшаяся демосом.

Страсти кипели во всех греческих полисах. «Старым добрым порядкам» пришел конец. Нередко дело доходило до вооруженных столкновений, и целые рода уничтожались либо подвергались изгнанию, их имущество перераспределялось. Ломались вековые традиции, менялись представления о доблести и благородстве.

И вот уже мегарский поэт Феогнид сокрушается:

Деньги в почете, и знатный берет себе в жены простую,
Простолудин — госпожу. Деньги — смеситель родов.
Не удивляйся ж тому, что тускнеет порода сограждан,
Если мешается так доброе племя с дурным...
В бедствия нас из великого счастья повергли — насилие,
Низкая жадность людей, гордость надменная их.

Демос устанавливал новые порядки. Он стремился к власти, хотел чувствовать себя господином, но еще не научился управлять. И он удовлетворился, когда от его имени это стали делать другие.

VII и VI века познакомили мир с тиранами.

Слово это вначале лишено было зловещего смысла и

означало всего лишь единоличного правителя, получившего власть не по наследству и не путем избрания, а в результате захвата.

Но уже в древности понимали, сколь зыбки и изменчивы юридические категории. Любое мероприятие могло стать законным, если подкреплялось силой. Тем более если в качестве такой силы выступал демос. Его благо объявлялось целью политики, и справедливым считалось все, что укрепляло могущество тирана — общепризнанного «предводителя народа».

В тирании видели залог мира и порядка в государстве, избавление от смут. Становясь над всеми группировками сограждан, тираны заигрывали с народом, всячески подчеркивая свою преданность его интересам. Они конфисковывали имущество знати, издавали законы против роскоши, защищали бедняков в суде, поощряли торговлю, устраивали ослепительные празднества, сооружали великолепные храмы, покровительствовали художникам и поэтам.

Тираны пытались походить на древних царей, окружая себя мудрыми советчиками и вооруженной свитой. Но при этом они старались не нарушать внешних форм республиканского устройства. Будучи единоличными правителями, они воздерживались от того, чтобы чеканить монеты с собственным именем. Власть их тоже облакалась в законные одежды: их считали защитниками государства, и, как высшие военачальники, они имели право содержать наемный отряд телохранителей.

Тайну тиранической власти раскрыл позднее Аристотель, понявший, сколь важно соблюдать демократические формальности, чтобы народ чувствовал себя господином даже в том случае, если он лишен реальной власти:

«Недопущение к осуществлению гражданских прав, нарушение справедливости, проявление наглости — все это ведет к государственным переворотам». А потому, «так как в состав государства входят два элемента — класс людей неимущих и класс людей состоятельных, — тиран должен внушить и тем, и другим, что их благополучие опирается на его власть... В глазах своих подданных он должен быть не тираном, но домоправителем... не узурпатором, но опекуном. Тиран должен привлекать на свою сторону знатных обходительностью, а большинство руководить при помощи демагогических приемов».

Тиранами становились разные люди, в том числе и

выходцы из аристократии. Именно они обычно особенно рьяно преследовали своих бывших единомышленников, чтобы такой ценой купить доверие демоса. И уже не только знатный, но и всякий мало-мальски выдающийся человек вызывал у них подозрение.

В то же время известно, однако, что, например, с именем тирана Периадра связан блестящий расцвет Коринфа, ставшего — правда, на короткий период — одним из ведущих эллинских государств.

На берегах Ионического и Адриатического морей Коринф основал цветущие колонии, во главе которых стояли родственники тирана. Сам город превратился в могучую крепость, надежно охраняемую флотом. По преданию, именно коринфяне изобрели якорь и создали новый тип военного корабля с запасными парусами — триеру, экипаж которой доходил до 200 человек. При Периадре были прорыты каналы, построена деревянная дорога, связывающая гавани, проведен водопровод. Коринф первым начал чеканить собственную монету и также впервые стал взимать пошлину за привозимые товары.

Периадр правил 40 лет и умер, окруженный почетом. Потомки считали, что ему повезло, ибо, как заметил через 2300 лет Дидро (написавший статью «Тираны» в издававшейся им «Энциклопедии»), «нет ничего более удивительного, чем тиран, умирающий в своей постели».

Не многих греческих тиранов ожидала подобная кончина. Их обычно свержали, либо они погибали от рук как внешних, так и внутренних врагов. Несмотря на внешний блеск, современники ощущали непрочность тирании, и она редко переживала два поколения. Даже коринфскому деспоту дельфийский оракул, по словам Геродота, предсказал: «Блажен Кипсел, и сам, и дети его, но не дети его детей», и вскоре после смерти Периадра его преемник был убит.

От рук персов погиб баловень судьбы самосский тиран Поликрат, занимавшийся пиратством и покоривший большую часть островов Эгейского моря. Недолго управлял Мегарами и тиран Феаген, свергнутый восставшим народом.

Тирания по природе своей не могла быть долговечной. Даже самые умеренные и осторожные правители вызывали в конце концов недовольство.

«Тирания преисполнена множества зол, — сетовал сицилийский тиран Дионисий, живший в V—IV веках до

н. э., — но нет среди них большего, нежели то, что ни один из так называемых друзей не говорит с тобой откровенно... Друзьям доверять нельзя — ведь если они люди разумные, то сами предпочтут стать тиранами, чем подчиняться чужой власти». И когда его приближенный Дамокл в верноподданническом восторге назвал Дионисия счастливейшим из смертных, тиран усадил его на свое место, и тот увидел над головой висящий на конском волосе меч, готовый ежеминутно оборваться.

Этого пресловутого «Дамоклова меча» мог не бояться, кажется, единственный греческий тиран — правитель Митилены Питтак. Во время ожесточенных распри демос призвал его, чтобы положить конец смутам. «При всеобщем одобрении поставили тираном над мирным несчастным городом Питтака, человека низкого происхождения!» — восклицал поэт Алкей, понося своих политических противников. Более объективные историки оценили деятельность тирана иначе. По словам Страбона, «Питтак воспользовался единовластием для уничтожения олигархов и, истребив их, возвратил городу независимость». Традиция рисует его человеком умеренным, бескорыстным и приписывает ему составление мудрых законов, обеспечивших порядок в государстве. Он дожил до глубокой старости и умер частным лицом, добровольно сложив с себя высокие полномочия.

* * *

В большинстве городов тираны не пережили VI века. Они сделали свое дело — они могли уйти. На языке науки это выражено лаконичной и сухой формулой: тирания сыграла прогрессивную историческую роль, сокрушив господство родовой знати и подготовив переход к новой политической и общественной организации — рабовладельческому полису; укрепив положение демоса, тирания стала противоречить его интересам и, лишённая социальной опоры, неминуемо обрекала себя на гибель.

Оттеснив аристократов, тираны не могли обойтись без помощи демоса, который рано или поздно должен был почувствовать собственную силу. Власть лишилась ореола непогрешимости.

«Аристос» по-гречески означает «лучший», «достойнейший», «благороднейший». Веками на аристократов смотрели, как на людей особой породы, которые, по ми-

лости богов (с которыми связывал свое происхождение каждый знатный род), призваны руководить общиной, племенем, народом. Они вершили суд и диктовали написанные законы, следуя нормам традиционной морали, которая раз и навсегда провела границу между «лучшими» и простонародьем.

В VI веке поняли, что управлять способен всякий — и военачальник, и пират, и купец, в жилах которых нет ни капли «божественной» крови. Отсюда оставался один шаг до неожиданной, почти неправдоподобной мысли: правителей можно избирать, контролировать их действия, смещать и наказывать, и тот, кто облечен властью, — всего лишь государственный чиновник на службе у демоса — верховного судьи и законодателя. Как позднее скажет Аристотель, «когда народ — хозяин выборов, он хозяин и правительства».

VI век изобрел демократию.

Возникла она во многих греческих полисах, но глашатаям ее стали Афины.

Начал Солон.

Потомок последнего афинского царя, он мог бы гордиться своей родословной и предаваться занятиям, приличествующим аристократу. Но род его обеднел, и Солон, чтобы поправить дела, стал торговать оливковым маслом. Не потеряв старых связей, он завязал новые: знать по-прежнему считала его своим человеком, не меньшее уважение вызывал он у купцов и ремесленников.

Политический капитал он приобрел благодаря мнимому безумству. После долгих лет безуспешной войны с Мегарами за Саламин отчаявшиеся афиняне приняли закон: казнить всякого, кто осмелится предлагать военные действия против злополучного острова. Солон прикинулся сумасшедшим и, едва слух о его помешательстве распространился, выбежал на городскую площадь и прочитал перед народом элегию под названием «Саламин», в которой призывал к новым походам. Умалишенного выслушали и отменили прежний закон. Солону поручили командовать войсками, и он довел войну до победы.

Авторитет его возрос. И когда в начале VI века обострился конфликт между знатью и демосом, лучшего посредника найти было нельзя. «Знать уважала его за богатство, бедные — за честность», — утверждает Плутарх. Точнее сказать: аристократы видели в нем члена своей касты, а демос — защитника своих вполне конкретных

интересов. Ошиблись и те и другие: Солон думал о спасении всего государства.

В 594 году до н. э. его избирают архонтом и наделяют чрезвычайными полномочиями для проведения реформ. Многие советуют ему стать тираном. Он отказывается, говоря, что «тирания — отличная крепость, только выхода из нее нет».

За советом он идет к дельфийскому оракулу, и Аполлон устами пифии вещает:

Смело средина заняв корабля, управляй им спокойно.
Верных помощников в том ты найдешь среди многих афинян.

Итак, золотая середина! Политика, требовавшая особого искусства, умения лавировать, находить компромиссные решения, примирять враждующие группировки.

От реформатора ждали слишком многого. По словам Аристотеля, «народ рассчитывал, что он произведет передел всего, а знатные, что он вернет прежний порядок или только изменит его». Солон попытался удовлетворить всех. Его воображению рисовалось идеальное государство, в котором царят мир, согласие и справедливость и где каждый ощущает себя членом единого коллектива свободных граждан.

Свободных?

И Солон начинает с того, что уничтожает долговую кабалу. Всю территорию Аттики покрывали устрашающие межевые столбы с записанными на них суммами долга. Это означало, что земля заложена, а ее владелец — безнадёжный должник или бывший крестьянин, превратившийся в раба. Солон вырывает столбы и возвращает должникам свободу. Отныне никто не смеет покушаться на личность гражданина Афин — даже самый последний бедняк должен оставаться свободным.

Но что делать земледельцу с неожиданно обретенной свободой? Солон отдает ему заложенную землю и объявляет долги недействительными. Он отыскивает тех, кого продали в рабство в другие страны, вносит за них выкуп, возвращает на родину и сажает на прежние участки.

Свидетельствует пусть богиня высшая,
Мать черная, земля многострадальная,
С которой сбросил я позорные столбы,
Рабья раньше, а теперь — свободная.
На родину, в Афины, в наш прекрасный град,
Вернул я многих, на чужбину проданных...
Освободил и здесь, на милой родине,

Тех, кто дрожал рабом господской прихоти.
Но я боролся не путем насилия,
Путем закона, правды, права, разума.
И, обещая, обещанья выполнил,
Не став тираном и не став насильником.

Но где гарантия, что все не повторится сначала? Что помещает знати увеличивать свои поместья, скупая крестьянские земли?

Солон отвечает: к прошлому возврата нет — и устанавливает предельную норму земельных владений. Он разрешает каждому завещать имущество кому угодно, а не только членам своего рода. Земля предков, священная и неприкосновенная собственность знатных родов, отныне может дробиться на мелкие участки и поступать в продажу.

Не забыты купцы, ростовщики, менялы. Солон начинает чеканить более мелкую монету, благодаря чему возрастает количество денег в стране, расширяются торговые операции. Кроме того, как передает Плутарх, «Солон, видя, что страна по своим естественным свойствам едва удовлетворяет потребностям земледельческого населения, а ничего не делающую толпу не в состоянии кормить, внушив уважение к ремеслам и вменил в обязанность наблюдать, на какие средства живет каждый гражданин, и наказывать праздных. ...Он издал закон, по которому сын не обязан был содержать отца, не отдавшего его в учение ремеслу».

Знатность отступала перед изворотливостью и предпримчивостью. Оставалось лишь узаконить новый порядок. И Солон изменяет государственное устройство.

Он думает о равноправии. Современникам известно его изречение: «Равноправие к смутам не приводит». Он достаточно смел, чтобы высказать такую идею, и слишком осторожен, чтобы реализовать ее. Слово «демократия» еще не появилось, об этом пока никто не помышляет. И меньше всего Солон, который делает первый шаг к ней. Но он уже знает: привилегии дает не рождение, а состояние. И делит народ на четыре группы.

Самым зажиточным доступны высшие должности — архонтов, военачальников, казначеев. Они же несут и самые обременительные расходы. Два других класса тоже участвуют в политической жизни, входя в Совет четырехсот, управляющий страной.

А что же демос? Тот самый народ, который еще не

умеет править, но уже хочет царствовать? Солон дает ему почувствовать вкус власти. Он возрождает народное собрание — экклесию, где каждый может голосовать и высказывать свое мнение. Он создает высший судебный орган — гелию (суд присяжных), доступный всем без исключения гражданам. 6 тысяч членов этого народного суда имеют право пересматривать любые решения должностных лиц, избранных экклесией.

Как принято считать в науке, конституция Солона оформила гражданский коллектив Афинского государства и заложила основы рабовладельческой демократии.

Сам Солон вряд ли был способен так оценить свою деятельность. Он скромно полагал, что дал афинянам «самые лучшие законы из тех, которые они могли принять». Он неуклонно следовал велению оракула, который, правда, не предупредил его, что «трудно в великих делах сразу же всем угодить».

«Все — в меру». Это крылатое изречение было высечено на храме Аполлона в Дельфах. Мера означала порядок и гармонию. А разве не этого добивался афинский реформатор?

Да, я народу почет предоставил, какой ему нужен, —
Не сократил его прав, не дал и лишних ему.
Также подумал о тех, кто имел и богатство, и силу,
Им чтоб никто не чинил несправедливых обид.
Встал я могучим щитом, и тех, и других прикрывая,
И никому побеждать не дал насильем других.

«Могучий щит» — звучит внушительно и гордо.
Но было и другое признание:

..... Когда бы сам
Противников я слушал всех и слушал всё,
Что мне кричали эти и кричали те,
Осиротел бы город, много пало бы
В усобице сограждан. Так со всех сторон
Я отбивался, словно волк, от своры псов.

И Солон устал отбиваться. Аристократы возмущались тем, что их лишили привилегий и смешали с чернью. Демос, получивший права, не желал оставаться нищим и настаивал на переделе земель. Реформатор стремился к умиротворению — от него требовали насилия. Обе армии предлагали ему командование, а он пытался избежать войны...

Солон уехал из Афин. Он покинул город, взяв с граждан обещание сохранять верность его законам и в течение 10 лет не менять в них ни единой буквы.

Возвратившись после долгих странствий на родину, Солон убедился: законы остались прежними, разногласия — тоже. Только равновесие нарушилось. В городе уже три группировки, или, как их называют, партии: в одной — знать, в другой — купцы, судовладельцы, ремесленники, в третьей — крестьяне. Страсти накалены до предела — вот-вот вспыхнет гражданская война. Солон пытается предотвратить столкновение, вызывает к сдержанности и терпимости. Его вежливо слушают, но никто не следует советам миротворца.

Афины созрели для переворота. Он наступает в 560 году до н. э.

Ничего, кроме тирании, история предложить не могла. И тиран находится. Это родственник Солона — Писистрат, посуливший крестьянам и бедноте избавление от тягот. Аристократ берет на себя роль крестьянского вождя и защитника народа. Положение крайне двусмысленное: ему и верят и не верят. Знать обвиняет его в измене. Демос способен отвернуться от него при малейшем промахе.

Он окружает себя отрядом телохранителей — «дубинщиков». 300 человек охраняют его дворец на Акрополе. Но они бессильны защитить власть. Дважды Писистрат теряет ее и вынужден уходить в изгнание. А потом вновь с триумфом вступает в город. Последний раз это происходит в 537 году.

Наученный опытом, тиран отказался от советов Солона, которым до тех пор следовал. Он понял, что принуждение — более действенное средство, чем уговоры. Несогласных проще устранить, чем переубеждать.

Писистрат начинает расправляться со своими противниками. Одни погибают, других изгоняют, третьи сами спасаются бегством. Земля и имущество осужденных и бежавших передаются крестьянам. Создаются специальные суды, разбирающие тяжбы земледельцев с аристократами.

Тиран выполняет обещания, которые давал демосу. Он вводит государственный кредит для нуждающихся крестьян. Ремесленники получают многочисленные заказы, широкое строительство дает заработок бедноте. Успешные войны позволяют пробиться к Черному морю.

Оттуда, из причерноморских степей, купцы привозят зерно, продавая там изделия ремесла.

Афины богатеют. Их облик меняется на глазах. При Писистрате проводят водопровод, сооружают бассейны, впервые применяют мрамор для отделки зданий. Лучшие мастера Греции работают над украшением храмов и общественных построек.

Политические права граждан по-прежнему неизменны. Конституция Солона не отменена. Единственная поправка к ней: тиран сам назначает и смещает высших чиновников. Впрочем, демос пока этим не обеспокоен. На время он перестает думать о политике. Он вспомнит о ней после смерти Писистрата в 527 году, когда власть перейдет к его сыновьям — Гиппию и Гиппарху.

Популярность не передается по наследству, и новые правители вскоре восстанавливают против себя афинян. В результате заговора от рук двух юношей — Гармония и Аристокитона — в 514 году погибает Гиппарх, а в 510 году старинный род Алкмеонидов с помощью спартанских войск свержает Гиппия.

Что ждет Афины?

Родовая знать обессилена. Тирания окончательно скомпрометирована сыновьями Писистрата. Кому же управлять страной? Ответ дал Клисфен — Алкмеонид, возглавивший демос.

Он ввел новое административное деление, окончательно подорвав влияние аристократических родов. Аттика разделилась на 10 фил, каждая из которых посылала по 50 представителей в Совет пятисот. Совет этот обсуждал дела, подлежавшие утверждению в Народном собрании.

Филы избирали по одному человеку в коллегию стратегов, которые, командуя войсками, поочередно сменяли друг друга. Теперь уже никто не мог использовать вооруженные отряды для захвата власти.

Наконец, был принят закон об остракизме — закон, продиктованный страхом перед тиранией.

Любой гражданин, приобретавший политическое влияние, рассматривался как угроза обществу — ведь он мог стать тираном. Мог! Одного подозрения было достаточно, чтобы приговорить к изгнанию человека, невзирая на его заслуги (а нередко именно благодаря им). Раз в год Народное собрание решало, есть ли необходимость в остракизме. И на заседании, где должны были присутствовать

по меньшей мере 6 тысяч граждан, проводилось голосование. Никто не обсуждал компрометирующих поступков или речей — просто на черепке каждый писал имя того, кто, по его мнению, заслуживал наказания. Осужденному большинством голосов предстояло на 10 лет покинуть пределы Аттики. Правда, имущества его не трогали, семье разрешали жить в Афинах, а самого изгнанника по истечении срока полностью восстанавливали в правах.

Закон призванный оберегать демократию, в конце концов обернулся против нее: его использовали в межпартийной борьбе для сведения счетов с соперниками.

Отвергнув привилегии богатства и знатности, афиняне гордо провозгласили равноправие всех граждан. И столь же решительно отгородили гражданский коллектив от остальных жителей, за счет которых существовали.

Демократия означает народовластие. Рабовладельческая демократия утверждала господство свободных граждан, составлявших меньшинство населения. Детище своего времени, она заключала в себе роковое противоречие, ставившее пределы ее развитию. Но VI век этого предусмотреть не мог.

* * *

А век был любознательным. Он хотел знать больше, чем мог. Он пробовал то, что ему не по силам, делал открытия, которые не в состоянии был оценить. Он пытался обогнать самого себя.

В VI веке появились на свет невероятные теории — с точки зрения современников настолько нелепые, что их авторов даже не обвиняли в богохульстве. Впрочем, понятия «ереси» еще не существовало, и греки отличались сравнительной веротерпимостью. Они требовали лишь строгого исполнения обрядов и не прощали оскорбления святых, религиозными же убеждениями государство не интересовалось. Да и какие убеждения, когда все издавна известно и объяснено в мифах? Мир и человек созданы богами. Бессмертные обитатели Олимпа управляют землей и небесами. От богов зависят вихри, землетрясения, извержения вулканов, морские бури, грозы, засухливый зной. Но они же дают солнечный свет, живительные дожди, благодаря им плодоносит Земля — плоский диск, омываемый Океаном.

Во всем похожие на людей, они способны страдать и гневаться, завидовать и лукавить, быть добрыми и жестокими. Такими их изображали поэмы Гомера, впервые записанные в Афинах при сыновьях Писистрата. Ми́фам же и Гомеру верили безоговорочно. А потому кто мог всерьез воспринимать речи Анаксимена из Милета, утверждавшего, что боги возникли из воздуха?! Или Ксенофана, заявлявшего, что боги ничего общего не имеют с людьми, которые создали их по своему образу и подобию?

Изгнанный персами из Ионии, этот странствующий философ декламировал на городских площадях свою поэму «О природе», в которой обвинял Гомера и Гесиода за то, что они рассказали о недостойных поступках богов. На самом деле олимпийцы совсем не такие — они даже выглядят иначе. Ведь —

Если б быки, или львы, или кони имели бы руки,
Или руками могли рисовать и ваять, как и люди,
Боги тогда б у коней с конями схожими были,
А у быков непременно быков бы имели обличье, —
Словом, тогда походили бы боги на тех, кто их создал.

VI век высказывал гениальные догадки и бессилён был их доказать.

Уроженец Самоса Пифагор, которого Гераклит назовет самым ученым человеком своего времени, занимается математическими рядами и пропорциями, формулирует (если верить молве) знаменитую теорему, создает теорию музыки и приходит к выводу, что вся природа — это комбинация различных величин и миром управляет Число. Иными словами, нет хаоса, нет своеволия божества — есть закономерность, порядок. Пифагор изобретает слово «космос», означавшее «вселенную», «красоту» и «гармонию». Современники запомнили это странное слово, хоть и не поняли его, как не поняли и сотню лет спустя словечка «атом», брошенного Демокритом.

Пифагор высказывает еще одну мысль, чудовищно неправдоподобную для той эпохи. За 2 тысячи лет до Колумба он настаивает: Земля шарообразна. Более того — она к тому же движется в пространстве!

В VI веке начинают доискиваться до сути вещей — и возникает наука. Она рождается из практических нужд и становится собой с того момента, как перестает думать о них.

Список ученых открывает Фалес из Милета.

Милет — это Иония. Ее называют иногда «греческим Вавилоном». Там смешивались народы и мировоззрения, и прежде всего Греция с Востоком. Раскинувшись на островах Эгейского моря и на побережье Малой Азии, Иония раньше других эллинских государств соприкоснулась с восточной мудростью. В VI веке Восток еще культурнее Эллады, и просвещаться европейские греки отправляются в Египет, Вавилонию, в ионийские города.

Фалес живет в городе купцов и мореходов. Как и все, он ждет возвращения в гавани кораблей и проклинает засуху, погубившую урожай. Говорят, все зависит от богов? Может быть. Он не спорит, но хочет понять. Ответ он ищет в небе. Точнее даже, между небом и землей — в воздухе. Его интересуют воздушные явления (по-гречески «метеоры»). Над ним смеются, и через две с половиной тысячи лет до нас доходит анекдотическая история о том, как, наблюдая за светилами, он упал в колодезь. Какой превосходный урок тем, кто бросает вызов здравомыслящим людям и ломает привычные представления!

Милетцы считают Фалеса чудачком и еще не понимают, что он куда более «земной» человек, чем его сограждане.

Он ищет простые и понятные причины непонятных явлений.

Солнце — звезда, Луна — спутник Земли. Сейчас это известно уже дошкольнику.

Солнце, Луна, звезды, блуждающие светила (планеты) — боги или герои, ставшие бессмертными, — тогда это тоже знал каждый.

До первой истины Фалес подняться еще не в состоянии. «Невежество — тяжелое бремя», — с горечью признается он, ощущая на себе эту тяжесть. Но вторую истину он принять не может. Небесные светила — не боги, а обычные предметы — такие же, как Земля. Они способны двигаться, заслонять друг друга, и тогда...

В 585 году до н. э. Фалес предсказал затмение Солнца.

Но если природа наполнена естественными вещами, то из чего же они состоят? Ионийские ученые, наивные в своей беспомощности и дерзости, отыскивали первооснову вещей. Фалес уверял, что все возникает из воды и превращается в нее. Анаксимен отдал предпочтение воздуху. Анаксимандр объявил первоэлементом бесконеч-

ную, бессмертную и вечно движущуюся материю, из которой образуются земля, вода, воздух и огонь.

Нелепо?

Сегодня мы говорим: да. И понимаем, что это лепет мудрецов, осмелившихся подумать о материальных началах мира, рискнувших обобщать. Так начинается наука.

Вавилоняне и египтяне, соорудившие храмы и пирамиды, отлично знали, что $3^2 = 9$, $4^2 = 16$ и $5^2 = 25$. Начертив прямоугольный треугольник, у которого катеты 3 и 4, они измерили гипотенузу и убедились, что она равна 5. А значит площадь квадратов, построенных на катетах такого треугольника ($9 + 16$), та же, что и площадь квадрата, построенного на гипотенузе (25).

Оставался еще один шаг: доказать, что это верно для всякого прямоугольного треугольника, независимо от величины его сторон. Древневосточные землемеры его не сделали. Нужен был ум, который из частных, конкретных свойств выведет общий закон. Понадобился Пифагор.

Фалес и его последователи пытались найти общее в мироздании. Их называли «физиками» («физика» по-гречески — «природа»), позднее именовали гилозоистами, то есть теми, кто признает материю живой. Но они были первыми философами уже в подлинном смысле слова, которое, как передают, придумал Пифагор, но которое вошло в употребление лишь сотню лет спустя.

VI век открывает и изобретает.

Получают имя материки — Европа и Азия. Так они обозначены на первой географической карте, высеченной Анаксимандром в Милете.

Появляются ноты для инструментов.

Солон вводит в 594 году твердый календарь, в основе которого лежит лунный цикл.

Анаксимандр конструирует солнечные часы, отмечаящие точные промежутки времени, и делит день на 12 частей.

Излюбленным материалом скульпторов становится мрамор.

Из хоровых песен в честь бога Диониса (дифирамбов) возникает театр. На сцену выходит актер, который ведет диалог с хором. В 534 году афинянин Феспид ставит первую трагедию, в которой сам выступает в качестве главного исполнителя. Он же придумывает грим и маски для участников представлений.

Ионийцы знакомят греков с первыми прозаическими сочинениями. Их авторы обрабатывают мифы, пишут о событиях из жизни городов и народов. Их называют еще не историками, а всего лишь логографами (прозаиками).

Пифагорейцы впервые делят числа на четные и нечетные и вычисляют сумму углов треугольника.

Но VI век еще многого не умеет и не понимает.

Нет научной медицины, биологии, физики, географии, истории. Еще не определена продолжительность солнечного года. Неизвестны части речи и падежи. Люди не знакомы с ораторским искусством. Им еще неведома комедия. Никто не осуждает рабства. Никто не осмеливается отрицать богов.

Все это предстояло узнать V столетию до н. э., которое позднее назовут эпохой высочайшего расцвета греческой цивилизации. Чтобы это произошло, понадобились, по крайней мере, два обязательных условия — независимость Эллады и победа демократии в Афинах.

В 500 году начинается полувекровая война греков с персами.

Около 500 года рождается Перикл.

СЫН КСАНТИППА

О Перикле написаны сотни статей и книг. Но даже самым дотошным исследователям не удалось установить, когда он родился. Точно известна дата его смерти. Сколько лет ему исполнилось в тот момент? Вопреки обыкновению, об этом не сообщает ни один античный историк. Наверняка ему было за 60. Значит, он появился на свет в середине 90-х годов V века до н. э.

Рождению его предшествовало странное предзнаменование: матери приснилось, что она беременна львом. Отец вряд ли верил в подобные чудеса и потому ничуть не удивился, когда взял на руки обыкновенного, пока еще ничем не выдающегося ребенка. Смущало, пожалуй, лишь

одно — чересчур продолговатая и несоразмерно большая голова у младенца. Она могла в будущем стать предметом гордости или объектом насмешек.

Когда Перикл делается вождем демоса и главой государства, народ сравнит его с самим Зевсом и будет именовать «Олимпийцем». А комедиографы обрушат на эту голову поток ругательств, соревнуясь между собой в изобретении издевательских кличек. Перикла назовут, пародируя прозвище Зевса («тучесобираатель»), «собираателем голов», «человеком-с-головой-в-виде-луковицы», «главой подземного царства». Со сцены его обвинят в том, что он «то сидит в городе в недоумении от множества дел, то один из головы своей огромной поднимает страшный шум».

Но до этого еще далеко. До семи лет Перикл не покидает отчего дома. Вместе с матерью он живет на женской половине под надзором специального раба-воспитателя (педагога). Он возится с игрушками, слушает сказки, мифы, басни Эзопа, не зная которые считалось позором. (Герой аристофановских «Птиц», стремясь побольнее уколоть собеседника, находит уничтожающий аргумент: «Ты глуп, и невеждою рос, и не читывал басен Эзопа».) Мальчика обучают правилам поведения, строго наказывают за проступки, его хотят видеть достойным гражданином.

Иногда отец приглашает его участвовать в пирах. Ксантипп богат и влиятелен. Его интересует политика, государственные дела — ведь он один из вождей рода Алкмеонидов. Этим Ксантипп обязан своей супруге — Агаристе, внучке знаменитого Клисфена. Род прославили многие деятели, но афиняне не забывали, что однажды он покрыл себя позором. В VII веке до н. э., подавляя смуту в Афинах, Алкмеониды обещали сохранить жизнь заговорщикам, если они покинут храм, в котором укрылись. Но слова своего Алкмеониды не сдержали. С тех пор о родовом проклятье вспоминали каждый раз, когда с ними сводили счета их противники.

Перикл слышит рассказы о подвигах предков. И знакомится с искусством, которым в совершенстве владеет отец, — искусством политической интриги. Вскоре он делает еще одно открытие: победы достигаются не только в открытом бою, и красноречием можно иногда добиться большего, чем оружием.

Кажется, не было в Афинах человека, способного со-

перничать славой с Мильтиадом. Ведь это он настоял на том, чтобы начать Марафонское сражение в 490 году. Под его командованием афиняне разгромили персидскую армию и спасли Элладу от порабощения. И что же? Когда на следующий год его экспедиция против союзников персов не увенчалась успехом, суд присяжных постановил, чтобы он возместил все расходы. Не в силах уплатить огромный штраф, Мильтиад оказался в тюрьме, в которой и окончил свои дни.

Обвинителем в суде выступил Ксантипп...

Алкмеониды торжествовали недолго. Проходит еще два года, и Народное собрание одобряет поправку к клисфеновской конституции: отныне на должность архонтов граждан избирают не голосованием, а с помощью жребия. Но жребий слеп и безразличен к агитации. Алкмеониды обезоружены, их влияние катастрофически быстро падает. В 485 году Ксантиппа подвергают остракизму, и он покидает Афины.

Семью его не трогают. В жизни Перикла ничего не меняется. Вместе со сверстниками он занимается в школе. Слово это означало у греков «покой», «отдых», «досуг» и «времяпровождение на досуге». Позднее им обозначали беседы философов с учениками и вообще всякие учебные занятия.

До 16 лет Перикл посещает так называемую мусическую школу. «Мусический» — то есть «относящийся к Музам». Понятие «музыка» включало в себя не только определенный вид искусства, но и все, что находилось в ведении Муз: литературу, науку, пение, танцы. Музы и Аполлон покровительствовали ученикам. Их изображения стояли в школах, им молились перед началом занятий. Обучение грамоте начиналось со склонения слова «Муза».

Перикл учится писать. Сперва заостренной металлической палочкой на восковых дощечках, потом отточенным тростником на папирусе. Буквы, слова, строчки. Отрывки из стихов. Поговорки. Крылатые изречения мудрецов, высеченные на стенах дельфийского храма.

Семь мудрецов. Семь имен, окруженных легендой. Одна из них гласит:

Однажды из моря выловили золотой треножник, принадлежавший жене спартанского царя Елене — той самой, из-за которой началась Троянская война. На нем было написано всего одно слово, как и на роковом яб-

локе, перессорившем некогда богинь. Только там значилось: «Красивейшей», а здесь: «Мудрейшему».

Ни один мудрец не решился оставить треножник у себя — каждый отсылал его в дар тому, кого считал более достойным. Когда круг замкнулся, они нашли простейшее решение — пожертвовали злополучный дар Аполлону — покровителю мудрецов.

Вероятно, они никогда не встречались друг с другом: их объединила лишь посмертная молва. Одни из них были законодателями, другие — тиранами и полководцами, третьи — советчиками царей. Со временем об их делах стали забывать. А изречения сохранились. О мудрости судили по словам. И запоминали:

Фалес из Милета: «Соблюдай меру».

Солон, афинянин: «Ничего — слишком».

Периандр, тиран коринфский: «В счастье знай меру, в беде — рассудительность».

Клеобул, тиран Линда (на Родосе): «Будь властью своих удовольствий».

Питтак, правитель Митилены: «Трудно быть хорошим».

Биант из Приены (близ Милета): «Все мое ношу с собой».

Хилон, спартанец: «Преодолевай гнев», «Познай самого себя».

Мудрецы учили добродетели и призывали к умеренности, сдержанности, честности, трудолюбию («Не будь бездельником, даже если ты богат», «Живи честно, чтобы тебя хвалили при жизни и славил после смерти»). Они обращались к гражданской совести («Советуй согражданам не самое приятное, а самое лучшее»), осуждали хвастовство и болтливость («Пусть язык не опережает разума», «Много слушай — говори лишь самое необходимое»).

Современному человеку подобный свод жизненных правил покажется на удивление пресным. Чем же могли привлечь эти прописные истины людей VI века до н. э.? Наверное, тем, что тогда они только становились такими истинами.

Рождался новый нравственный идеал. Порядок, строгость, самоконтроль противопоставлялись прежнему разгулу страстей и безудержному своеволию знати. Неисто-

вый темперамент гомеровских героев не знает преград на своем пути. Охваченные гневом или яростью, они глухи к доводам рассудка. Призывать Ахилла к чувству меры нелепо, когда решающим аргументом служит меч. Ни один совет мудрецов не мог прийти по вкусу старой родовой знати. На это они и не рассчитывали. Мудрецы обращались к демосу, к тем, кто впервые осознал себя гражданином.

Прививать это сознание начинают со школы. «Душу мы прежде всего совершенствуем, обучая юношей музыке, счету и грамоте, — пишет античный автор. — Затем они учат изречения мудрецов, рассказы о древних подвигах и полезные мысли, изложенные в стихах. Слушая о наградах и достойных деяниях, юноши вырастают душой и стремятся к подражанию».

Перикл еще не знает, кому следовать. Он сидит на низкой скамье у ног учителя и слушает стихи. Размеренно, неторопливо, словно морской прибой, набегают строки гекзаметра. Вновь оживают знакомые герои — бесстрашный и неукротимый вождь ахейцев Ахилл, хитроумный, неунывающий Одиссей, скорбный, беспомощный Приам. Бесконечно далекая жизнь, непонятные люди! Ими можно восхищаться, но подражать им?..

Перикл вздрагивает. Наставник говорит уже совсем о другом. Этот худой, вечно чем-то озабоченный человек в грязном хитоне и стоптанных сандалиях, получающий плату за свой труд и потому недостойный уважения, с важным видом рассуждает о том, что надо довольствоваться малым, не искушать судьбу и во всем знать меру. Он цитирует Архилоха, повторяя по несколько раз каждую строку:

Победишь — своей победы напоказ не выставляй,
Победят — не огорчайся, запершись в дому, не плачь.
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй,
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт.

— Скрытый ритм? Непонятно. Разве каждый человек не сам определяет свою жизнь?

Наставник грустно улыбается:

— Конечно, сам. Но сам же и расплачивается.

И рассказывает историю Поликрата.

— Самосский тиран был необыкновенно удачлив. С сотней кораблей и тысячью стрелков из лука он покорил множество городов, ограбил их жителей и стал

богатым и грозным правителем. Счастье ни разу не изменило ему, что особенно тревожило его друга — египетского царя Амасиса. И вот тиран получает письмо:

«Амасис так говорит Поликрату. Приятно слышать, что друг и союзник благоденствует. Но твои необыкновенные удачи не радуют меня, потому что я знаю, сколь завистливо божество. И для себя, и для тех, кто мне дорог, я желал бы, чтоб удачи сменялись неудачами. В самом деле, я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь, кому всегда выпадала удача, не кончил несчастливым. Поэтому послушай меня: выбери самую драгоценную вещь, которую больше всего боишься потерять, и избавься от нее, закинь так, чтобы она никогда не попадалась людям на глаза».

Поликрата внял совету и решил избавиться от золотого перстня. Снарядил корабль и вышел в открытое море. Там он снял перстень и швырнул его в воду.

Через несколько дней ко дворцу тирана подошел человек.

— Ты кто? — спросил его стражник.

— Рыбак. Я хочу видеть Поликрата.

— Зачем?

— У меня для него подарок.

Рыбака провели к Поликрату, и он поднес тирану огромную рыбу.

— Хотя я и живу трудом своих рук, я не решился, поймав такую рыбу, тащить ее на рынок. Она показала мне достойной тебя и твоей власти, и я дарю ее тебе.

Когда слуги разрезали рыбу, они нашли в ней перстень, который море возвратило хозяину. И Поликрата уверовал в то, что боги никогда не отвернутся от него, не желая нарушить его счастья. Но возмездие наступило. Вероломные союзники заманили Поликрата в ловушку и предательски убили. Так что прав мудрый Эзоп, говоря:

..... Если случится
Радость кому испытать — следом отмщенье идет.

Расплата, возмездие. Перикл слышит об этом на каждом шагу. Дерзких карают боги, неосмотрительных — люди. Каким же нужно быть, чтоб не искушать судьбу? Злым или добрым? Решительным или смиренным? Угодить всем или оставаться самим собой? Вопросы, непо-

сильные для мальчишеского ума. Но одно он усваивает твердо — всегда и во всем человек должен сдерживать себя. Ничего — слишком, все — в меру. Терпение. Еще раз терпение. И осторожность.

Так формируется характер. Пока еще — характер юнца. Позднее — характер государственного деятеля. В глазах потомков он превратится в символ политики и даже целой эпохи, которую обозначат именем Перикла.

Мальчик устало бредет по улице. Он не спешит домой и медленно повторяет про себя стихи, которые приплось сегодня заучивать. Хорошо тем, у кого есть папирусы, — их можно не раз перечитывать. Но они стоят немалых денег. А отец, хоть и богат, но скуп и расчетлив. Он практичный человек и не станет тратиться на пустяки. То ли дело постройка корабля, который принесет доход, или устройство театрального представления, о котором будут говорить: «Помните, это случилось, когда хорегом был Ксантипп?» Впрочем, сейчас, когда он в изгнании, ему не до того.

Учитель не выпускает драгоценного свитка из рук. Он повторяет строку за строкой, пока не убедится, что текст заучен наизусть. Хорошо еще, что он читает стихи — их запомнить нетрудно. А вот проза? Кто ж упомянет сочинения, в которых нет ни строгого размера, ни ритма?

Перикл еще не знает: когда произведения прозаиков — ученых, историков, философов — приобретут популярность, с ними будут знакомить учеников школ. И неизбежно появятся учебники, которые грекам еще не известны.

А пока их заменяют поэмы Гомера и Гесиода. Гомер — это целая энциклопедия, учебник истории, географии, источник мудрости и благочестия. «Когда дети научились грамоте, — говорит Платон, — им кладут на скамейки стихотворения хороших поэтов, — а там много вразумлений, назидательных рассказов и прославлений древних доблестных мужей — и заставляют их выучивать, чтобы ребенок подражал и стремился стать таким же».

«Полезным» поэтом считали и Гесиода. В его «Теогонии» рассказывалось о происхождении богов и людей, а «Труды и дни» давали советы, как вести хозяйство, управлять домом, увеличивать богатство.

Образованный эллин должен был помнить множество стихов, чтобы украсить свою речь во время беседы. Однажды Сократ предложил друзьям: пусть каждый признается, чем он больше всего гордится. И один из собеседников ответил:

— Отец мой, заботясь, чтобы из меня вышел хороший человек, заставлял меня учить все произведения Гомера, и теперь я мог бы прочесть наизусть всю «Илиаду» и всю «Одиссею».

Гордиться и в самом деле было чем: в обеих поэмах в общей сложности почти 28 тысяч строк!

Перикла знакомят не только с поэзией. Как истинный гражданин, он обязан уметь играть на флейте и лире, петь, танцевать. Ведь музыка, как и математика, облагораживает человека. Перикл уже знает четыре арифметических действия, квадраты и кубы чисел, дроби, пропорции, решает геометрические задачи. Он не собирается подсчитывать будущие расходы и доходы — он готовит себя к политической деятельности и тренирует ум.

Бессмертные боги! Надо спешить — он чуть не забыл: сегодня его ждет учитель музыки Дамон. От него всегда услышишь что-нибудь неожиданное и необычное. Его и называют каким-то странным словом — «софист». Агаристе Дамон внушает подозрение: не влияет ли он дурно на ее сына. Но она молчит — такова воля изгнанника-мужа. Зато Перикл счастлив — у него есть друг, которому можно довериться.

— Так ты говоришь, Перикл, что хочешь научиться добродетели? Справедливое желание. Только как понимать добродетель?

— Я думаю, Дамон, добродетелен тот, кто делает добро.

— Кому?

— Своим согражданам.

— А что же для них добро? Деньги? Земля? Ты хочешь им это дать?

— Нет-нет, наверное, людям нужно другое, только я не знаю — что.

— Я тоже не знаю, Перикл. Но было бы хорошо, если б они хотя бы не мешали друг другу. А то каждый заботится лишь о себе, о своей выгоде...

— Я понял тебя, учитель. Ты же сам говорил, что целое важнее части. Если государство процветает — жители счастливы, верно?

— Какие жители? Твой раб, например, которого бьют, если он не принесет вовремя продукты с рынка?

— Я говорю о гражданах, о свободных людях.

— А что такое человек?

— Ну, это... живое существо.

— Чем же он отличается от зверей?

— У него есть разум, душа, он умеет говорить.

— А от богов?

— Они же бессмертны.

— Итак, человек смертен, наделен речью, способен чувствовать и размышлять. Верно? Тогда твой раб ничем не отличается от тебя.

— Но я ведь рожден свободным.

— Как и он. И, как и он, можешь потерять эту свободу.

Странные речи. Еще никто и никогда не осуждал рабства. Впервые это стали делать странствующие учителя мудрости — софисты. Они вовсе не требуют отменить его — жизнь без рабов попросту невозможно представить. Они принимают его как необходимость, как неизбежное зло. Природа создает людей свободными, сила и закон превращают их в рабов.

Рабство просуществует еще тысячу лет. Время от времени будут раздаваться голоса против него. Философы начнут убеждать в том, что оно портит, развращает общество, противоречит справедливости и добродетели. Но рабство исчезнет не потому, что его признают безправственным, а только тогда, когда оно станет невыгодным.

Судьба рабов не интересует Перикла. Ему еще предстоит размышлять над ней. А пока... Дамон разжег в нем любопытство. В самом деле, почему афиняне, граждане одного государства, живут, словно враги? Почему ораторы, не стесняясь в выражениях, поносят соперников, а Народное собрание сегодня отворачивается от тех, кому вчера еще доверяло?

Дамон говорит: каждый думает о собственной выгоде. Неужели нет ничего, чем все дорожили бы одинаково? Неужели нельзя достичь согласия между людьми?

Дамон язвительно усмехается:

— Солон однажды попробовал, но тщетно. Он был слишком добр.

— Значит, надо быть жестоким? А не ты ли внушал,

что тирания — худшее из зол и оскорбительна для свободных граждан?

— Конечно. Но я имею в виду другое. Почему ты и твои приятели прилежно слушаете учителя, когда он читает то, что вам и так давно известно?

— Кому же хочется получить напайкой по голове?

— Ага, значит, вы боитесь? Так. А признайся, можешь ли ты совершить какой-нибудь недостойный, позорный поступок?

— Нет.

— Почему?

— Меня строго накажут.

— А если никто не узнает?

— Все равно не могу. Боги не простят этого.

— Значит, опять страх? Превосходно. Теперь представь, что каждый житель в государстве испытывает такое же чувство, только пугают его не боги, которые далеко, а окружающие люди.

— Тогда все возненавидят друг друга.

— Но допустим, государству грозит гибель и все боятся одного и того же? Не станете ли вы действовать совместно?

— Кто же помнит об обидах, когда идет война?

— Вот и ответ на твой вопрос, мой юный друг.

— Подожди, Дамон, ты не все сказал. Хорошо, врагов прогнали, никто больше нам не угрожает. Что дальше? Опять начнутся раздоры? Бояться-то больше нечего?

— Увы, именно так.

Страх! Еще одна мысль оставляет след в душе Перикла. Только страх способен удержать людей от преступлений, заставить их действовать сообща, подчиняться закону. Но страх рождает ненависть, а ненависть — ненадежный союзник. Полжизни понадобится Периклу, чтоб найти выход. Он поймет и убедит сограждан, что больше всего опасаться они должны самих себя, если хотят жить в мире и согласии...

Но до мира еще далеко.

Греческие города взволнованы зловещими слухами. Поговаривают, что персидский царь вновь собрал войска и снарядил флот, чтобы отомстить за поражение при Марфоне.

В Элладу пришел Страх.

ОТ МАРАФОНА ДО САЛАМИНА

— Дарий, помни об афинянах!

Он возненавидел их еще 10 лет назад, когда восстали ионийские города и прогнали тиранов — его надежных союзников. В Эфесе, Милете, в Кари, на островах Эгейского моря призывали не подчиняться персам. Греческие отряды двинулись в глубь Малой Азии и сожгли персидскую резиденцию — Сарды. Но сил не хватало. Посланцы восставших умоляли эллинов о помощи — откликнулись лишь Эретрия и Афины, отправившие 20 кораблей.

Дарий не тревожился и не торопился. Шаг за шагом его армия теснила греков, запирая их в городах. Спасти могло только море. Но в 494 году в решающей

битве близ Милета последние надежды развеялись. Флот погиб: 350 кораблей было потоплено, сожжено или захвачено победителями.

Дарий мстил расчетливо и хладнокровно — за прошлое и на будущее. Тогда-то он узнал о союзниках восставших. «Афиняне? Что за народ?» — недоумевал царь. Ему объяснили. Он приказал подать лук, натянул тетиву и пустил стрелу ввысь, к небу, словно призывая его в свидетели. А затем промолвил: «Да свершится мое возмездие!»

«Дарий, помни об афинянах!»

Трижды слуга повторяет эту фразу. Каждый день. Всякий раз, когда царь царей, «повелитель четырех стран света» приступает к трапезе. Она — как заклинание, как призыв к отмщению. О, он расправится с афинянами так же, как с Милетом, от которого остались одни развалины! Даже имя их должно исчезнуть: он истребит мужчин и обратит в рабов детей и женщин. Дарий ничего не прощает. Он не забыл, как оскорбили его в Элладе, когда он потребовал от греков «земли и воды» в знак покорности. Никто не посмел отказать ему, кроме Афин и Спарты. Афиняне убили его послов, а спартанцы бросили их в колодезь, посоветовав взять земли и воды, сколько захочется.

Жалкая кучка наглецов! На что они надеются? На счастливые случаи? Да, им однажды повезло: два года назад Мардоний уже покорил Македонию, его корабли двигались вдоль южного побережья Фракии, неумолимо приближаясь к Элладе. Греки были обречены, но, видно, боги услышали их мольбы: буря разметала флот Мардония, и ему пришлось отступить.

Вторично Дарий решил не испытывать судьбу. Он сменил командующего, посадил армию на корабли и отправил ее напрямик, через Эгейское море — к Марафону. Зря только он послушался совета Гиппия. Бывший афинский тиран уверял его, что высадка окажется легкой и конница без труда опрокинет неповоротливых афинских гоплитов. Греки нашли выход. Они расположились так, что не позволили развернуться персидским отрядам, да и сражались с отчаянием обреченных, не побоявшись даже рабам дать оружие. Теперь они кричат о великой победе и готовы лопнуть от гордости, что спасли Элладу от варваров.

«Дарий, помни об афинянах!»

Мсть! Он уже видит, как дымятся разрушенные дома, слышит истошные вопли о пощаде. Одна мысль об этом придает силы его ослабшему телу. Царь царей уже стар, но он должен дожить до счастливого часа. Он сам поведет своих бесстрашных воинов — 10 тысяч «бессмертных»...

Дарий Гистасп не дожидаясь похода. Он завещал сыну огромную державу и неутоленную ненависть к эллинам. Однако Ксеркс не спешил. Новый царь был молод, но осмотрителен, он не хотел рисковать. Мардоний, его двоюродный брат, недоумевал: разве Ксеркс не верит в успех? Хорошо, пусть он вызовет всех военачальников и выслушает их мнение. Может, они убедят его?

Ксеркс собирает совет. Он говорит спокойно, чтоб никто не догадался о его сомнениях:

— Я созвал вас для того, чтобы открыть вам свои замыслы. Я намерен перекинуть мост через Геллеспонт, повести войско через Европу в Элладу и наказать афинян за все, что они учинили персам. Вы знаете — уже отец мой готовился к тому походу, но умер и не смог покарать виновных. Я не слою оружия, пока не возьму и не сожгу Афин, жители которых обидели и меня, и отца моего. Ведь они вторглись в Сарды и предали пламени священные рощи. Что они сделали потом, когда мы вступили в их земли, — это, я полагаю, известно всем. Потому я и решил идти на них войной.

Кроме того, покорив афинян и пелопоннесцев, я раздвину пределы нашей страны до эфира Зевса. Солнце не будет светить никому за границами Персии — я пройду Европу и все земли превращу в одну. Не останется ни одного города или народа, которые посмеют воевать с нами.

К походу готовились четыре года. Гигантская государственная машина пришла в движение. По царским дорогам, перерезавшим всю страну, мчались тысячи курьеров. На почтовых станциях они лихорадочно меняли лошадей и скакали дальше — с инструкциями, донесениями, приказами... Слово царя слышали в самых отдаленных уголках империи — от Черного моря до Персидского залива, от Нила до Инда и Средней Азии.

Разделенная на 20 сатрапий, Персия управлялась местниками, имевшими собственные войска и штат чиновников. Но централизованная бюрократическая система не оставляла места для своеволия. Государство не

знало законов и подчинялось лишь приказам царя. Оно не знало и граждан — были подданные, исполнительные и послушные. Разноплеменное и разноязычное население исправно платило налоги, поставляло воинов для царской армии и трепетало перед именем монарха, которого редко кому удавалось увидеть в лицо. Впрочем, в восточных деспотиях это и не имело значения. Поклонялись не конкретному Киру, Камбизу, Дарию или Ксерксу, а царю как таковому, верховному повелителю. Тут был важнее имени. Правителей могли свергать, избавляясь от них с помощью яда или кинжала, авторитет высшей власти оставался незыблемым. Она олицетворяла силу и как всякая сила требовала покорности.

Непослушных Ксеркс не терпел. Когда он уже готовился переправиться с армией в Европу, буря разрушила мосты через Геллеспонт, возведенные египтянами и финикийцами. Ксеркс приказал немедленно отрубить головы строителям и высечь кнутом пролив, а в море опустить оковы, воскликнув при этом:

— Тебя, горькая вода, казнит так владыка за то, что ты причинила ему обиду, не будучи обижена им! Царь Ксеркс переступит через тебя, желаешь ты этого или нет!

Мост соорудили заново. Перекопав целую гору, прорыли канал, по которому пройдут корабли, минуя опасное место у пролива. На побережье Фракии и Македонии устроили склады с провиантом для снабжения армии в пути. А отряды все шли и шли в столицу Персии Сузы, чтобы оттуда двинуться на север, к Геллеспонту.

Царь не скрывал своих планов и больше не сомневался в успехе: ведь никогда еще ни одно государство не собирало подобного войска. Он постарался, чтобы об этом узнали и эллины. Когда захватили афинских лазутчиков, он не только не казнил их, но отпустил домой, предварительно показав им свою пехоту, конницу и флот. Быть может, убедившись в его силе, афиняне откажутся от бессмысленного сопротивления?

Вновь персидские послы объявились в греческих городах, требуя земли и воды. Их не видели только в Афинах и Спарте: Ксеркс ясно давал понять, что только с ними он намерен свести счеты, остальные же могут полагаться на его милость. Разъединить греков царю не удалось: его власть признали только Фессалия и Беотия.

Эллада готовилась к схватке.

Весной 480 года персы переправились через Геллеспонт и вступили в Европу. Семь дней и ночей по мосту шли воины, которых еще никто не пробовал сосчитать; за ними тянулся бесконечный обоз — повозки, запряженные мулами, стада быков, навьюченные лошади, верблюды...

Ксеркс устроил генеральный смотр войскам, в которых каждый народ составлял особый отряд. Перед ним стояли:

мидяне и персы в войлочных шапках и чешуйчатых панцирях, вооруженные короткими мечами, копьями и луками;

ассирийцы в медных плечах, с дубинами, оцетинившимися железными гвоздями;

парфяне, хорезмийцы, согдийцы, скифы и бактрийцы с луками и секирами;

индийцы с луками и стрелами из тростника;

арабы в подпоясанных плащах, с длинными луками; эфиопы в львиных и барсовых шкурах, вооруженные копьями с наконечниками из рога антилопы;

фракийцы в обуви из козьей кожи, с дротиками и легкими щитами;

ливийцы в кожаной одежде, с копьями, обожженными на конце;

фригийцы, пафлагоняне, каппадокийцы в плетеных шлемах, с дротиками и мечами;

кавказские народы в шлемах, украшенных бычьими ушами, с кожаными щитами и короткими копьями.

В стороне, отдельно от всех, выстроились 10 тысяч «бессмертных», чья одежда и оружие сверкали золотом. Их сопровождали колесницы со слугами и специальный обоз с провиантом. Эти отборные части составляли царскую гвардию, которая никому не сдавалась и никогда не умирала. Каждый воин имел преемника, готового занять его место, если он падет в бою.

Правда, Ксеркс был уверен: услуги «бессмертных» не понадобятся. Он глядел на неисчислимую разноголосую толпу и думал о том, что на всей земле нет силы, способной остановить эту лавину, когда она придет в движение.

Что могли противопоставить эллины? Две-три сотни кораблей да несколько десятков тысяч пехотинцев?

«И свою решимость отстаивать свободу», — подсказал Ксерксу кто-то из приближенных.

Царь снисходительно улыбнулся: «В моей армии все подвластно одному человеку. Кнут погонит их в битву, страх передо мной сделает их храбрецами. Если я прикажу, каждый совершит невозможное. Способны ли на это греки, болтающие о свободе?»

В войне греков с персами сражались принципиально разные государства. На одной стороне — необозримая держава с многомиллионным населением. Целые племена и народы, входящие в состав государства, не подозревали о взаимном существовании. Что могло связать воедино эту разнородную, разноразличную массу? Как управлять страной, состоящей из сотен самостоятельных, отгороженных друг от друга областей?

Древневосточные монархии покоились на двух китах — армии и чиновничестве. Силой оружия соединив несоединимое, они нуждались в чудовищной армии, способной подавлять недовольство покоренных народов и обеспечивать целостность страны. А без разветвленного чиновничьего аппарата нечего было и думать о нормальной жизнедеятельности государства.

Власть стучалась в дом каждого жителя. Она являлась в облике судьи, старосты, сборщика налогов, контролера. Над одними чиновниками стояли другие, над теми — третьи — и так до самой вершины пирамиды. Оттуда, из резиденции сатрапа, шли приказы, распоряжения, инструкции, требовавшие безоговорочного выполнения. Сатрап, повелевавший жизнью и смертью подданных, казался им всемогущим. Он был, однако, всего лишь царским слугой, то есть рабом, благополучие которого зависит от милости хозяина.

Для стран Древнего Востока деспотическая монархия была закономерна и исторически оправдана. В крохотных античных полисах, население которых обычно составляло 100—200 тысяч человек, подобный режим возникнуть не мог.

20—30 тысяч афинян носили гордое звание гражданина — в число граждан не включались дети, женщины, метеки (иностранцы, постоянно живущие в городе) и рабы. Практически все жители Афин знали друг друга. Общественная жизнь проходила на виду. О каждом шаге чиновников, о каждой израсходованной казенной драхме становилось известно демосу. В течение года 10 раз должностные лица отчитывались перед Народным собранием в своей деятельности, каждого в любой момент

могли сместить с его поста. Народ ревниво следил, чтобы кто-нибудь не приобрел слишком большого влияния, которое угрожало бы демократии. Представители власти отнюдь не воспринимались как люди, возвышающиеся над основной массой граждан. Скорее наоборот: они сами ощущали себя слугами демоса, вынужденными подчас заискивать перед ним и всячески доказывать свое право занимать ту или иную должность. При этом они должны были помнить, что и самый высокий пост не защитит их, если они совершат малейший проступок. Злоупотребляя властью и причиняя обиду согражданам, любой чиновник, складывавший свои полномочия через год и не имевший права дважды занимать одну и ту же должность (исключение составляли лишь члены коллегии стратегов), с тревогой ожидал расплаты после очередных выборов — ведь его место вполне мог занять обиженный и свести с ним счеты.

Казалось бы, власть не давала никаких преимуществ тем, кто нес ее бремя. Работать за плату в V веке до н. э. считалось позорным для свободного человека, который, участвуя в управлении, выполнял (и делал это бескорыстно!) свою прямую, хоть и нелегкую, обязанность, нередко расходуя значительные собственные средства. Единственным вознаграждением для него могла служить слава среди сограждан, почетные декреты, высеченные на камнях и увековечивающие имя того, кто позаботился о благе государства.

«Государство — это я!»

За 2200 лет до Людовика XIV такую фразу могли бы произнести Дарий или Ксеркс, и она не была бы пустым бахвальством. Как ни парадоксально, но еще более убедительно она прозвучала бы в устах афинского гражданина V века до н. э. Ибо афинянин осознавал себя как личность прежде всего потому, что являлся полноценным членом общества равноправных граждан.

Персидское нашествие несло с собой разрушения и жертвы. Афиняне и их союзники готовы были к ним. Подчинение же Ксерксу означало для них не просто позорную капитуляцию, а уничтожение основ всей их жизни. И потому через несколько лет они торжественно поклонятся перед решающей битвой, что «каждый скорее сменит жизнь на смерть, чем законы своей страны на персидские».

Сражение при Марафоне современники расценивали как величайшую битву в истории Эллады. Они видели в ней не только военный успех, но и торжество эллинского духа над варварским. Марафон заставил греческие государства забыть о распрях и объединить силы для отражения иноземного нашествия. Он, как сказали бы сейчас, способствовал росту национального самосознания эллинов.

Блистательная победа потрясла воображение. Каким же мужеством обладали герои Марафона, если небольшой отряд сумел обратить в бегство чудовищную армию персов! Участников битвы славил поэты, их приводили в пример ораторы. И никому не приходило в голову усомниться в том, соответствуют ли легенды действительности.

Когда развеивается угар военных побед, историки обычно начинают более трезво оценивать, во что обошлись эти победы. И тогда за сказочной легкостью обнаруживается неимоверное напряжение сил, становятся достоянием гласности подлинные цифры потерь. Но время не всегда развенчивает легенды. Оно способно и увековечивать их.

Именно так произошло с Марафонским сражением. Его впервые с красочными подробностями описал Геродот, живший полвека спустя. И сведения его, кочуя в течение многих столетий из одних трудов в другие, вызывают недоумение.

В самом деле, 12 сентября 490 года 10 тысяч греков дают бой стотысячной армии персов и разбивают ее наголову. Оставив на поле битвы 6400 убитых, варвары поспешно возвращаются на корабли и отплывают. Потери же греков составляют всего 192 человека.

Триумф? Несомненно, хотя и кажется невероятным. Куда же торопятся персы? Залечивать раны? Собираться с новыми силами после разгрома? Но ведь из 600 кораблей они потеряли только 7. А на них — основная часть армии, и прежде всего конница, которая почему-то не присутствовала на Марафонской равнине.

Персидский флот направляется к Афинам; но едва он подходит к берегу, как перед ним вырастают выстроившиеся в боевой порядок марафонские бойцы, готовые

к новому сражению. И варвары, не решаясь высаживаться, поворачивают корабли и уходят в открытое море.

Поистине загадочный поход, если Дарий и впрямь намеревался покорить всю Элладу! Остается лишь, не полагаясь на одного Геродота, строить предположения.

Очевидно, соотношение сил было несколько иным и численность персидских войск явно преувеличена.

По-видимому, лишь незначительная часть этих войск участвовала в сражении, и притом в ситуации, безусловно, невыгодной для себя: сигнал к атаке греки подали тогда, когда увидели, что персы, заканчивая погрузку на корабли, готовятся к отплытию и не ожидают нападения.

Возможно, высадка у Марафона, в 40 километрах от Афин, явилась лишь отвлекающим маневром, цель которого — облегчить деятельность персидских сторонников в самом городе, когда афинское ополчение покинет его пределы.

Вероятно, персы не предполагали, что спартанцы, забыв о прошлых обидах, придут на помощь своим постоянным соперникам — афинянам, и рассчитывали на молниеносный успех «малой кровью».

Так или иначе, вся операция Датиса и Артаферна, полководцев Дария, выглядит вопиюще безграмотной в военном и беспомощной в дипломатическом отношении. Пренебрежение тактическим искусством и самодовольная уверенность в том, что численное превосходство — гарантия победы, превратили битву в элементарное побоище, которое способно не столько возвеличить эллинов, сколько обесславить их противников.

Это, однако, ничуть не умаляет героизма греков, сражавшихся у Марафона. В честь погибших воинов афиняне соорудили памятник-гробницу, на котором высекли имена всех павших. В эпитафии же говорилось:

Было у этих бойцов негасимое мужество в сердце.
Противостали они у марафонских ворот.
Так защищали Афины, сражаясь за город и славу,
Что повернули назад мощную силу врагов.

Среди афинских стратегов не было единодушия: ровно половина из них советовала не вступать в сражение с персами, которые разбили лагерь и почему-то не спешили начинать военные действия. Все решило мнение военного архонта — полемарха Каллимаха, которого при-

влек на свою сторону Мильтиад. Шестью голосами против пяти решено было все-таки дать бой, в котором и погиб полемарх, невольно определивший судьбу эллинов. Лавры же победителя, естественно, достались Мильтиаду, хотя, как уже говорилось, они не уберегли его от бесчестья.

Марафонская битва избавила от страха многие полисы, терроризированные персами и готовые предоставить варварам «землю и воду». Она выдвинула Афины в первые ряды защитников общегреческой свободы. Она, наконец, дала афинянам десятилетнюю передышку, позволив подготовиться к будущим решающим столкновениям с державой Ахеменидов.

После осуждения Мильтиада у государственного руля встает его сподвижник Аристид, которого избирают в 489 году архонтом.

Этому человеку суждено было войти в легенду.

Через много веков античные деятели станут хрестоматийными персонажами и начнут кочевать из учебника в учебник. Вожди французской революции, обращавшиеся к политическому опыту Греции и Рима, рядились, по выражению Маркса, в одежды античных героев, видя в них образцы для подражания. И среди тех, кто вызывал столько же восхищения, сколько и удивления, особняком стояла скорбная фигура одинокого Аристида — мужественного воина, осторожного политика и неправдоподобно честного человека.

Уже современники воспринимали его как воплощенный принцип, как некий эталон добродетелей. Он поднялся к вершинам власти, не заботясь ни о карьере, ни о богатстве. Он оставался верен своим принципам и тогда, когда управлял государством, и тогда, когда его лишили всех почестей и изгнали из страны...

Аристид, сын Лисимаха, родился еще при Писистрате, около 540 года до н. э. В молодости он поддерживал Клизфена и участвовал в борьбе с тиранами и их сообщниками. Правда, уже в ту пору бурных реформ его натуре ближе были умеренные законы легендарного спартанского законодателя Ликурга, установившего незыблемые порядки в Лакедемонии. Спокойный и рассудительный Аристид любил тщательно взвешивать все обстоятельства, прежде чем принимать решение. Основательный и сдержанный, он с большим сомнением относился к рискованным проектам, не раз выносившимся на суд демоса.

Главный принцип, которому он следовал без колебаний всю жизнь: благо отечества превыше всего.

Аристиду не волнует переменчивое мнение Народного собрания, с легкостью пересматривающего собственные постановления и поддающегося влиянию искушенных ораторов. Он служит истине, закону, государству, которое для него нечто большее, чем толпа, собравшаяся на холме Пниксе для голосования. Отечество превыше всего! Превыше обид и оскорбленного самолюбия. Превыше личных выгод. «Безразличный к почестям и несчастьям, Аристид, по словам Плутарха, сохранял присутствие духа и невозмутимость, не думая о славе и вознаграждении». Не имея состояния, он так до конца дней и не приобрел его и ни разу за свою долгую карьеру (а умер он в 467 году) не использовал высокого положения для личного обогащения. Он не оставил даже денег на собственное погребение: похороны ему устроил город Фалеры, где он скончался. Дочерей же его выдало замуж государство, дав им приданое за счет казны.

Аристид прокладывал свой путь в лучах славы. И в полном одиночестве. Он не знал друзей и соратников — принципы были дороже. Чтобы быть честным, надо оставаться независимым, даже от симпатий и привязанностей. Он не хотел обижать друзей, отказываясь выполнять их просьбы. Но он не мог и угодить им, ущемляя тем самым других сограждан. Наконец, он отлично знал, «как часто могущество, приобретенное благодаря поддержке друзей, толкает человека на несправедливые поступки, а счастливым человек может быть, лишь будучи честным и справедливым» (Плутарх).

Популярность Аристиду создали не реформы или законы, а именно нравственные достоинства — благородство, справедливость и неподкупность.

Во время похода Дария против Эллады Аристид входил в число десяти стратегов и был вторым после Мильтиада. Когда разгорелись споры о сроках битвы, он поддержал план Мильтиада, а затем решился на неслыханный шаг. Едва наступила его очередь командовать войсками (а стратеги возглавляли армию поочередно, ежедневно сменяя друг друга), он уступил свое право Мильтиаду и убедил остальных, что нет ничего зазорного в том, чтобы повиноваться более опытному полководцу. Благодаря этому соперничество между стратегами сошло на нет и авторитет Мильтиада стал непререкаем.

В Марафонском сражении Аристид занял место в самом центре, среди тех, кто принял на себя главный удар персов.

После ухода греческих отрядов, поспешивших на выручку к Афинам, он остался в Марафоне охранять пленных и добычу. И хотя «повсюду были груды серебра и золота, а в палатках и на захваченных судах находились в несметном числе всевозможные одежды и другое имущество, он и сам пальцем ни к чему не притронулся, и другим не позволил» (Плутарх).

Как воин и как частное лицо Аристид невольно вызывал всеобщее уважение. Оно сменилось удивлением и недоверием, когда он стал государственным деятелем. В общественном сознании греков укоренилась мысль, что политическая карьера требует совсем иных качеств, что успеха добиваются те, кого не обременяет особая щепетильность в выборе средств, кто умеет быть гибким и вовремя забывать о собственных принципах во имя, конечно же, великих целей.

Честному, бесхитростному и прямолинейному Аристиду пришлось заниматься ремеслом, требующим изворотливости, дальновидности. Увы, природа не наградила его ни одним из этих свойств. Он ставил себе в заслугу бескорыстность, умеренность и осторожность. Они легли в основу его политики. Афины же нуждались в другом. И потому нетрудно было ожидать, что найдется человек, который увлечет демос более решительной и активной программой действий. Подобный смельчак, разумеется, нашелся. К несчастью для Аристиды, им оказался не дешевой демагог и авантюрист, спекулирующий заманчивыми лозунгами, а талантливый и сильный деятель. Звали его Фемистокл.

Его отец Неокл не принадлежал к высшей аристократии. Род его был древним и знатным, но, как говорит Плутарх, «не настолько, чтобы способствовать его славе». Еще менее мог гордиться своими предками Фемистокл, незаконнорожденный сын Неокла. Впрочем, отец позаботился о нем и дал возможность получить образование. Фемистокл занимался в гимнасии, располагавшемся за городскими воротами и посвященном Гераклу (тоже, как известно, бастарду). Правда, учение его не увлекало.

В детстве Фемистокл никогда не оставался праздным. Он не участвовал в детских играх и постоянно сочинял

речи, мечтая о будущей славе. Учитель предрекал ему: «Из тебя выйдет что-нибудь очень великое — или доброе, или злое». И не ошибся.

«Фемистокл на деле доказал свою природную даровитость, и в этом отношении заслуживает удивления больше всякого другого. Благодаря сообразительности он, не получив ни в ранние, ни в зрелые годы образования, после самого краткого размышления оказывался вернейшим судьей данного положения дел и лучше всех угадывал события самого отдаленного будущего... Фемистокл... обладал в наивысшей степени способностью моментально отыскивать надлежащий план действий» (Фукидид).

80-е годы V века — годы борьбы между Фемистоклом и Аристидом. От исхода ее зависела судьба не только каждого из соперников, но и самого государства. Афины стояли на распутье. Сохранять ли им в неприкосновенности старые порядки, укреплять город и оставаться по-прежнему сухопутной страной, огражденной надежными щитами гоплитов? Или, круто повернувшись лицом к морю, строить флот, утверждать свое владычество на островах и в далеких колониях, превращаясь в морскую державу? Земледельческая знать, крестьяне предпочитали иметь твердую почву под ногами, не доверяясь зыбким волнам.

Даже через сотню лет, когда афинские корабли станут заходить в отдаленные порты Средиземного и Черного морей, поэт Фалек будет предостерегать:

Дела морского беги Если жизни конца долголетней
Хочешь достигнуть, быков лучше в плуга запрягай:
Жизнь долговечна ведь только на суше, и редко удастся
Встретить среди моряков мужа с седой головой.

Купечество, ростовщики, городская беднота возлагали свои надежды именно на флот. Море должно было дать не только прибыль торговцам, но и работу неимущим. И только флот способен защитить Афины от любого врага.

Осторожный, избегающий риска Аристид сохранял верность прежним идеалам. Разве слава Афин не в их непобедимых войнах? Разве стены города не надежны, а граждане не едины в стремлении защитить отечество? Не лучше ли отказаться от сомнительных предприятий и сохранять мир и спокойствие, чем нарушать установившийся порядок? Разве Спарта не являет собой пример

надежности и незыблемости государственного устройства, которому не угрожают опасные реформы? Наконец, утверждение на морях превратит Афины из союзника греков в их господина. Справедливо ли это?

Нет! Надежда афинян — их собственная земля. Только тот, кто владеет ею, имеет право называться гражданином. Нельзя допустить, чтобы земледельцам грозило разорение, чтобы рухнули традиционные устои государства. Разумные реформы, улаживание внутренних конфликтов — этому Аристид готов посвятить жизнь. Он защищает права демоса и не допустит, чтобы кто-нибудь угрожал благополучию Афин. А потому он будет противиться любым планам, которые подвергают опасности жителей полиса. Интересы отечества — превыше всего!

«Кто же спорит против этого? — возражал Фемистокл. — Только кто дал право Аристиду считать себя единственным защитником родины. Разве его устами говорят боги, устанавливающие справедливость? Да, конечно, Афины всегда были страной земледельцев. Что ж, времена меняются. И мудрец — не тот, кто сохраняет верность старине, а тот, кто глядит вперед, кто живет не только сегодняшним днем, а думает о завтрашнем. Будущее же не сулит Афинам ничего радостного, если они по-прежнему будут надеяться на свои крепостные стены. Гоплиты не сумеют удержать варварские полчища, если те вторгнутся в Элладу. Только флот спасет Афины от смертельной угрозы, только он сделает их хозяевами на морях. Аристиду называют Справедливым. Пусть так! Но что толку от его принципов, если они вредят государству? Он утверждает: надо думать не о выгоде, а о честности и справедливости. А я говорю: хорошо и справедливо все, что полезно Афинам».

Так или примерно так мог рассуждать Фемистокл, положивший в основу своей политики прагматический принцип, который через 2 тысячи лет с издевательской ясностью сформулируют поклонники Макиавелли: «Цель оправдывает средства».

Пройдет немало столетий, прежде чем придут к мысли, что не всякая выгода благо, что средства могут убить саму цель, что с помощью лжи и беззакония нельзя добиться правды и справедливости.

В начале V века до н. э. еще верят, что политика не противоречит добродетели. Бескорыстный, беспощадно честный Аристид становится героем своего времени.

Но время это проходит очень быстро. Появляется Фемистокл — полная противоположность Аристиду, человек, которого сжигает огонь честолюбия. Он откровенно признается, что триумф Мильтиада не дает ему покоя. Он мечтает о славе и богатстве — для всего государства и для себя лично. Его не смущают разговоры о том, что он «разумом силен, да на руку нечист». (За годы своей карьеры Фемистокл увеличил собственное состояние в тридцать с лишним раз!) Да, он не кичится ни благородством, ни скромностью. Он не брезглив и не боится запачкать свой хитон, заключая сомнительные сделки и ведя тайные переговоры с подозрительными лицами. Он умеет ценить друзей и покровителей и всегда готов отплатить им за их услуги: «Я никогда не сяду на такой престол, который не предоставит моим друзьям больших прав, нежели посторонним людям». Аристид прославился своей добропорядочностью. Пусть она останется при нем. Он, Фемистокл, завоюет еще большую популярность и сделает это иным способом.

Совсем недавно Фемистокл и Аристид были союзниками. Вместе сражались при Марафоне. Вместе боролись против сторонников тиранов. Аристид поддерживал Фемистокла, когда тот предложил реформу, по которой архонтов стали избирать по жребию — и не только из рядов знати, но и из средних слоев населения.

Периклу знакомы оба имени. Ему по душе невозмутимый и честный Аристид. Но он не раз слышал, как в его доме хвалили Фемистокла за энергию и решительность. Ксантипп, связавший свою деятельность с морем, одобрял смелые планы Фемистокла. И никто еще не подозревал, что, возмужав, Перикл во многом будет подражать Аристиду-человеку и продолжать дело Фемистокла-политика. А пока он слишком юн и неопытен, чтобы разбираться в событиях. И искренне удивляется, когда Ксантипп неожиданно меняет отношение к Фемистоклу и начинает говорить о нем с нескрываемой злобой. Оказывается, вместе с Аристидом Фемистокл выступил против рода Алкмеонидов, склонных поддерживать дружественные отношения с персами. В результате наиболее опасным соперникам пришлось удалиться в изгнание. Среди них оказался и отец Перикла.

Вскоре пути Аристида и Фемистокла разошлись. Аристид не мог принять программу бывшего союзника, считая ее губительной для государства. Фемистокл же настаи-

вал на скорейшем строительстве флота, убеждая всех, что Марафонская битва не конец, а начало борьбы с варварами и нужно использовать передышку, чтобы подготовиться к новым боям.

Аристид сопротивлялся до конца. Логика борьбы заставляла его противодействовать даже в тех случаях, когда Фемистокл вносил разумные предложения, лишь бы не дать ему победить и укрепить свое влияние. Однажды, взяв верх над Фемистоклом и убедив Народное собрание в собственной правоте, Аристид, понимая, что на самом-то деле прав его соперник, в сердцах воскликнул, что афиняне до тех пор не будут в безопасности, пока не сбросят их обоих в пропасть.

Борьба требовала жертв. И Аристиду пришлось поступиться принципами, которыми он так дорожил. Он, признававший лишь честную, открытую политику, вынужден был хитрить, интриговать, нередко даже действовать через подставных лиц, чтобы Фемистокл не мешал его начинаниям. Он клеймил своих противников и предрекал, что они ввергнут Афины в пучину бедствий. Он взывал к разуму и добродетели и с грустью убеждался в том, что люди глухи к его призывам.

Когда ему поручили контролировать общественные доходы, он уличил в хищениях ряд должностных лиц, в том числе и Фемистокла. В отместку тот, собрав недовольных, сам обвинил Аристида в краже и неожиданно выиграл дело в суде. Это вызвало всеобщее возмущение: Аристид мог ошибиться, но разве он способен совершить нечестный поступок? Аристида освободили от наказания и вновь назначили на ту же должность. Сделав вид, будто он раскаивается, Аристид теперь стал проявлять снисходительность к расхитителям казны, закрывая глаза на их проделки. Рассыпаясь в похвалах, они убеждали демос и впредь избирать Аристида, столь безупречно исполняющего свои обязанности. И тогда перед началом голосования Аристид обратился к народу:

— Когда я управлял добросовестно и честно, меня опозорили, а теперь, когда я позволил вору поживиться за счет общественного добра, меня считают отличным гражданином. Но сам я больше стыжусь нынешней чести, чем тогдашнего осуждения, а о вас сожалею: вы охотнее одобряете того, кто угрожает негодям, чем того, кто охраняет государственную казну.

Авторитет Аристида как безупречного гражданина по-

прежнему не подвергался сомнению. Плутарх замечает: «Из всех его качеств справедливость более других обращала на себя внимание: ведь польза, приносимая ею, ощущима для каждого и дает себя знать долгое время. Вот почему этот бедняк, человек совсем незнатный, получил самое что ни есть царственное и божественное прозвище «Справедливого»; ни один из царей или тиранов не старался стяжать себе такого же».

Аристид имел право гордиться своим прозвищем — ведь его называли так не из лести и не из страха. И он отлично знал, что уважение сограждан вовсе не означает, что они всегда и во всем согласятся с ним. Он думал не о почестях, а о спасении отечества. И не понимал, что может погубить его.

В 483 году в рудниках Лавриона, на самом юге Аттики, были открыты новые серебряносные жилы. Как использовать это неожиданное богатство? Прежде доходы от рудников шли на раздачу гражданам. Но теперь, когда повсюду говорили о военной угрозе, им следовало найти иное применение.

Фемистокл понял, что пришел его час. Уже давно он агитировал за развитие морского дела. Еще будучи архонтом (в 493/92 году), он начал превращать Пирей в военную гавань, хорошо защищенную и удобную для стоянки кораблей. В 488 году началась война афинян с островом Эгиной, тогдашним центром ремесла и торговли в Эгейском море. Эгина, обладавшая самым многочисленным флотом среди всех эллинских государств, блокировала побережье Аттики. В Афинах зрело недовольство, росло ощущение позора и убеждение, что так дальше продолжаться не может.

Выход был один — и предложил его Фемистокл. Нужно строить военные суда, набирать морские экипажи. И тогда афиняне смогут не только отразить варваров, но и властвовать над всей Элладой. Средства? О, он вовсе не собирается вводить поземельную подать, взимавшуюся при тиранах. Но ведь есть же Лаврионские рудники. И наконец, разве состоятельные граждане откажутся помочь государству, чтобы спасти его?

Народ колебался. Проект Фемистокла одновременно привлекал и отпугивал, он казался слишком заманчивым и слишком рискованным. А последствий его никто предвидеть не мог.

Известия о военных приготовлениях персов положили

конец сомнениям. Народное собрание одобрило программу Фемистокла и подписало приговор Аристиду.

Фемистокл понимал, что устранить Аристиду не так просто. В конце концов в чем его обвинить? В преступлениях? Но он всегда стоял на страже закона. В измене отечеству? Кому ж придет в голову усомниться в его патриотизме? В стремлении к личным выгодам? Всем известно его бескорыстие. В том, что он не согласен с новой политикой руководителей государства? Но кто может запретить ему отстаивать свои взгляды? Ведь основу демократической конституции Афин составляют два неизменных положения: все одинаково равны перед законом (исономия) и все имеют равное право высказывать собственное мнение (исэгория).

Заставить Аристиду замолчать невозможно. Но пока он остается в Афинах, к его голосу будут прислушиваться и его сторонники сделают все, чтобы сорвать планы Фемистокла. Конечно, Аристид не преступник. Он искренне заблуждается, но заблуждения его опасны. Думая о благе отечества, он толкает его в пропасть. Значит, нужно лишить его возможности влиять на государственные дела и сделать это не тайно, а открыто, при поддержке всего народа.

В Народном собрании председатель задает вопрос: есть ли необходимость подвергнуть кого-нибудь из граждан ostracismu? Собрание дает утвердительный ответ. И вскоре народ сходится вновь. Все речи давно произнесены, все обвинения сформулированы. Осталось лишь молча проголосовать, нацарапав на черепке имя того, кто угрожает государству тиранией. Фемистокл, известный своим честолюбием и явно рвущийся к власти, или возражающий против реформ Аристид, о котором враги распускают слухи, что он фактически стал единоличным правителем — разве что стражей не обзавелся?

Обычно решение большинства в Народном собрании расценивалось как выражение воли демоса. В особых же случаях возникала необходимость узнать мнение всех граждан. А так как практически это было невозможно, удовлетворялись цифрой в 6 тысяч человек, достаточной, как полагали, чтобы представлять весь демос. Ostracism признавался действительным, если при подсчете обнаруживалось не меньше 6 тысяч черепков. Изгнанник не мог жаловаться на несправедливость властей — его судил целый народ.

Летним днем 482 года Афины отреклись от человека, которого почти десятилетие считали совестью народа.

Голосование проводилось не на Пниксе, как обычно, а на агоре — торговой площади, ставшей после изгнания тиранов центром политической жизни города. Закрылись лавки купцов и менял, мастерские ремесленников. Смолкли крики погонщиков мулов и продавцов, расхваливающих товары. Беспокойная, шумная агора замерла в ожидании. Решалась судьба одного человека. И ее собственная...

Площадь обнесли барьером с отдельными входами для каждой из десяти фил. Медленно вступали граждане в огороженное пространство агоры. Получив черепок (остракон), они писали или процарапывали на нем имя того, кого считали опасным для государства, и, повернув этот «бюллетень» так, чтобы никто не видел написанного, отдавали специальным чиновникам. Никто никого публично не обвинял — архонты и члены Совета пятисот внимательно следили за тем, чтобы голосование оставалось тайным.

Томительно тянулся день. Окруженный друзьями Фемистокл не скрывал своего нетерпения — он не сомневался, что посрамит соперника.

Наконец-то исчезнет последняя преграда на его пути к власти и славе! Он уже видел себя во главе мощной державы, повелевающей эллинами, и предвкушал почести, которых никому еще не оказывали.

В стороне спокойно наблюдал за происходящим Аристид. О чем думал он в эти роковые часы? О том ли, что люди неблагодарны и изменчивы в своих симпатиях? Или о том, что даже дальновидный Фемистокл не в силах предвидеть всех последствий своих реформ, которые, быть может, и укрепят государство, но испортят нравы его жителей? В конце концов разве дело в нем, Аристиде? Даже если отечество отвергнет его, он не станет врагом Афин и не опорочит доброго имени гражданина. Да и сам Фемистокл не так уж опасен. Конечно, он тщеславен, властолюбив и корыстен. Но он энергичен и умен. И никто не посмеет упрекнуть его, что он хоть в чем-нибудь нанес ущерб афинскому народу. Только понимает ли он, что ожидает его родину в будущем? Афины обзаведутся военным флотом! Пусть так, хоть он, Аристид, и не видит

в этом особой нужды. Но кораблям нужны экипажи, опытные моряки. Почувствовав силу, они потребуют и прав. И кто сможет противостоять им в Совете пятисот и народном суде? Кто остановит их, когда они начнут поносить с трибуны уважаемых граждан и расправляться со всяким, кто вызовет их подозрение? Пока люди подчиняются закону, государству ничего не грозит. Фемистокл же хочет сделать господином не закон, а народ. Неотесанные виноградари, полуграмотные ремесленники, крикливые торговцы и матросы — вот кто будет принимать решения в Народном собрании, избирать руководителей, изменять законы, награждать и карать. И так ли уж надежна граница между волей демоса и его своеволием?

Кто-то тронул Аристиду за плечо. Погруженный в размышления, он не заметил, что перед ним стоит крестьянин и протягивает черепок.

— Пропшу тебя, напиши за меня имя, а то недосуг мне было буквы-то учить.

— Кого же ты хочешь изгнать из Афин?

— Аристид, конечно.

— Гм... А он что, обидел тебя чем-нибудь?

— Да нет, мне-то что. В городе я бываю редко — разве что на базар приеду или вот, как нынче, на собрание. Но как ни появлюсь, отовсюду только и слышу: «Справедливый», «Справедливый». Я его и в лицо-то не знаю, да надоело слушать, как его восхваляют.

Аристид усмехнулся и, ничего не ответив, написал свое имя. Он больше не сомневался в исходе голосования.

Подсчитав черепки и убедившись, что их не меньше 6 тысяч, члены Совета пятисот разложили их по именам... Аристид, сын Лисимаха, должен был на 10 лет удалиться за пределы Аттики. Он уходил как враг, твердо решив оставаться патриотом.

Гомеровский Ахилл, которого оскорбил командовавший ахейскими войсками Агамемнон, покинул когда-то военный лагерь и просил богов, чтобы на греков обрушились беды и они пожалели бы о его отсутствии. Меньше всего Аристид думал о себе. Уходя из города, он воздел руки к небу и воскликнул: «Пусть никогда, о афиняне, не наступит для вас тяжелый час, когда вы вспомните об Аристиде!»

Фемистокл попытался сделать все, чтобы этот час никогда не наступил. Избранный стратегом в 482 году, он лихорадочно готовился к войне. Кроме 50 военных кораблей, которыми располагали Афины, он предложил построить еще сотню. Прежние 50-весельные суда сменились более совершенными и крупными триерами. Сооружением флота занималось непосредственно государство. Заготовку снастей и набор экипажа поручили богатейшим гражданам, предоставив им почетную обязанность расходовать собственные средства (триерархия).

Новая система организации флота привлекла многих малосостоятельных афинян. Впервые в афинской истории низшее сословие почувствовало свою силу. В Афинах укреплялась мысль, что отныне не знать и зажиточные люди, способные вооружиться за свой счет и поставившие кадры гоплитов, а простой народ, бедняки, ремесленники и крестьяне — истинные спасители страны. И именно они должны вершить ее судьбу.

Через сотню лет Платон заметит, что Фемистокл превратил афинян из стойких гоплитов в моряков, и реформатора станут упрекать в том, что он «отнял у сограждан копье и щит и унизил афинский демос до гребной скамейки и весла». Правда, ценой подобного унижения покупалась независимость, и, как пишет Плутарх, «повредил ли Фемистокл строгости и чистоте государственного строя или нет, — это вопрос скорее философский».

Так или иначе, афиняне согласились отказаться от восьми драхм, которые каждый получал из доходов от рудников Лавриона, и флот был построен в неслыханно короткий срок.

Теперь предстояло объединить силы греков. «Главная заслуга Фемистокла та, что он положил конец междоусобным войнам в Элладе и примирил отдельные государства между собою, убедив их отложить вражду ввиду войны с Персией» (Плутарх). Чтобы успокоить союзников, опасавшихся усиления Афин, он предложил даже на собрании делегатов от полисов поручить командование всеми вооруженными силами спартамцам, как самым искусным воинам, не ведающим поражений на суше.

Не все полисы согласились участвовать в общей борьбе. Ближайшие соседи и исконные соперники Афин и Спарты — Аргос и Беотия — не вошли в союз, а Фесса-

лия вскоре после начала военных действий перешла на сторону персов. Не поддержали греков и эллинские государства на юге Италии и в Сицилии, ссылаясь на угрозу нападения дружественных персам карфагенян.

Армия Ксеркса меж тем готовилась к походу, а союзники никак не могли договориться насчет плана действий. Спартанцы категорически настаивали, чтобы войска и жители покинули все области Северной и Средней Греции и отошли в Пелопоннес. Там, за Коринфским перешейком (Истмом), они станут неприступной стеной и отобьют натиск варварских полчищ.

Фемистокл предложил дать бой на суше и на море. Чтобы не оттолкнуть от союза самолюбивых спартанцев, он согласился поставить во главе флота их полководца Еврибиада. После долгих препирательств союзники решили, наконец, отправить 300 триер к мысу Артемисию на побережье Евбеи, а войско — к горному проходу, через который вел путь в Фессалию. Проход этот был настолько узок, что через него могла проехать лишь одна повозка. С запада тянулась неприступная отвесная гора, а на востоке до самого моря простирались непроходимые болота. Проход этот назывался Фермопилы, то есть «Теплые ворота», так как там находились теплые источники.

Здесь семитысячная армия эллинов должна была остановить персидскую лавину и задержать ее до тех пор, пока сражается флот. Если морской бой затянется на несколько дней, защитникам Фермопил обещали прислать подкрепление. А если греческий флот будет разбит, небольшому отряду легче отступить с наименьшими потерями и соединиться с главными сухопутными силами.

Фемистокл не надеялся на то, что ему удастся сохранить в неприкосновенности Афины. Но ведь город в конце концов лишь клочок земли, и силен он не своими стенами, а бойцами. В Народном собрании ему надоело слушать патетические возгласы честных, но недалеких людей, призывавших доблестно сложить головы, но не уступать добровольно ни пяди священной территории города, которому покровительствует богиня мудрости Афина Паллада. Каждый раз, выступая перед народом, Фемистокл призывал его готовиться к битве на кораблях и не тратить беспечно силы на защиту стен, которые рухнут при первом же натиске врага.

Голос Фемистокла звучал громко и решительно. Но не

только он поколебал решимость афинян. С еще большим вниманием прислушивались они к голосу Аполлона.

Как обычно, в тяжелые минуты греки обращались за советом к дельфийскому оракулу. Там, в святилище Аполлона, из уст жрицы (пифии) они узнавали волю божества, которому подчинялись безоговорочно.

Прорицательница скрывалась во внутренней части храма, на небольшой площадке на скале. Из глубокой трещины в этой скале поднимались ядовитые испарения. Над самой расселиной помещался треножник, на котором и восседала пифия. Распустив волосы, она надевала на голову лавровую ветвь, выпивала воды из храмового источника, жевала лавровый лист и вдыхала ядовитые пары, доводившие ее до одурманенного, полубессознательного состояния. В экстазе она начинала выкрикивать бессвязные слова. Стоящие рядом жрецы объединяли их в законченные фразы и придавали им стихотворную форму, стараясь, чтобы ответы пифии выглядели бы как можно туманней. Не мудрено, что их истолковывал каждый по своему разумению. Не случайно даже такие глубоко религиозные люди, как Эсхил и Софокл, давали Аполлону, ничуть не осуждая его, прозвище Кривой, Двусмысленный. Философ же Гераклит утверждал, что «оракул в Дельфах не говорит, не утаивает, а намекает».

Но понимать эти намеки приходилось людям, в том числе и тем, в чьих руках находилась судьба государства. И не один правитель погубил себя только потому, что истолковал пророчество пифии так, как ему казалось правильным.

Когда в Афинах узнали, что Ксеркс готовится к походу, в Дельфы направилось посольство. Из уст прорицательницы Аристоникой оно услышало:

«Что вы, несчастные, ждете? Бегите до края вселенной,
Дом и вершины округлого града покинув навеки.
Не уцелеет ничто; голова сокрушится и тело,
Руки и ноги низвергнуты будут в дыму и пожарах,
Буйный Арес на сирийской летит колеснице в Элладу.
Много прекрасных твердынь, не одну лишь твою, он разрушит,
Многие храмы бессмертных погубит он в пламени яром.
Видите, боги стоят, истекая от ужаса потом.
Черная кровь по вершинам их храмов струится, вещая
Злую судьбу. Удалитесь, над бедами дух возвышая!»

Ужас объял Афины. Неужто нет спасения и уцелеют только те, кто покинет обреченный город? Афиняне вновь

обратились к Аполлону с робкой надеждой, что бог окажется более снисходительным к ним:

— Скажи нам, владыка, что-нибудь более утешительное! Взгляни на молитвенные ветви, с которыми мы пришли к тебе, или же мы не уйдем из храма и останемся в нем до конца жизни.

Ответ был более ободряющим, но непонятным.

«Гнев Олимпийца смягчить не под силу Афине Палладе:
Долгие тщетны мольбы, и бесплодна высокая мудрость:
Я же опять повторяю — и слово, как сталь, непреложно.
Помни: когда остальное захватится, все, что скрывают
Недра Кекропа горы и священных долин Киферона,
Зевс для Афины оставит одну деревянную стену.
Будет она нерушимой защитой и вам всем и детям.
Не дожидайся на месте спокойно ты ратников конных,
Не дожидайся по суше идущей огромной пехоты,
А отступай перед ними, к врагу обращаясь спиной,
Ибо в превратностях войн и обратное может случиться.
О, Саламин, божественный остров, погубишь детей, порожденных
от женщин!»

И вновь бурлит Народное собрание, пытаюсь расшифровать загадочное пророчество.

«Из множества мнений, высказанных при объяснении оракула, особенно расходились два: по словам некоторых стариков, божество возвещало, что Акрополь уцелеет, так как он был огорожен терновым плетнем, и выражение «деревянная стена» они относили к этой изгороди.

По словам других, божество указывало на корабли. Поэтому они советовали бросить все остальное и завянуть снаряжением кораблей» (Геродот).

Фемистокл уговаривал афинян довериться флоту и увести всех жителей на острова. Ареопаг поддержал это мнение. Смущало, правда, то, что Саламин должен погубить «детей, рожденных от женщин». Значит, все-таки у Саламина эллины потерпят поражение!

Наоборот, утверждал не растерявшийся Фемистокл, слова Аполлона относятся не к грекам, а к неприятелю, иначе было бы сказано не «божественный», а «злосчастный» Саламин.

Фемистокл убедил сограждан. В их глазах он становился единственным человеком, способным сохранять хладнокровие и принимать ответственные решения. Когда избирали первого стратега на 480 год, все отказались от этой должности, решив, что лучшего кандидата, чем Фе-

мистокл, не найти. Правда, у Фемистокла нашелся соперник — Эпидик. Но, зная, что он жаден и труслив, Фемистокл, «опасаясь полной гибели государства, если верховное начальство достанется Эпидику, купил деньгами у него отказ от честолюбивых замыслов» (П л у т а р х).

Меж тем персидские войска вступили в Среднюю Грецию и подошли к Фермопилам. Четыре дня Ксеркс не начинал наступления, ожидая исхода морского сражения у Артемисия. Известия пришли неутешительные. Часть персидского флота раскидана бурей, другая же часть понесла большие потери и не сумела прорваться к побережью. Но и грекам не удалось разгромить вражеский флот и отогнать его от Эллады.

Четыре дня Ксеркс выжидал. Расположившись с армией к северу от Фермопил, он послал разведчика посмотреть, что делают греки. Возвратившись, посланец сообщил: спартанцы ведут себя спокойно — одни занимаются гимнастическими упражнениями, другие расчесывают волосы.

Ксеркс все еще не терял надежды, что эллины окажутся достаточно разумными и без боя покинут проход. С каждым днем росло его нетерпение, но греки не двигались с места.

На пятый день царь приказал начать атаку и захватить в плен этих безумцев. Однако все попытки персов были неудачны, и им пришлось отступить. Тогда Ксеркс бросил в бой «бессмертных». Сидя в кресле, установленном на возвышении, царь надеялся насладиться зрелищем победы. Но и «бессмертные» не имели успеха. Помощь пришла неожиданно. Надеясь на крупную награду, предложил свои услуги местный житель: он поведал о том, что есть обходная тропа, о которой мало кто знает. Переребчик брался провести по ней персов в тыл защитникам Фермопил.

Персы двинулись тотчас же. Вскоре греки узнали, что их окружают неприятельские отряды. Спартанский царь Леонид отпустил союзников, чтобы сберечь основные силы для будущих битв. Но свою задачу задержать, насколько возможно, продвижение противника он решил выполнять до конца, отлично понимая, что ничего, кроме гибели, его не ожидает. Его участь готовились разделить 300 спартанцев, 400 фиванцев и 700 феспиян.

Сломить сопротивление эллинов удалось только тогда, когда в тыл им ударили персы, которых привел предатель.

Греки отступили в глубь ущелья и здесь сложили головы все до единого. Ксеркс приказал отыскать труп Леонида, обезглавить и насадить его голову на копье.

Из 1400 греков уцелело лишь двое. Один оказался болен и не участвовал в бою, другой, отправленный с донесением в Фессалию, задержался в дороге. Обоих спартанцы лишили чести: с ними никто не разговаривал, их открыто называли трусами. Не в силах вынести подобный позор, один из них покончил с собой, а другой смыл с себя пятно, геройски погибнув в сражении.

Позднее над павшими греками, погребенными у Фермопил, установили надгробную плиту со стихами поэта Симонида:

Путник, пойди возвести нашим гражданам в Лакедемон,
Что, их заветам верны, здесь мы костями полегли.

Не встречая преград на пути, персы двинулись в Атику.

Получив известие о падении Фермопил, союзники потребовали, чтобы флот покинул Артемисий и отошел на юг. Пелопоннесцы срочно возводили стену на Коринфском перешейке. Туда же, к Истмийским горам, должны были направиться греческие корабли.

Решение союзных военачальников обрекало Афины, не имевшие надежной защиты, на гибель. Фемистокл понял это. Но не менее твердо он знал и то, что, пока существует флот, государство живет и может надеяться на победу, даже если вся его территория будет разорена и сожжена врагами.

Город следовало оставить без боя. Чтобы убедить сограждан, стратег сам отправился в Афины. Там он застал растерянность и смятение. Большинство считало, что если покинуть храмы богов и могилы предков, то ни к чему и победа, и спасение. Фемистокл с жаром доказывал, что не все потеряно и что победа придет к афинянам, только не на суше, а на море. В конце концов он убедил народ оставить город. Каждый афинянин обязан был взойти на корабль.

Началась эвакуация. Женщин, детей и стариков переправляли на острова Эгину и Саламин, в аргонидский город Трезены, жители которого обязались содержать бегущих и даже оплачивать учителей, дававших уроки афинским детям. Покинула Афины и семья Перикла.

Поселением и устройством граждан на новых местах

руководил Ареопаг: каждому выдавалось из казны по три драхмы.

Город опустел. Остались лишь служители храмов да несколько немощных стариков, уповавших на чудо, на то, что богиня Афина защитит свое святилище. Когда пришли персы, они забаррикадировались на Акрополе и отказались сдаваться, забрасывая врагов камнями. Все они погибли от рук разъяренных солдат. От города же остались одни развалины. Афин, цветущего полиса, славы и гордости эллинов, больше не существовало. В Сузы помчался царский гонец с радостным известием: непокорный город пал, возмездие совершилось, Ксеркс отомстил за поражение при Марафоне.

Уныние царило в лагере греков. Малодушные утверждали, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Осторожные настаивали на том, чтобы собраться у Истма и там биться до конца. Зачем тратить силы у берегов разграбленной и сожженной Аттики, когда можно укрыться в Пелопоннесе?

Фемистокл был весь сгусток энергии. Он уговаривал, убеждал, грозил. На военном совете ему пришлось выступить в одиночестве против всех сомневающихся и малодушных. Он доказывал, что бой надо давать сейчас и не у Истма, а у Саламина, острова близ берегов Аттики.

Доводы афинского стратега показались убедительными. Но командующий флотом Еврибиад увидел в этом опасность для собственного авторитета. Не в силах сдерживать гнев, он замахнулся палкой на Фемистокла. Его остановили спокойные слова:

— Бей, но выслушай!

Фемистокл вновь повторил свои предложения. Тогда поднялся коринфский стратег и язвительно заметил:

— Ты, афинянин, уже утратил родину. Не подобает тебе убеждать тех, у кого она еще есть, бросать отечество на произвол судьбы!

— Негодяй! — вскричал Фемистокл. — Да, мы оставили дома и стены, не желая быть рабами из-за бездушных вещей. А город наш существует, величайший из городов Эллады. Это двести триер, которые теперь стоят здесь, чтобы помочь вам спастись, если вы этого желаете!

Мнение Фемистокла в конце концов восторжествовало, и он начал готовиться к сражению. В этот напряженный момент следовало все мысли, чувства и силы сосре-

доточить на одном, забыть о расприх, объединить всех, кто готов отстаивать свободу. Фемистокл вносит предложение, которого не знала еще афинская история. Он убеждает сограждан отменить прежние постановления и возвратиться из ссылки тех, кого изгоняли остракизмом. И Аристиду, и вождям аристократов, и Алкмеонидам надо дать возможность сражаться за освобождение родины. Вскоре изгнанники заняли свое место в общем строю.

Царь Ксеркс, зная о сомнениях в лагере союзников, выжидал. Он надеялся, что они не достигнут согласия, и тогда он без труда одолеет каждого в отдельности. Фемистокл решил перехитрить царя. Тайком отправил он своего раба в лагерь персов, который передал Ксерксу, что эллины намерены ночью отступить, что Фемистокл перешел на его сторону и советует ему как истинный друг немедленно начать наступление, пока греки не оправились от страха.

Теперь Ксеркс не сомневался в победе. Он приказал закрыть все выходы из Саламинского пролива, чтобы ни один эллинский корабль не сумел ускользнуть.

Ничего не подозревавшие военачальники греческого флота продолжали спорить между собой, как вдруг Фемистоклу доложили, что с ним желает говорить какой-то человек. И Фемистокл увидел перед собой старого соперника: Аристид рассказал, что поспешил сюда, как только понял, что вражеский флот окружает Саламин.

— Теперь твой спор со спартамцами и коринфянами не имеет смысла. Даже если бы они хотели, они уже не могут увести свои корабли. А нам с тобой, Фемистокл, пора прекратить ссору и соперничать только в служении на благо отечества. Я признаю твои советы умными и спасительными и готов помогать тебе во всем.

Фемистокл просил Аристиду употребить все свое влияние, чтобы убедить союзников дать сражение.

Наступило утро Саламинской битвы. Эллины увидели флот персов в боевом порядке. В отдалении, на холме, под раззолоченным балдахинном на троне сидел Ксеркс, окруженный приближенными и писцами, которые готовились описать великую победу персов.

180 афинским быстроходным кораблям, на каждом из которых находились 14 гоплитов и 4 стрелка из лука, противостояла 1000 судов персов.

Для начала сражения Фемистокл выбрал момент, когда дул свежий ветер с моря. Он не мешал плоским,

с низкими бортами кораблям греков, высокопалубные же, тяжелые персидские корабли сильно накренились. Воспользовавшись этим, греки легко подходили и таранили их. К тому же персы не могли маневрировать в узком проливе, их неповоротливые суда беспорядочно толпились, становясь легкой добычей греков. Один за другим они шли на дно. Многие персидские воины, не умевшие плавать, тонули в море. Успевших доплыть до берега добивал отряд греческой пехоты, возглавляемый Аристидом.

После гибели персидского флотоводца исход битвы не вызывал сомнений. Персы обратились в бегство. По пути их ожидали в засаде жители Эгины, топившие проплывавшие мимо корабли. Потери варваров были огромны; лучшие воины пали в бою, флот уничтожен полностью. Упоенный победой Фемистокл решил тут же покончить и с сухопутной армией врага. Он предложил разрушить мост через Геллеспонт и таким образом, отрезав пути к отступлению, «поймать Азию в Европе». Но Аристид убедил его отказаться от этого плана:

— Не следует доводить персов до крайности, ибо тогда они будут сражаться с мужеством отчаяния. Наоборот, мы не только не должны разрушать мост, но, если бы была возможность, скорее уже построить второй, лишь бы быстрее изгнать неприятеля.

Греки торжествовали победу — самую великую из всех, которые они когда-либо одерживали. Героем и спасителем Эллады единодушно признавали Фемистокла. Его осыпали неслыханными почестями. Даже спартанцы, явно недолголюбивавшие афинского стратега, пригласили его в Спарту, увенчали оливковым венком за мудрость и подарили роскошную колесницу. Почетный эскорт из 300 молодых воинов провожал его до границы Спарты — честь, которой еще никогда никому не оказывали.

ВЕСЫ КОЛЕБЛЮТСЯ

Война еще не кончилась. В Греции остался Мардоний, поклявшийся отомстить за неудачу при Саламине. Перезимовав в Фессалии, он опять вторгся в Аттику и разорил Афины, отказавшиеся вести с ним переговоры. Навстречу ему двинулись объединенные силы греков. Афинским отрядом руководил Аристид, общее же командование сохранили за собой спартанцы, назначившие нового военачальника — Павсания.

В 479 году решающее столкновение на суше произошло у города Платеи, в Беотии.

«Я буду сражаться, пока жив, и свободу буду ценить выше жизни. Я не отступлю, пока не отведут меня воена-

чальники, и сделаю все, что прикажут стратеги. Я похороню на месте сражавшихся со мною и никого не оставлю непогребенным. Победив в сражении варваров, я не разрушу ни Афин, ни Спарты, ни Платей и никакого другого союзного города. Я не допущу, чтобы они страдали от голода и не лишу их воды из источников. И если я сохраню верность написанному в клятве, пусть болезни пощадят мой город! Если не сохраню, — пусть заболит. И пусть мой город не подвергнется разграблению! Если нет, — пусть подвергнется! Пусть земля моего города приносит плоды! Если нет, — пусть останется бесплодной! И пусть женщины рожают подобных себе. Если нет, — пусть рождают чудовищ!»

Так клялись эллины перед битвой, сыгравшей не менее важную роль, чем Саламинская. В результате этой битвы Мардоний погиб, а его войска, понеся тяжелые потери, начали отступать из Эллады.

В тот же день персам пришлось испытать еще один удар. Греческий флот настиг противника у острова Самоса, и там, при мысе Микале, эллины разгромили врагов на суше и на море. Афинскими воинами командовал тогда Ксантипп, вновь заслуживший почет и уважение сограждан.

Так завершился первый период греко-персидских войн. Стало ясно, что персы долго не смогут оправиться и новое нашествие Элладе не грозит. Греки занялись своими внутренними делами.

* * *

В Афины потянулись тысячи повозок — население возвращалось к родным очагам. Вновь открывались лавки и конторы менял на агоре, закипела деловая жизнь в Пирее. Город нуждался в товарах — и один за другим входили в порт корабли, привозившие продукты, строительные материалы и рабов — пленников, захваченных в боях. Город нуждался в мастерских — и из разных концов эллинского мира приезжали строители, ремесленники, архитекторы, художники, скульпторы.

Вместе с семьей вернулся в Афины и Перикл.

С грустью глядел он на разрушенные здания и поруганные святыни. Год назад он слышал рассказы моряков, вернувшихся из Саламинского сражения. Они уверяли, что видели дым от огромного костра, горевшего на Акро-

поле. Теперь Перикл сам убедился: Акрополь превращен в пепелище, крепостная стена, агора, дома — кроме тех, где останавливались персы, — лежат в развалинах.

Все жители заново отстраивали город. Сооружения, еще более величественные, чем прежние, должны были прославить Афины, одолевшие грозного врага. А руины? Многие из них не трогали. Накануне битвы при Платеях афиняне поклялись сохранить остатки сожженных и разрушенных храмов, чтобы они служили памятником «беззакония варваров».

Перикл уже способен оценить происходящее. Заботы и дела, волнующие сограждан, касаются и его. Может быть, именно сейчас он впервые ощущает себя взрослым, частью единого целого, имя которого — Афинское государство.

Он по-прежнему слушает домашних и школьных наставников. Только заниматься стало труднее. Ведь афинским школьникам с 12 лет приходилось обучаться в двух школах. Просидев первую половину дня в мусической школе, они отправлялись в палестру — гимнастическую школу. Скинув одежду и натерев кожу оливковым маслом, они тренировались в беге, прыжках, борьбе, метании диска и копья.

Заниматься было нелегко. Приходилось бегать по полю, усыпанному толстым слоем песка, в котором вязли ноги. Но это помогало подготовиться к соревнованиям на Олимпийских играх, вырабатывало выносливость. Не случайно память о греческих скороходах-бегунах сохранила мировая история. Посланец Афин Фидиппид, помчавшийся в Спарту предупредить о нашествии персов в 490 году до н. э., преодолел за два дня 240 километров. Не менее знаменитым стал и гонец, сообщивший афинянам о блестящей победе при Марафоне и пробежавший по горным дорогам около 40 километров — дистанцию, которую много веков спустя называли марафонской.

Одним из самых тяжелых упражнений был кулачный бой. На руки надевались ремни с шипами, и часто поединки заканчивались опасными ранениями. Зато, считали греки, закаленный боец не дрогнет в сражении и не будет бояться льющейся из раны крови.

Но не только подвиги в сражениях прославляли героев. Греческие государства гордились и своими атлетами, одержавшими победы на Олимпийских играх. Им давали особые привилегии, посвящали хвалебные оды,

возводили статуи. Нередко при въезде победителя в город его друзья и поклонники выламывали часть стены, провозглашая, что «город, имеющий таких храбрых и сильных сынов, не нуждается в укреплениях».

В мужестве афинян руководитель демоса Фемистокл не сомневался. Как, впрочем, и в том, что без укреплений городу не обойтись. Со свойственной ему дальновидностью он разглядел грядущую опасность. Он понял, что отныне главная угроза исходит не от персов, а от недоверчивых и подозрительных спартанцев, чей авторитет, особенно после сражений у Платей и Микале, чрезвычайно возрос. Руководя общегреческим союзом, Спарта распространила свое влияние далеко за пределы Пелопоннеса и явно стремилась стать гегемоном во всей Греции.

Смириться с этим Афины не могли. И Фемистокл лихоградоно начинает готовится к неминуемому столкновению. Он убедил Народное собрание немедленно приняться за восстановление стен вокруг Афин, чтобы превратить город в крепость, способную выдержать осаду.

«В работах участвовали и дети, и женщины, и всякий чужеземец, и раб — никто не оставался праздным. Благодаря множеству рабочих рук и общему усердию работа пошла невероятно быстро» (Диодор Сицилийский).

Спартанцы узнали об этом и потребовали прекратить работы. По их мнению, афиняне напрасно тратили время и силы. От персов, если они опять вторгнутся, никакие сооружения не защитят, а от союзников... Неужели афиняне не доверяют тем, с кем бок о бок сражались за свободу? Все укрепления на севере и в центре Эллады следует скрыть!

Фемистокл тянул время. Любой ценой надо было продержаться, пока стены не будут возведены. Во главе афинского посольства он отправляется в Спарту. Он делает визиты, участвует в пирах, беседует в частных домах — и ни слова о целях своего приезда. Наконец, потерявшие терпение хозяева спрашивают его в упор: почему афиняне не прислушиваются к их советам и продолжают укреплять город, возводя неприступные стены?

— Какие стены? — удивляется Фемистокл. — Это клевета, распространяемая теми, кто хочет рассорить друзей. Пусть спартанцы пошлют в Афины достойных людей, которые убедятся в справедливости его заверений.

Спартанские послы действительно вскоре оказались в Афинах. Они сразу же увидели, что их обманули, но сообщить об этом в Спарту не могли. Их не выпустили обратно, задержав как заложников.

Через 30 дней стены были возведены. Фемистокл возвратился на родину, еще раз доказав, что не зря носит титул «истинного спасителя Афин».

Но одних стен вряд ли достаточно, чтобы обеспечить безопасность. Слишком многое увидел и понял Фемистокл, находясь в Спарте, вызывавшей у него ужас и восхищение. Фемистокл трезво оценивал будущего соперника. Да, спартанцы действительно грубые и невежественные люди. Их не облагораживает искусство, они не знают истинной общественной жизни. Они солдаты, а не свободные, мыслящие граждане. Но их бесстрашие внушает уважение, а прочности государственного строя можно лишь позавидовать.

В течение почти четырехсот лет, начиная с VIII века до н. э., сухопутная армия спартанцев не знала поражений. Крепкие физически, смелые, предельно дисциплинированные спартанцы славились своим вооружением и образцовой военной тактикой. Главную силу их армии составляли тяжеловооруженные воины — гоплиты. Во время боя отряды гоплитов — фаланги — располагались в центре, принимая на себя основной удар. И никто не видел, чтобы когда-нибудь хоть один спартанец дрогнул, покинул поле брани или сдался в плен. Позор ожидал и того, кто возвращался в родной город раненым в спину. «Победить или с честью умереть!» — вот чего требовали от своих воинов сограждане.

И спартанцы привыкли смотреть смерти в лицо. С самого детства их воспитывали так, чтобы они без страха, не колеблясь, в любой момент могли пожертвовать своей жизнью. Оплакивая погибших сыновей, родители в то же время гордились тем, что их дети оказались достойными сынами отечества и не уронили славы их рода и государства.

Восемь послала на битву с врагом сыновей Деменета, —
Всех под одною плитой похоронить ей пришлось.
И не лила она слез, сокрушаясь, а только сказала:
«Этих детей своих я, Спарта, тебе родила».

Война была основным занятием спартанцев. Физический труд, ремесло, земледелие считались недостойными

свободного гражданина. Этим должны были заниматься люди низших категорий, угнетенные слои населения. Сами же спартанцы проводили время в постоянных военных упражнениях, закаляя свое тело, заботясь о силе и выносливости.

«Нас мало, и мы властвуем над многими, поэтому нам можно держаться только войной и победами», — говорил один из их полководцев. И действительно, уже с VIII века до н. э. Спарта ведет бесконечные войны с соседями, постепенно подчиняя своему влиянию все государства на Пелопоннесском полуострове. Через 200 лет она становится во главе Пелопоннесского союза, члены которого обязаны были помогать ей в случае войны или восстания угнетенных. А такие восстания могли вспыхнуть в любой момент, ведь Спарта жила на огнедышащем вулкане: ее ненавидели покоренные местные жители, готовые при первой же возможности взяться за оружие.

Часть этих жителей занималась земледелием, торговлей, ремеслом, но была лишена всяких политических прав. Другую, самую многочисленную группу составляли илоты — подневольные крестьяне, обрабатывавшие земельные участки (они принадлежали общине спартанцев и предоставлялись в наследственное пользование гражданам), выполнявшие самые трудные и грязные работы. По сути дела, илоты мало чем отличались от рабов, но считались собственностью не отдельных лиц, а всего государства. Илотов не только беспощадно эксплуатировали, но и всячески унижали. Они должны были носить особую одежду. Каждый год им полагалось получить определенное количество ударов, даже если они не совершали никакого проступка. Это делалось для того, чтобы илоты всегда помнили, что они рабы. Более того, если кто-нибудь из них оказывался чересчур сильным, его ожидала смерть, а на хозяина накладывали штраф за то, что он не сумел задержать физическое развитие илота.

Но эта система террора не могла подавить дух сопротивления у безоружных илотов, и не раз они поднимали восстание против угнетателей. Спарта поэтому напоминала самый настоящий военный лагерь, находившийся в постоянной боевой готовности среди массы эксплуатируемого населения. Потому-то так тщательно заботились спартанцы о развитии военного дела.

«В Лакедемоне, — замечает Аристотель, — почти все

воспитание граждан имеет в виду военные цели. Вся система законодательства рассчитана только на военную добродетель, поскольку она нужна для того, чтобы господствовать над другими». Естественно, что особенно почитаемым божеством в Спарте был бог войны Арес. Ему посвящались храмы, а его деревянную статую даже заковали в цепи, чтобы грозный обитатель Олимпа, навеки связанный с городом, оказывал ему покровительство.

Военный дух пронизывал всю общественную и частную жизнь спартанцев. Новорожденного родители обязаны были предоставить на суд старейшин, которые решали, достоин ли ребенок того, чтобы стать будущим гражданином. Неполюбованных детей — больных, хилых или с какими-нибудь физическими изъянами — сбрасывали в пропасть со скалы. Особенно строгие требования предъявлялись к отпрыскам царского рода. Малейший недостаток мог послужить поводом к тому, чтобы не допустить царя к власти или сместить его.

Девочек воспитывали дома, но и это являлось делом государственного значения: ведь им суждено было со временем дать жизнь новым гражданам, будущим защитникам родины. Спартанки должны были прежде всего заботиться о своем здоровье. Они выполняли гимнастические упражнения, бегали, боролись, метали диск и копье. По словам античного автора, «их заставляли забыть об изнеженности, баловстве и прочих прихотях, приучали не хуже юношей плясать, петь, участвовать в торжественных процессиях». Выйдя замуж, спартанская женщина целиком посвящала себя домашним делам, и авторитет ее в семье был очень высок.

Мальчики же оставались под надзором родителей только до семи лет и находились на попечении кормилиц. После этого заботу о них брало на себя государство. Их размещали в особых детских общежитиях и объединяли в специальные отряды по возрасту. В этих отрядах — их называли агелами — юноши находились до 20 лет. Весь уклад жизни был построен там по военному образцу. Детей знакомили со спартанскими обычаями, приучали к послушанию. Плутарх рассказывает: «Они жили и питались вместе, приучались играть и трудиться друг с другом рядом. Во главе отряда стоял тот, кто превосходил прочих сообразительностью и храбростью. Остальные равнялись на него и молча терпели наказа-

ния, так что главным следствием такого образа жизни была привычка повиноваться. Грамоте они учились лишь в той мере, в какой без этого нельзя было обойтись. В остальном же воспитание сводилось к умению беспрекосовно подчиняться, стойко переносить лишения и одерживать верх над противником».

С годами требования становились более жесткими. Мальчиков коротко стригли, заставляли и летом и зимой ходить в легком плаще и босиком. В гимнастических школах, где занимались физическими упражнениями, они тренировались в метании диска и копья, борьбе, кулачном бою, нередко выступая совсем обнаженными. Спали они на подстилках из тростника, который должны были сами сорвать руками, без помощи ножа.

Кормили их скудно: весь завтрак состоял из одного куска хлеба. Зато их приучали самостоятельно добывать себе пищу с помощью воровства и грабежа. Дети рыскали по садам и огородам, забирались в дома жителей, крали плоды, кушанья со стола, нападали на спящих сторожей. Тех, кто попадался, беспощадно избивали плетью — не за то, что они воры, а за то, что они плохие и неловкие воры, которым не хватает осторожности, хитрости и находчивости.

Физическая слабость вызывала у спартанцев презрение и насмешки, а душевная мягкость и благородство считались признаком малодушия. Уважали тех, кто был суров и жесток, кто умел подчиняться и подчинять.

Писатель-сатирик Лукиан замечал: «Не смейся, если увидишь, как спартанских юношей бичуют перед алтарями и они обливаются кровью, а матери и отцы стоят здесь же и не жалеют их, а угрожают и умоляют дольше терпеть боль и сохранять самообладание. Многие умерли в этом состязании, не желая сдаться и показать, что они ослабели, — ты увидишь статуи, поставленные в их честь на средства государства. Не говори, что они терпят мучения без всякой надобности. Попад в плен, такой юноша не выдаст тайн отечества, даже если враги будут его истязать, и с насмешкой станет переносить удары бича, соревнуясь с бичующим его — кто из них раньше устанет».

Подобным жестоким обрядом завершался первый период воспитания. С 14 лет подростки начинали заниматься специальной военной подготовкой, и им разрешали но-

сить оружие. Теперь они проводили время в основном за пределами Спарты. Их отряды несли сторожевую службу, наводя порядок в стране и расправляясь с илотами. Эти карательные экспедиции против илотов назывались криптиями. Скрываясь днем в засадах, ночью спартанская молодежь выходила на охоту за людьми: каждый обязан был убить хотя бы одного илота, иначе его подвергали презрению. Способность применять чисто военную тактику и спокойно, без угрызения совести умерщвлять безоружных илотов рассматривалась как признак того, что спартаец достоин вступить в число граждан.

Но полноправным гражданином можно было стать лишь к 30 годам. До этого человек считался несовершеннолетним. Не позднее 30 лет каждый мужчина должен был также обзавестись семьей. Если он медлил и не вступал в брак, против него предпринимались суровые меры воздействия — вплоть до того, что его избивали во время религиозных праздников.

Женившись, спартаец получал земельный участок с илотами и только после этого мог активно участвовать в политической жизни государства. Он считался полноправным воином, ему разрешалось голосовать в народном собрании, которое собиралось раз в месяц, чтобы избрать должностных лиц и утвердить решения верховного органа власти — совета старейшин.

Голосовали в Спарте не обычным поднятием руки, а именно с помощью голоса. Кандидаты на должность один за другим проходили перед собранием, которое встречало их криками. Специальная комиссия, отгороженная от места событий, на слух определяла силу крика, и избранным считался тот, чье появление вызывало наибольший шум.

Решения же совета старейшин не обсуждались. Если большинство спартанцев высказывалось против них, верховные правители могли попросту распустить собрание.

Во главе государства стояли два царя и 28 старейшин, которыми могли стать граждане не моложе 60 лет. Члены совета старейшин избирались пожизненно. Они ведали политическими делами и судом. Цари же считались верховными жрецами и главнокомандующими. Все решения они обязаны были принимать совместно, и во время войны им давались неограниченные полномочия.

В мирное же время на них лежали в основном религиозные обязанности, и действия их контролировала особая коллегия из пяти ежегодно избираемых чиновников — эфоров. Эта коллегия фактически и управляла государством, причем ее действия не подлежали обсуждению. Эфоры вершили суд, устанавливали налоги, следили за воспитанием граждан, проводили военные наборы. Они даже могли смещать неугодных царей, которые ежемесячно должны были приносить эфорам клятву, что будут править в соответствии с законами.

Раз в девять лет, дождавшись ясной, безлунной ночи, эфоры выходили из своих домов и молча наблюдали за небом. Если им удавалось увидеть звезду, падающую в определенном направлении, то это означало, что кто-то из царей нарушил клятву и его следовало отстранить от власти.

Спарта, таким образом, была республикой, но не демократической, а олигархической, в которой народ не участвовал в управлении.

Такой строй, как передает легенда, создал знаменитый законодатель Ликург, живший, вероятно, в VIII веке до н. э. Ликург, утверждали спартанцы, получил заверения от самого Аполлона, что его законы настолько хороши, что кажется, будто их придумал не человек, а бог. Но, установив свои порядки, Ликург затем покинул город, взяв с граждан клятву, что они не будут проводить ни одной реформы, пока он не вернется к ним. После этого правитель отправился на остров Крит, где якобы уморил себя голодом, считая, что даже его смерть должна принести пользу соотечественникам. Прах его развеяли над морем, чтобы кто-нибудь не вздумал перевезти его останки на родину.

И спартанцы почти 500 лет оставались верны обещанию и сохраняли неизменным старинное государственное устройство. Ревниво оберегая свои порядки, они противились любому нововведению. Они сторонились соседей, почти не торговали с остальными странами.

По преданию, Ликург разделил всю территорию, принадлежавшую Спарте, на 9 тысяч одинаковых участков и обеспечил таким образом равенство среди граждан. Эту «общину равных» спартанцы пытались сохранить в течение нескольких веков. Земельные участки передавались по наследству, и их нельзя было продавать. В Спар-

те запрещены были золотые и серебряные монеты, и денежной единицей долгое время служили железные прутья. Много таких денег скопить было невозможно. Дома в городе разрешалось строить только при помощи самых простых инструментов и так, чтобы они почти не отличались друг от друга.

Каждый гражданин обязан был участвовать в общественных обедах. Тот, кто не вносил ежемесячно установленную государством норму продуктов, не считался полноправным членом общества. Даже царей не освобождали от этой повинности. Спартанцы обедали под открытым небом. За столом принято было говорить лишь о воинских подвигах и героических поступках. Детям разрешали присутствовать на этих трапезах, чтобы они извлекали пользу из застольных бесед.

Упорно цепляясь за устаревшие установления, отгораживаясь от остального мира, Спарта обрекла себя на длительный застой. Это мощное военное государство было в то же время и одним из самых отсталых как в экономике, так и в культуре. Военная система не нуждалась в высокообразованных людях. Грамоту спартанцы знали лишь настолько, чтобы можно было прочесть приказ или отправить краткое донесение. В Спарте не было ни литературы, ни науки, ни философии, не слышно было споров ученых, ораторов. Там не создали ни одного великого произведения архитектуры или скульптуры.

Из всех искусств спартанцы признавали лишь танцы и хоровое пение, причем песни носили только военный характер. Да и этому их, по преданию, научили соседи. Рассказывают, что когда-то прорицатель посоветовал спартанцам попросить вождя у афинян, чтобы победить врага. Афиняне охотно откликнулись на просьбу. Как же были разочарованы спартанцы, когда перед ними предстал не полководец, а хромоу учитель — поэт Тиртей. Однако своими песнями он так воодушевил воинов, что те в первом же сражении наголову разбили противника.

«Кифары звук мечу не станут уступать», — писал спартанский поэт. И цари перед битвой приносили жертвы покровительницам искусств — Музам — в надежде на то, что воины совершат подвиги, достойные того, чтобы сохраниться в песнях. «Во всех своих делах, — писал Лукиан, — спартанцы прибегают к Музам, вплоть до того, что даже воюют под звуки флейты. И в битве первый знак у них подается флейтой».

Вернувшись в Афины, Фемистокл вновь обратился к строительству кораблей и укреплению морской мощи страны. Но теперь этого уже было недостаточно. Вместе с Аристидом, забыв о прежних разногласиях, они стремились к одной цели — возвысить Афины над остальными полисами.

Еще воюя с персами, Аристид заметил, что греки нередко высказывают недовольство грубым обращением спартанских полководцев. Павсаний приговаривал рядовых воинов к суровым наказаниям, держал себя надменно, не считаясь с мнением союзников. Спартам же он предоставлял наилучшие условия за счет остальных эллинов.

Аристид воспользовался недовольством греков и тем, что Павсаний подвергся нападкам у себя на родине. И вскоре афиняне добились отстранения его от командования. Но, отозвав Павсания, спартанцы не послали взамен него нового начальника, и их войска больше не принимали участия в войне с Персией. Возглавляемый Спартой антиперсидский союз распался.

На его месте возникло другое объединение, теперь уже под руководством Афин. В 478 году афиняне объединили силы союзников и образовали Делосский морской союз.

В свое время, когда Спарта диктовала условия, было решено, что каждый полис станет вносить на нужды войны определенные средства. Но союзники никак не могли договориться относительно размера взносов. Сейчас же политику Афин вновь направлял человек, знаменитый своей справедливостью. Кому же, как не Аристиду, поручить организацию союза?

В руках Аристида оказалась огромная власть, которую, как все понимали, он никогда не использует для личного обогащения. Аристид установил твердую сумму податей в зависимости от территории и доходов каждого города. Все государства облагались этой повинностью, только Самос, Хиос и Лесбос, сохранившие флот, освобождены были поставлять военные корабли. Сумма налога с союзников (фороса) достигала при Аристиде 460 талантов. Казна помещалась на Делосе, но управляли ею афинские чиновники, обязанные ежегодно отчитываться перед союзниками в своей деятельности.

По мере освобождения малоазийских греков от вла-

сти персов разрастался и Делосский союз. Через 30 лет он включал уже 400 полисов и охватывал все острова Эгейского моря и его побережья.

Детище Аристида направлено было своим острием против Спарты, укреплявшей власть в Пелопоннесе. Но Аристид не помышлял о военных действиях. Фемистокл же по-прежнему рвался в бой. И впервые за свою политическую карьеру просчитался. Уставший от войн демос не склонен был вновь подвергать опасности родные очаги, тем более что все понимали, сколь сильны спартанцы на суше. Да и во главе Афин стояли теперь люди, враждебные Фемистоклу. Они опасались усиления «черни», которую так возвысил «спаситель отечества», и старались укрепить власть старинных родов и Ареопага. Консервативно настроенные круги, и прежде всего землевладельческая знать, вели агитацию против Фемистокла, не брезгуя клеветой. Они противопоставляли ему своего вождя Кимона, командовавшего в тот момент греческим флотом.

Сын знаменитого Мальтиада, он не забыл, как несправедливо покарали его отца, победителя при Марафоне. Он внес за него штраф, но навсегда сохранил обиду на неблагодарный демос. Теперь он мог рассчитывать с его вождем.

Фемистокл, готовясь к будущим битвам со Спартой, не скрывал, что намерен убедить народ как можно скорее заключить мир с Персией. Этого оказалось достаточно, чтобы его обвинили в измене.

В 471 году героя Саламина подвергают ostracismu, и он удаляется сначала в Аргос, затем в Спарту. Он мечется из одного города в другой, нигде не находя пристанища. Наконец, он бежит в Малую Азию и проводит последние дни при дворе персидского царя. Поговаривали, что он покончил с собой, когда узнал, что царь хочет использовать его для организации нового похода против его родины.

Первым человеком в Афинах становится Кимон, который добивается полного признания после блистательной победы в 468 году в двойном — сухопутном и морском — сражении в Малой Азии. Благодаря этой победе малоазийское побережье полностью было очищено от персов и Эгейское море превратилось во внутреннее море эллинов.

Малоазийские греки отныне не нуждались в защите афинян. Они попытались выйти из Делосского союза, в

котором Афины все больше чувствовали себя полновластными хозяевами. Союзники продолжали считать себя равноправными партнерами. Афины же стремились подчинить их, установить гегемонию. Когда остров Наксос попытался выйти из союза, афиняне силой привели его к повиновению и лишили самоуправления.

В 465 году восстал Фасос — самый богатый и могущественный союзник в северной части Эгейского моря. Кимон разгромил флот фасосцев и осадил их город, который через два с лишним года капитулировал. Афиняне срыли укрепления Фасоса, захватили принадлежавшие ему во Фракии золотые и серебряные рудники, повысили сумму форо́са и заставили жителей оплатить военные расходы, связанные с их же усмирением.

О добровольном членстве в союзе уже не говорили. Судьбу полисов определяли Афины. Возглавляя коалицию, они бесцеремонно вмешивались в дела союзников, которые, по словам Плутарха, «приучившись бояться афинян и лстыть им, незаметно превращались в подданных и рабов».

Афины недвусмысленно дали понять эллинам, что демократия, призванная охранять свободу и равноправие граждан, отнюдь не распространяется на союзников, обязанных не только вносить дань, но и подчиняться решениям афинских властей. Право повелевать казалось естественным и для руководителей государства, и для рядовых афинян.

Молодежь вырастала с убеждением, что иначе и не может быть, что Афины заслужили это право, защитив Элладу от персов.

Не подвергал его сомнению и Перикл, вступивший на путь самостоятельной жизни. Закончив занятия в мусической школе и палестре, он продолжил обучение в гимнасии, куда попадали обычно юноши из наиболее состоятельных семей.

Один из этих гимнасиев назывался Академией, так как был расположен в роще, посвященной мифическому герою Академу. Здесь позднее преподавал знаменитый Платон. В другом гимнасии — Ликее — проводил в IV веке до н. э. занятия Аристотель. В гимнасиях молодежь продолжала совершенствовать свое образование. Она могла встретиться со многими выдающимися учеными, послушать выступления популярных философов, присутствовать на диспутах.

В 18 лет обучение в Афинах заканчивалось. Молодой афинянин считался теперь совершеннолетним. Он поступал на военную службу и становился эфебом, то есть не ребенком, а юношей. Имя его вносилось в списки граждан, и он принимал присягу на верность:

«Клянусь никогда не опозорить священного оружия и не покинуть своего места в сражении! Клянусь сражаться за моих богов и за свой очаг один и вместе со всеми! Клянусь после моей смерти оставить родину не умаленной, но более могущественной и крепкой! Клянусь исполнять приказания, исходящие от мудрых представителей государства! Клянусь соблюдать как ныне действующие, так и будущие законы отечества! Клянусь не допускать нарушения законов моего отца и в свидетели моей присяги призываю богов!»

Два года, с 18 до 20 лет, эфебы обучались военному делу и несли гарнизонную службу в крепостях. Они тренировались в беге, борьбе, плавании, метании диска, копья и камней с помощью пращи, стреляли из лука, ездили в колесницах и на лошадях. Их знакомили с военной техникой, с устройством осадных машин, с искусством построения военных лагерей.

Через год они должны были показать собравшемуся народу, чему они научились. После этого им вручали щит и копье, и в течение двух лет они охраняли границы страны, дежуря на сторожевых постах. В этих молодых людях видели будущую опору государства и предоставляли им немало привилегий, в частности освобождали от повинностей. За хорошую службу и строгое выполнение долга им присуждали венки, а их имена, по решению Народного собрания, высекались на мраморной плите, которую устанавливали на площади.

Но молодежь занималась не только военным делом. В отличие от суровой Спарты, где заботились лишь о воспитании мужества, силы и доблести, в Афинах старались сделать граждан просвещенными людьми. Афиняне любили театр, посещали частные дома, где вели беседы философы и ученые. Часто собирались они на площадях, чтобы участвовать в диспутах. Особенно много слушателей собирали так называемые учителя мудрости — софисты, многие из которых разъезжали по городам и обучали сложнейшему искусству спорить и отыскивать истину. Софисты говорили красноречиво, убедительно, умело ловили своих противников на ошибках. Чаще всего рас-

суждали о том, каким должен быть гражданин, что нужно делать, чтобы принести пользу родине, что такое счастье отдельного человека и всего государства.

Многие юноши, которые собирались выдвинуться благодаря искусным речам в Народном собрании, шли в обучение к софистам, которые брали с них высокую плату. Передко тех осуждали за это, говоря, что они торгуют мудростью, но число их учеников не уменьшалось.

Лишь проучившись какое-то время у известного мудреца, молодой афинянин считал свое образование законченным. Теперь у него была возможность обратить на себя внимание блестящим ораторским выступлением иль дельным советом. Он мог привести к месту какое-нибудь изречение или стихотворение, поддержать разговор на философскую тему. Перед ним открывалось широкое поле политической и военной деятельности, которая приносила славу и уважение сограждан.

В 472 году афиняне впервые слышат имя Перикла. Правда, известность приходит к нему вместе с чужой славой. В тот год победу на драматических состязаниях одерживает поэт, которого позднее назовут «отцом трагедии». 53-летний Эсхил, участник сражений при Марафоне и Саламине, представляет на суд зрителей трагедию «Персы» — единственное произведение в его творчестве, написанное на исторический сюжет. Эсхил славил эллинов, отстаивавших свободу, и противопоставлял им варваров, которые расплачивались за свою надменность и дерзость, за нарушение божественной справедливости. Современники воспринимали трагедию как патриотический гимн. В конце века Аристофан сделает Эсхила действующим лицом комедии «Лягушки» и вложит в его уста слова о том, что в «Персах» он «учил, чтобы гражданам наши все горели желаньем врагов побеждать».

«Персы» должны были пробуждать гордость афинян, сознание превосходства демократии над деспотизмом, внушать уверенность в неизбежности поражения тех, кто нарушит порядок, установленный богами.

И при всем том пьеса оставалась трагедией. Эсхил рассказал о победе эллинов, взглянув на нее глазами побежденных. Как заметили исследователи, ликовать над трупами врагов было бы бестактно и кощунственно. В то же время немислимо, чтобы греки оплакивали павших захватчиков. Эсхил нашел единственную возможность прославить защитников Эллады, не позоря при этом их

погибших противников и не навлекая на победителей гнева богов.

Как и его предшественник Фриних в пьесе «Финикиянки», Эсхил перенес место действия в Сузы, одну из персидских столиц. Именно здесь тревожные предчувствия охватывают хор старцев, советников царя. Напряжение нарастает, когда мать Ксеркса рассказывает о зловещих предзнаменованиях, которые ей посланы во сне: Ксеркс запряг в колесницу двух красавиц — Элладу и Азию. Одна послушно склонилась под ярмом, а другая стала вырываться из упряжки и в конце концов сбросила царя. «Кто же они, эти непокорные афиняне?» — спрашивает царица. И в ответ слышит: «Не рабы они у смертных, не подвластны никому».

Но вот приходит вестник. Он рассказывает о гибели персидского флота у Саламина, об отступлении разбитой армии и крушении честолюбивых планов Ксеркса. Сам же царь в разорванной одежде появится в конце трагедии и вместе с хором будет оплакивать свою судьбу. Горе побежденным! И чем безысходней их отчаяние, тем убедительней правота греков, тем величественней их подвиг. Именно так восприняли современники произведение Эсхила, которому присудили первое место среди трагиков, участвовавших в состязаниях 472 года. Впрочем, это было лишь очередное признание его заслуг — популярный драматург уже привык к победам. Но успех с ним делил и тот, кто организовал представление, — хореги. Хорегия считалась одной из наиболее обременительных общественных повинностей (литургий), которые ложились на плечи состоятельных граждан. Хореги нанимали певцов и музыкантов, платили им жалованье, обеспечивали маски, костюмы, помещение для репетиций, нанимали учителей для хора. В тщеславном стремлении перещеголять соперника хореги не останавливались перед затратами, так что некоторые из них, как заметил комический поэт, «нарядив певцов в златотканые одежды, сами оставались в рубищах». Такой ценой приобреталась популярность, и цена эта не казалась слишком высокой. Победителя-хорега ожидала награда, имя его высекалось на камне (вместе с именами драматурга и первого архонта), который выставлялся у храма Диониса.

В 476 году подобной чести удостоился Фемистокл, подготовивший «Финикиянок» Фриниха. Уже тогда, говорит Плутарх, состязание хорегов было предметом

честолюбивого соревнования. Но Фемистокл в ту пору уже находился в зените славы. Человек, поставивший «Персов» Эсхила, делал к ней лишь первый шаг.

В 472 году хорегию выполнял Перикл, сын Ксантиппа, из Холарга.

* * *

Имя произнесено.

О чем оно говорит рядовому афинянину?

Что его обладатель щедр и честно выполняет обязанности перед государством? Похвально, но не больше. Что он сын победителя при Микале? Вызывает доверие, но это доверие в кредит. Оправдает ли он его?

Перикл появляется на политической арене в 469—467 годах. Ему еще нет тридцати. Он пока не в силах четко сформулировать свою программу, как это сделал Фемистокл. Но он убежден: величие и процветание Афин — в их демократическом устройстве. Только оно способно обеспечить порядок и внутренний мир.

Потомок Алкмеонидов решительно встает на сторону демоса.

Потому ли, что таковы традиции рода? Или из честолюбия, толкавшего его на соперничество с вождем аристократии Кимоном (с отцом которого, Мильтиадом, враждовал и его отец — Ксантипп)? А может быть, Перикл и в самом деле уверовал, что благополучие свободного, полноправного демоса и есть источник могущества всего государства, то есть, выражаясь современным языком, уловил объективную потребность своей эпохи?

Так или иначе, Перикл начинает действовать. Его уже знают, как воина, участвовавшего в войне с персами. Теперь его видят на трибуне в Народном собрании, где он выступает против Кимона. Нет, он не бросается в бой очертя голову. Перикл движется к цели осторожно, избегая риска, соразмеряя силы, учитывая всеобщее настроение. А оно пока в пользу популярного полководца.

Кимон старше Перикла. Он отличился еще во времена Саламина. Именно он первым подал пример согражданам, когда Фемистокл предложил посадить Элладу на корабли: вместе с друзьями Кимон направился к Акрополю с уздечкой в руках, посвятил ее богине, взял взамен один из щитов и двинулся к морю, тем самым дав понять, что отечество нуждается не в коннице, а во флоте.

Он разгромил пиратов Скироса, подавил восстание союзников, очистил от персов берега Фракии, Геллеспонта, Босфора, нанес им двойное поражение — на суше и на море — при Евримедонте. Его призванием была война, даже став вождем партии аристократов, он оставался простым воином. Храбрый, открытый, прямой, веселый и общительный, Кимон снискал симпатии всего демоса. Особенно подкупала его щедрость. Ежедневно в его доме готовился обед, предназначенный для всякого, кто зайдет к Кимону. Он даже снял ограду вокруг своих полей и садов, чтобы каждый афинянин мог пользоваться их плодами.

Проводя время в пирах, в обществе гетер, Кимон мало интересовался науками и искусством, что не мешало ему заботиться об украшении Афин. Аристократ по происхождению, он, однако, вряд ли думал о реставрации старых порядков. Преклоняясь перед спартанским устройством, он противился реформам, слишком расширявшим права народа, и пытался задержать развитие демократии. «Мир с греками, война с персами» — к этому сводилась его внешнеполитическая программа. Своим сыновьям он демонстративно дал имена, связанные с названиями эллинских государств, — Лакедемон, Элей, Фессал.

Не искушенный в ораторском искусстве, малообразованный, но-солдатски прямолинейный, Кимон меньше всего годился на роль вождя и политика. Он честно делал то, что считал необходимым в данный момент. А конечные результаты оказывались прямо противоположны его стремлениям.

Борясь с персами, Кимон мечтал сплотить воедино всех греков. Но именно победы афинян укрепили их гегемонию и обострили отношения со Спартой, которая опасалась возвышения соперника.

Членов Делосского союза Кимон освободил от обязанности поставлять корабли и воинские отряды, заменяя их денежными взносами. В итоге эксплуатация союзников возросла, недовольство среди эллинов усилилось. И Кимону первому же пришлось усмирять тех, кто пытался освободиться из-под власти Афин.

Что мог противопоставить ему Перикл?

Славу? Здесь Кимон не знал себе равных.

Богатство? Увы, Перикл был куда менее состоятелен.

Симпатии народа? Но глава аристократов привлекал своей простотой и доступностью гораздо больше, чем

замкнутый и по натуре отнюдь не демократичный Перикл.

Оставалось одно — критиковать политику соперника, обыгрывать его слабости, подмечать ошибки — словом, исподволь, постепенно подрывать его влияние и авторитет.

В 465 году, покорив восставший Фасос, Кимон не развил успеха и не вторгся в Македонию. Его обвинили в том, что он подкуплен македонским царем. В числе обвинителей был Перикл. Правда, выступал он довольно сдержанно и не выказывал особой враждебности. Кимона оправдали, и Перикл мог убедиться, что положение противника достаточно прочно. Но тень уже была брошена.

Следующая оплошность Кимона становится роковой.

Невероятной силы землетрясение обрушилось на лакедемонян, погубив несколько тысяч граждан. Воспользовавшись моментом, поднялись илоты, к которым присоединились мессенцы. Спартацы растерялись: они оказались не в состоянии справиться с врагами. Они готовы принять любую помощь, не считаясь с унижением. Их посол торопится в Афины. Бледный, в пурпурном плаще, он садится у жертвенника и молит о спасении.

Народное собрание бурлит. Демократы — за то, чтобы оставить Спарту на произвол судьбы — от этого Афины только выиграют. Кимон и его сторонники протестуют: все мы прежде всего эллины, и нельзя, чтобы Эллада охромела на одну ногу.

С 4 тысячами гоплитов Кимон отправился в Пелопоннес. Но военные действия затянулись. Оправившись от испуга, спартацы заподозрили афинян, что они сочувствуют восставшим, и потребовали удаления афинского отряда.

Демократы получают в руки великолепный козырь против Кимона. Вот виновник унижения Афин! И он еще смеет восторгаться спартанскими порядками и нравами! Разве это не равносильно измене? Партия, после падения Фемистокла державшаяся в тени, вновь начинает задавать тон в экклесии. Демос убеждается в том, что дружеские отношения со Спартой невозможны. Клятва в вечном союзе для борьбы с варварами становится пустым звуком. Отныне в Спарте, а не в державе Ахеменидов видят главную угрозу.

В 461 году Кимона, победителя персов, полководца, не знавшего поражений, подвергают ostracismu.

ПУТЬ К ВЕРШИНЕ

Демократы торжествовали.

Ничто, казалось, больше не мешало им устанавливать те порядки, о которых они мечтали.

«Гражданский мир», длившийся два десятка лет, кончился. Аристократия оказалась с глазу на глаз с демосом. И силы были явно неравны.

Настроение афинского общества изменилось. Еще совсем недавно никто не вспоминал о расприх — весь народ объединяло общее стремление отразить натиск внешних врагов и спасти отечество. И вождь аристократов Кимон, возглавлявший государство, при всем своем лаконофильстве оставался прежде всего афинским патриотом. Если

бы в ту пору пришлось воевать со Спартой, то, вероятно, многие из знати сражались бы столь же достойно, как и их политические соперники.

Правда, защищали бы они уже не те Афины, за которые отдавали жизнь их предки. Прежние привилегии старинных родов давно были отменены. Почти все должности в государстве — по крайней мере, теоретически — могли занимать бедняки, простолюдины.

Но слава древних родов не исчезала. Богатство и знатность вызывали зависть и уважение. Демос долгое время не мог расстаться с мыслью, что только «лучшим и славнейшим» доступна государственная мудрость и что лишь они являются хранителями добродетели, завещанной предками. Как и раньше, «благородные» входили в правительство. Их избирали архонтами, а затем, сложив полномочия, они пополняли ряды Ареопага. И покуда он имел право наложить вето на любое решение демоса, знать примирялась с господством «черни».

В 461 году все изменилось. Едва заметная трещина превратилась в пропасть. Изгнание Кимона лишило аристократию вождя. Оставалось разрушить ее последний бастион. И демократы пошли на штурм.

«После мидийских войн государство оставалось под главенством Ареопага, хотя и клонилось понемногу к упадку. Когда же сила народа стала возрастать, простатом (патроном, опекуном) его сделался Эфиальт, сын Софонда, пользовавшийся репутацией человека неподкупного и справедливого в государственных делах. Он-то и стал нападать на этот совет» (Аристотель).

— Ареопаг — хранитель традиционных нравственных устоев? Носитель гражданской морали? Но это же смешно и нелепо! Поглядите-ка на этих ханжей и лицемеров, которым, кроме имени, и гордиться-то нечем. Разве хоть один из них прожил незапятнанную, достойную службу примером жизни? Вот этот спекулировал хлебом; тот устраивал пьяные пирушки и пил вино, не разбавленное водой; а того разве не видят постоянно в обществе продажных женщин?

По очереди, одного за другим Эфиальт обвинял ареопагитов в аморальности и бесчестных поступках. Авторитет Ареопага пал быстрее, чем его защитники успели придумать оправдательные аргументы. А судьба Кимона убедила аристократов в том, что они уже не в состоянии вести демос за собой.

Устранив многих ареопагитов, Эфиальт отнюдь не собирался вливать в старые мехи новое вино. Он не искал новых, более достойных кандидатов, а попросту отнял у верховного органа почти все его права. Отныне Ареопаг занимался лишь уголовными делами — о поджогах, преднамеренных убийствах, кровной мести, — да и то потому, что рассмотрение их связано было с некоторыми религиозными предписаниями и обрядами.

Высшим органом власти становилось теперь Народное собрание — экклесия, в которой могли участвовать все граждане, достигшие 20 лет. Решения экклесии не подлежали контролю и утверждению. Народ официально объявлялся высшим законодателем и исполнителем своей воли.

В промежутках между созывами экклесии, подготавливая дела к очередным заседаниям и контролируя деятельность должностных лиц, непрерывно функционировал своеобразный президиум Народного собрания — Совет пятисот, правительство Афинского государства.

Большинство судебных дел перешло к народному суду — гелиее, в которой участвовало 6 тысяч граждан не моложе 30 лет. Настоящее правосудие, полагали афиняне, возможно только в том случае, если граждане будут сами судить себя. И чем больше судей, тем объективней и правильней окажутся их решения. Вступая в должность, присяжные (гелиасты) приносили клятву:

«Я буду голосовать в соответствии с законами и постановлениями афинского народа и Совета пятисот. Когда закон будет нем, я подам свой голос в согласии со своей совестью, без пристрастия и ненависти. Я не одобряю ни тиранию, ни олигархию. Я не буду слушать тех, кто говорит против афинской демократии. Я не допущу отмены долгов, передела земли и домов афинян. Тех, кто находится в городе, я не изгоню вопреки законам и декретам. Я сам так не сделаю и не позволю так поступать другим. Как судья я не возьму подарки ни сам, ни через третье лицо. Никто не примет их от моего имени. С одинаковым вниманием я выслушаю обвиняемого и обвинителя и буду решать по существу дела. Клянусь в том Зевсом, Аполлоном и Деметрой! Если сдержу клятву — пусть будет мне благо, если же нет — да погибну я сам и мои потомки!»

Эфиальт строил обширные планы, заглядывая далеко вперед. Народное собрание одобрило его реформу, но ма-

ло кто задумывался над ее последствиями. Об этом не раз говорили между собой Эфиальт и Перикл.

— Ты сделал народ господином, Эфиальт. А сможет ли он быть таким, каким следует?

— Я не понимаю тебя, Перикл. Хозяин сам решает, каким ему быть. Я дал демосу полную свободу. Не пойдет же она во вред ему!

— Да, если у него всегда хватит ума, спокойствия и трезвости. А ведь ты наливаешь гражданам неразбавленное вино свободы, которое легко пьянит и выводит из себя.

— Ты боишься народа, Перикл? Или в тебе говорит кровь твоих заносчивых предков?

— Да, мой род знатен и богат, но он никогда не изменял демосу. Даже в изгнании мой отец не принял дружбы аристократов. Но народ, предоставленный самому себе?.. Не знаю, не знаю. Настроения его переменчивы, он обидчив, как ребенок, и слишком заботится о своем желудке.

— А ты хочешь, чтобы он повсюду кричал о славе предков и подвигах героев Марафона и Саламина? Хватит с нас хвалебных песнопений. Пора подумать и о кошельке. Ты мечтаешь, чтобы люди стали добродетельными? Накорми их сначала, позволь им не думать о завтрашнем дне. Процветание Афин — вот что принесет им настоящую славу. Вот что сильнее всего ударит по нашим соперникам.

— Процветание?.. Когда в казне вечно не хватает денег, когда толпы бездельников шатаются по улицам и не желают трудиться только потому, что считают труд постыдным занятием для свободного гражданина? Погляди, сколько людей толчется в городе! Они пришли из окрестных деревень, разоренных войной, и не хотят больше поливать потом свои жалкие надель. Они вечно недовольны, озлоблены, а злость — неважный союзник в делах.

— Я думал об этом, Перикл. Безделье развращает, ты прав. Но ведь мы как будто нашли им занятие. Разве не будут они заседать в судах и выполнять обязанности, достойные истинных афинян?

— Голодные?

— Отчего же? Или народ не властен над казной? Я думаю, каждому, кто получает судейский посох, следует оплачивать его труд.

— И много же ты дашь?

— Хотя бы по два обсла в день.

— Но тогда членам Совета пятисот надо платить, по крайней мере, по драхме?

— Несомненно. Это составит всего тридцать талантов в год. Неужто тебя смущает столь скромная сумма? Разве не хватит нам денег от наших союзников?

— О, разумеется, их взнос во много раз больше. Но союзники не вечны. Значит, опять содержать флот, подавлять заговоры, умирять недовольных!

— Помни, Перикл: Афины спасли Элладу от варваров, и нет такой платы, которая оказалась бы чересчур великой. Да, война близится к концу. И только мы, афиняне, способны достойно завершить ее. Мы защищаем двести государств на суше и на море и вправе требовать покорности от них. Мятежи? Их можно ожидать всегда и всюду, где пощадили аристократов.

— Как странно... Ведь именно Аристид создавал наш морской союз и устанавливал размеры дани. А Кимон наводил порядок на островах, подчиняя их нашей воле.

— Тебе предстоит заниматься тем же, Перикл. И куда существует Спарта, взоры каждого аристократа будут обращаться к ней. Значит, повсюду мы должны охранять демократию, а если надо, свергать правителей и устанавливать свою власть, лишь бы сохранить единое целое.

«Афиняне знают, что если в государствах силу будут иметь богатые и благородные, то в Афинах власть очень недолго будет оставаться в руках народа. Поэтому они лишают благородных гражданской чести, отнимают имущество, изгоняют их из своих владений и убивают, а простых поддерживают. ...В государствах, где происходит смута, афиняне принимают сторону худших. Они это делают сознательно, потому что если бы принимали сторону лучших, то вступались бы не за своих единомышленников; ведь ни в одном государстве лучшие люди не сочувствуют демократии; наоборот, ей сочувствуют в каждом государстве худшие. Конечно, подобный подобному всегда друг».

Так писал около 425 года до н. э. неизвестный автор трактата «Государственное устройство афинян», не скрывавший неприязни к демократическим Афинам. Но и ему уже было ясно, что знать демократических полисов ходом истории неизбежно превращалась в «пятую колонну»,

ожидаю малейших осложнений или беспорядков, чтобы произвести олигархический переворот и принять сторону спартанцев. Так же как демократы, аристократы чувствовали себя единым целым. Патриотические интересы отступали перед классовыми, как сказали бы сегодня. Автор трактата красноречиво признается:

«Если бы афиняне жили на острове, они освободились бы от опасности, что когда-нибудь их государство предаст кучка людей, что когда-нибудь будут открыты ворота и ворвутся враги... Ведь теперь, если бы подняли восстание, то восстали в расчете на врагов, которые могут прийти на помощь по суше».

Во времена демократа Фемистокла и аристократа Кимона общие интересы обеих партий во внешней политике совпадали. Военные успехи должны были не только обезопасить Афины, но и улучшить материальное положение демоса. Но после 20-летних войн число обедневших граждан возросло. И они требовали, чтобы государство — ИХ государство — позаботилось о них. Если демократия предоставила всем свободным равные права, пусть она обеспечит и достойное существование! Эфиальт вовремя понял претензии демоса и попытался их удовлетворить. Но не успел.

Его убили в собственном доме.

Трудно представить более бессмысленное преступление. К чему могло оно привести? К испугу и отказу от дальнейших реформ? Единичное убийство вряд ли устрашило бы народ, едва почувствовавший вкус власти. Что бы обезглавить демократическую партию, следовало еще устранить Перикла и его сторонников. К такому планомерному террору аристократия не была готова. Кровь Эфиальта освятила его политику и вызвала лишь негодование против злоумышленников, покушающихся на вождя демоса.

Быть может, хотели скомпрометировать Перикла? Недаром по городу поползли слухи, будто он сам, завидуя популярности своего единомышленника, столь коварно расправился с ним. Но в эту клевету мало кто верил.

Итак, Перикл остался один. Один во главе партии. Один наедине с соперниками. Человек, боявшийся народа, сделался его руководителем.

«В молодости Перикл очень боялся народа: собою он казался похожим на тирана Писистрата. А так как он

владел богатством, происходил из знатного рода, имел влиятельных друзей, то он опасался ostracism и потому не занимался общественными делами, но в походах был храбр и искал опасностей. Когда же Аристид умер, Фемистокл был в изгнании, а Кимона походы удерживали большей частью вне Эллады, тогда Перикл с жаром принялся за политическую деятельность. Он стал на сторону демократии и бедных, а не на сторону богатых и аристократов — вопреки своим природным наклонностям, совершенно не демократическим. По-видимому, он боялся, как бы его не заподозрили в стремлении к тирании, а кроме того, видел, что Кимон стоит на стороне аристократов и чрезвычайно любим ими. Поэтому он и заручился расположением народа, чтобы обеспечить себе безопасность и приобрести силу для борьбы с Кимоном» (Плутарх).

Расположение народа! Его надо было покупать ежедневно, уступая, заискивая, доказывая свою преданность. Перикл завидовал Аристиду, ни в чем не изменявшему себе и всегда остававшемуся самим собой. Он восхищался Фемистоклом, темперамент и решительность которого покоряли демос, заставляя забывать о нуждах и страхах, казавшихся ничтожными. Но это были великие государственные мужи. А он? Всего лишь начинающий 35-летний политик, хоть и признанный народным вождем (демагогом), но еще не добившийся ни власти, ни славы! Надо спешить. Но торопливость не по душе осторожному Периклу. Он не рвется на ораторскую трибуну, чтобы потрясать воображение фантастическими планами. Он не фамиллярничает с толпой и не веселит ее скабрёзными шутками. Он вовсе не пытается изобразить себя простаком или бесшабашным кутилой, как это делал Кимон, окружавший себя преданными собутыльниками, повсюду трезвонившими о неслыханной доброте и щедрости своего патрона.

Перикл сжимается подобно пружине. Он словно отгораживается от всего постороннего, мелкого, второстепенного. Он посвящает себя служению единственному богу. И бог этот — Афинское государство. Не партия демократов, идущая за ним, не народ, замороженный его речами, а все отечество!

Меняется образ жизни. Отныне Перикла не видят на улицах города беседующим с друзьями. Он знает лишь одну дорогу — на агору и на Пникс. Он отказывается от

пирушек, званых обедов. Его редко видят улыбающимся — он молчалив и сосредоточен. Иногда он появляется на трибуне — не слишком часто, чтобы народ не пресытился им. Он говорит спокойно, уверенно, и в каждой его фразе неумолимая логика и сила. Готовясь к выступлению, он молит богов, чтобы у него против воли не вырвалось ни одного слова, не относящегося к делу. Фукидид называет Перикла «первым гражданином в Афинах, всех превосходившим даром слова и действия».

Перикл не забыл уроков Зенона, обучавшего искусству спора, и Анаксагора, «вдохнувшего в него величественный образ мыслей, возвышавший его над уровнем обыкновенного вождя народа» (Плутарх). «Бог один... Без труда, одной силой своего разума он приводит в движение весь мир», — утверждал Зенон. «Мир возник из хаоса, — проповедовал Анаксагор, — разум организовал его и управляет им». Благодаря Анаксагору «Перикл не только усвоил высокий образ мыслей и возвышенность речи, свободную от плоского фиглярства, но и серьезное выражение лица, недоступное смеху, спокойную походку, скромность в манере носить одежду, ровный голос. Подобные свойства производили на всех удивительно сильное впечатление» (Плутарх). «Высоту мысли и способность творить нечто совершенное во всех отношениях он извлек из учения Анаксагора и присоединил к своим природным дарованиям, заимствуя все полезное для искусства слова» (Платон).

Перикл не говорит пока ничего нового и необычного. Да, он будет продолжать дело своего предшественника. Конечно, нельзя допустить, чтобы аристократы подняли голову. Разумеется, он станет беречь единство Делосского морского союза и не позволит никому выходить из него. Пусть никто не сомневается в его решимости освободить моря от персидских кораблей и навсегда покончить с варварской угрозой.

Хотя непосредственно персы уже давно не угрожали Афинам, Перикл решил продолжать наступательные действия. После смерти Ксеркса в 465 году престол перешел к его сыну Артаксерксу, утвердившемуся у власти после длительной борьбы. Едва он покончил с внутренними смутами, как вспыхнуло восстание в Египте. Ливиец Инар, возглавивший восстание и прогнавший персидские отряды из Нижнего Египта, обратился за помощью к Афинам. И вот уже в 460 году 200 триер движутся от Кипра

к дельте Нила, очищают ее от вражеских кораблей и осаждают крепость Мемфиса.

В растерянности Артаксеркс отправляет посла к спартамцам: пусть он не жалеет денег и уговорит их объединить усилия с персами и нанести удар по их общему врагу. Спартамцы не пожелали стать предателями общеэллинских интересов и с презрением отвергли предложение, которое считали бесчестным.

Пришлось набирать армию в самой Персии. Афинянам и египтянам предстояло сражаться с отборными, численно превосходящими войсками. В конце концов в 456 году они потерпели поражение. Инар был взят в плен и распят, греки же, запертые на небольшом острове, после восьмимесячной осады сдались на милость победителей (весной 454 года).

Афиняне встревожились. За время греко-персидских войн они не знали подобных неудач. Неужели все предшествующие громкие и славные победы сведены на нет? В смятении не только Афины, но и их союзники. Забыто прежнее недовольство, никто не обвиняет Афины в тирании и бесцеремонном обращении с отдельными городами. Все отступает на задний план перед персидской угрозой. Где выход?

Перикл находит его. Он продиктован не страхом, а трезвым расчетом. Принципы не меняются, но политика требует гибкости. Делосский морской союз, детище Аристиды, пережил себя. Сейчас не время спорить о правах и обязанностях. Единственное спасение — полное подчинение союзников воле афинян. Не Делосский, а Афинский союз, Афинская держава — Архэ, полностью распоряжающаяся военными силами и средствами 200 государств!

Прежде всего необходимо перенести союзную казну в Афины. Помнится, когда-то именно это и предлагал остров Самос, и Аристид честно и открыто признал, что это в высшей степени несправедливо, хотя и столь же полезно. Разумеется, никто не сомневается в честности делосцев, никто не оспаривает их традиционных заслуг. Ведь именно там, на Делосе, родились могучие боги. Когда разгневанная Гера запретила Земле предоставлять место Латоне, готовившейся разрешиться от бремени, по просьбе Зевса Посейдон поднял из морских глубин остров (не зря ведь Делос означает «Видимый»), где и появились на свет близнецы Аполлон и Артемида. С тех пор эту зем-

лю заслуженно считают священной. Туда не пускают даже смерть — умирающих жителей переносят на соседний остров. Делосцы многие годы хранят огромные сокровища, но считают излишними стены и укрепления: они верят, что святость места надежно оберегает их.

И все же рисковать нельзя. Только в Афинах, на Акрополе, казна будет в безопасности!

В 454 году Афины становятся полновластным хозяином всех денег, ежегодно поступающих от союзников. Отныне они целиком и бесконтрольно распоряжаются сотнями талантов по собственному усмотрению.

Теперь необходимо срочно решить вторую проблему — добиться единства греческого мира. Отношения со Спартой и Пелопоннесским союзом чреваты войной. Вот уже 10 лет после изгнания Кимона не прекращаются военные столкновения в Элладе.

Началось с пустяков. Между Мегарами и Коринфом, союзниками Спарты, вспыхнул пограничный конфликт. Мегары, не дождавшиеся помощи лакедемонян, вышли из Пелопоннесского союза и искали поддержки у афинян. И те высадили отряд в городе Пеге, в Коринфском заливе. Коринф, в свою очередь, заключил союз с городами побережья Арголиды, к нему примкнула и Эгина, старая соперница Афин. И хотя 200 афинских триер находились в то время в дельте Нила, все же пелопоннесский флот был разбит, и афиняне осадили столицу Эгины.

И тут пришлось вмешаться Спарте. В 457 году 11-тысячная союзная армия двинулась в Среднюю Грецию и подошла к Фивам. Почти столько же выставили Афины, призвав к оружию, кроме собственных граждан, еще аргосцев, фессалийцев и жителей других городов. Правда, от одного помощника они все же отказались. Узнав о предстоящем походе, подал голос опальный Кимон: он просил разрешить ему выступить в отряде вместе с членами его филы, чтобы еще раз доказать, что он друг афинян, а не враг. Перикл, однако, остался неумолим. Тогда Кимон обратился к своим друзьям и сторонникам, которых тоже обвиняли в лаконофильстве, призвав их кровью смыть с себя обвинения и подвигами оправдаться перед согражданами.

Битва произошла в Беотии, околы Танагры. Афиняне стойко выдерживали натиск спартанской пехоты, не имевшей себе равных в открытом бою. Перикл, как пишет Плутарх, «сражался особенно храбро, не щадя жиз-

ни, и отличился перед всеми». Что же касается сподвижников Кимона, то они «тесно сплотились друг с другом, и сто человек их пало в ожесточенном бою, оставив у афинян чувство глубокой скорби и раскаяния в том, что их обвиняли несправедливо».

Исход битвы определила измена фессалийской конницы. Афиняне отступили к границам Аттики.

Но тщетно друзья спартанцев ожидали вторжения пелопоннесцев, надеясь совершить государственный переворот. Победители, понесшие значительные потери, ограничились тем, что заставили города Беотии возобновить союз с Фивами. По мысли спартанцев, этот союз должен был стать преградой на пути афинян, если они вздумают начать наступление на Пелопоннес.

Союз просуществовал недолго. Через 61 день после битвы при Танагре афиняне разгромили беотийцев при Энофитах и подчинили своему влиянию все города, кроме Фив.

На следующий год капитулировала Эгина, которую Перикл называл «гноем на глазах Афин». Ей пришлось дорого расплачиваться за свое упорство: она обязывалась передать военный флот, срыть стены и, став членом морского союза, уплачивать ежегодно 30 талантов — больше, чем кто-либо из остальных союзников. Особенно воинственно настроенные афиняне требовали еще более сурового возмездия. В Народном собрании раздавались голоса: пусть каждому жителю Эгины отрубят большой палец правой руки — и тогда они не смогут держать копье, зато сумеют справиться с веслами. Периклу претила подобная жестокость, и он утихомирил страсти.

Не давая спартанцам опомниться, Перикл немедленно организовал еще две экспедиции, чтобы убедить всех греков в возросшей мощи афинян. Под начальством Толмида он отправил флот к самой Лаконии. Разрушив спартанский арсенал, Толмид, правда, не сумел закрепиться на берегу, и отплыл в Этолию, где покорил Халкиду и Навпакт.

В 454 году сам Перикл во главе 100 триер двинулся из Пеге в Мегариде вокруг Пелопоннеса. «Он опустошил не только большую часть побережья, но и проникал с гошлитами, находившимися во флоте, в глубь страны далеко от моря. Всех приводил он в страх своим нашествием и заставлял укрываться под защиту стен. Сикионцев он обратил в бегство в открытом бою... энидцев запер в

их городе, разорил их область и отплыл на родину, показав себя врагам — грозным, согражданам — осторожным и энергичным полководцем: действительно, с его отрядом не произошло ни одного даже случайного несчастья» (Плутарх).

И все же это была лишь демонстрация. Фейерверк ослепительных удач, заставивших забыть о Танагре, связывали теперь прежде всего с именем Перикла. Среди афинян и их союзников росла его популярность энергичного полководца и смелого воина, и мало кто видел в нем умного политика. В нем ценили смелость, а не проныцательность, решительность, а не осторожность. И демос постоянно требовал подтверждения тех достоинств, которые он ему приписывал.

Сам же Перикл считал себя прежде всего политиком. Он не разрушал созданного вокруг него мифа, но глядел дальше других. Он движется к вершине власти, и народ его союзник. Что ж, он выполняет пока его желания. Пока... Придет время, и он будет направлять волю демоса, сдерживать его порывы. Он станет говорить от имени народа, вносить предложения и убеждать Народное собрание, что именно оно является их автором.

Он обязан быть дальновидным. Толпы афинян шумят на улицах, как дети, радуясь пустяковым победам. Простаки! Они не понимают, что все еще впереди. Спартанцы ждут своего часа, и столкновение с ними неизбежно. Выстоят ли Афины? Да, Фемистокл отстроил стены, защищающие город, а Кимон укрепил Акрополь. Но жители Аттики обречены на гибель, если вторгнутся враги. А Пирей? Лишившись этого порта, Афины окажутся изолированными от союзников, они не смогут даже прокормить себя.

Но если это ясно ему, то, наверное, точно так же рассуждают и лакедемоняне. Значит, надо готовиться к худшему и выбирать самое надежное.

Перикл предлагает начать строительство. Он просит у Народного собрания средства на сооружение, равного которому не знает греческий мир. Нужно слить воедино город и порт, а для этого соединить их коридором, надежно укрывшимся за стенами.

В течение пяти лет афиняне возводят Длинные стены, протянувшиеся на 40 стадиев (около 7 километров). Теперь в случае осады городу гарантирована бесперебойная связь с морем, а жителям деревень — убежище от

неприятеля. Пирей превращается в гавань союзного флота. Здесь собирается нередко до 400 кораблей. Узкий вход в порт запирается железными цепями или просмоленными канатами. На двух искусственных молах построены две квадратные башни для сторожевых постов афинского гарнизона.

Пирей располагал тремя гаванями. Зея и Мунийский предоставлялись военным кораблям, Канфар был открыт для торговых судов. В гаванях находились верфи, доки, склады вооружения, снастей, корабельного леса, железа. Перед входом в Зею на площади собирался обычно экипаж флота. Доки Зеи вмещали 196 триер, каждую из которых обслуживали 50 моряков и 170 гребцов. В доках смоилились, конопатились и просушивались корабли, хранились деревянные части.

Десятки зданий, дороги, арсенал — все это огромное хозяйство требовало постоянного надзора. Коллегия 10 наблюдателей (эпимелетов) подчинялась непосредственно стратегам, а перед экклесией отвечал за обороноспособность страны и состояние военных гаваней Совет пяти.

На постройки в Пирее в общей сложности Афины израсходовали устрашающую сумму — 6 тысяч талантов. Через сотню лет Демосфен, восхваляя предков, перечислит постройки, составляющие гордость и славу Афин: «Они оставили нам память в красоте сооружений — Пропилеи, Парфенон, портики, корабельные доки».

В 456 году Перикл мог чувствовать себя удовлетворенным: каменщики завершили сооружение Длинных стен. Отныне Афинам была обеспечена безопасность.

Тогда-то и пришло известие о египетской катастрофе.

Спартанцы, несомненно, приободряются. Надо внушить им, что, несмотря на тяжелую неудачу, афиняне по-прежнему уверены в своих силах. И Перикл предпринял демонстративный поход вокруг Пелопоннеса. Убедил ли он в чем-нибудь лакедемонян? Этого он не знал, но в одном не сомневался: воевать со Спартой сейчас, когда вновь угрожают персы, безумие. Стало быть, любой ценой надо добиться перемирия. Но кто способен вести переговоры? Кого станут слушать недоверчивые спартанцы?

Решение пришло внезапно и оказалось единственно верным и наиболее естественным. Конечно же, Кимон, человек незапятнанной, в глазах спартанцев, репутации, бесхитростный и неподкупный, сможет примирить враж-

дующие стороны так, чтобы никто не чувствовал себя обиженным и ущемленным.

В 451 году Кимон возвратился из изгнания и Перикл сразу же поручил ему приступить к переговорам. Без труда добился Кимон пятилетнего перемирия, ибо, по словам Плутарха, «спартанцы относились к Кимону настолько же дружелюбно, насколько были враждебны к Периклу и другим вождям народа». Соперники афинян демонстрировали свое великодушие. Они хотели состязаться в честной борьбе. Перемирие — не мир, а лишь отсрочка войны. Их, спартанцев, вовсе не устраивает сложившееся положение, но они дают афинянам возможность избавиться от персидской угрозы, а уж потом...

Перикл использовал передышку. Он вновь направил флот к Кипру, не побоявшись доверить командование Кимону. Политический соперник, стоящий во главе флота! Не слишком ли опрометчивый шаг сделал вождь демократов? Неужели он не понимал, что в новых боях непобедимый полководец лишь приумножит свою славу и возвратится в Афины как человек, которому отечество вновь — в который уже раз! — обязано спасением? Или расчетливый Перикл, не желая искушать судьбу, под благовидным предлогом попросту удалил из города того, кто в любой момент мог занять его место? А может быть, трезво оценивая собственные военные таланты, Перикл считал более целесообразным, чтобы талантливый, опытный и бесстрашный Кимон, в патриотизме которого он в глубине души никогда не сомневался, руководил военными операциями за пределами Аттики; он же, Перикл, будет, как и раньше, нести тяжкое бремя забот в самих Афинах, забыв на время о партийных распрах?

С 200 триерами Кимон поспешил к Кипру. Отправив 60 кораблей на помощь египтянам, продолжавшим бороться с персами, он выиграл несколько сражений у Кипра и осадил город Китий. Наведя страх на жителей острова, Кимон уже готовился праздновать очередную победу.

Он не дождался своего триумфа. Болезнь свалила его со стен Кития, и в 449 году он скончался. По его последнему приказу в течение 30 дней войскам не сообщали о смерти их военачальника. Разгромив персов и их союзников — финикийцев и киликийцев — на суше и на море, они были уверены в том, что ими по-прежнему руководит не знающий поражений Кимон.

Останки полководца перевезли в Афины, но лучшим

памятником ему современники считали эту последнюю победу, завершившую 50-летний период греко-персидских войн. Так называемый «Каллиев мир», заключенный в 449 году, позднее нередко называли Кимоновым. В Сузах, столице державы Ахеменидов, союзное греческое посольство договорилось о том, что Персия сохраняет за собой Кипр, но отказывается от малоазийских владений и предоставляет греческим полисам полную независимость. Кроме того, персидскому флоту запрещалось появляться в Эгейском море в течение 50 лет.

Долгожданный мир, казалось, сулил спокойствие. В действительности же он готовил новые потрясения. С уничтожением внешней угрозы исчезла последняя преграда, препятствовавшая внутренним междоусобицам в Элладе. Две державы противостояли друг другу, столь разные по духу и столь близкие по целям и стремлениям. В сложных отношениях между Афинским и Пелопоннесским союзами переплетались экономические, политические и военные интересы. Безжалостная логика событий вела к неизбежному столкновению. Однажды вступив на путь, предложенный Фемистоклом, Афины не могли уже вернуться к прошлому, когда они мало чем выделялись среди прочих полисов. Возглавив морской союз, они обязаны были укреплять свое влияние на подвластных территориях. Экономика требовала новых рынков, политика — установления демократических режимов, а безопасность — применения силы. Волей судьбы самое демократическое государство древности, сделавшее своим лозунгом свободу и равноправие граждан, могло существовать только с помощью насилия.

Границы между сферами влияния Спарты и Афин были чересчур зыбкими, чтобы сохранялось постоянное равновесие. Ревниво следя за каждым шагом соперника, державы использовали малейшую возможность, чтобы обеспечить превосходство в том или ином уголке греческого мира. И ни один, даже самый признанный и авторитетный вождь не мог приостановить и сдержать агрессивные устремления государств, претендовавших на роль гегемона в Элладе.

К тому же олигархия и аристократия, сплотившаяся вокруг Спарты, с растущей тревогой наблюдала за укреплением демократии, пример которой оказался слишком уж заразительным для многих полисов.

Когда-то Кимон предостерегал, что в случае гибели

Спарты Эллада станет хромой и Афины потеряют напарника в единой упряжке.

Упряжки больше не существовало. Греки готовились к войне против греков.

Стычки начались, едва истек срок зыбкого пятилетнего перемирия.

Вызов бросили Фивы — единственная твердыня олигархов среди демократических беотийских городов. Под знамена фиванцев потянулись изгнанники-аристократы, мечтавшие о восстановлении прежних порядков. В 447 году они захватили Херонею и Орхомен.

В афинском Народном собрании горячие головы призывали немедленно расправиться с непокорными. Ссылались на то, что беотийцы, не получив поддержки Афин, выйдут из союза и станут добычей Спарты, которая, правда, открыто не вмешивается в события, но тайно готовит разговоры и мятежи.

Перикл выступил перед народом. Он предлагал не спешить, не раздувать конфликт в столь неподходящий момент. «Как стратег, Перикл славился больше всего своей осторожностью: он добровольно не вступал в сражение, если оно было опасно, а исход его сомнителен. Тем военачальникам, которые рискованным путем добивались блестящего успеха и возбуждали всеобщий восторг, он не подражал и не ставил себе в образец» (Плутарх).

Перикл предпочитал действовать наверняка. Он убеждал демос не ввязываться в сомнительные предприятия и испробовать другие средства, чтоб сохранить Беотию. Но стратег Толмид, упоенный славой, рвался в бой. И тысяча добровольцев-гоплитов готова была немедленно двинуться в поход, уверенная в легкой победе.

Народное собрание колебалось. Его не убедил и последний аргумент Перикла:

«Ты не хочешь послушаться Перикла, Толмид? Пусть так! Но ты, по крайней мере, не ошибешься, если доверишься и подождешь самого умного советника — время».

Скоро это изречение стало крылатым, еще больше укрепив авторитет Перикла как разумного руководителя народа. Толмид же успел его оценить лишь перед своей гибелью. Его отряд был разгромлен, и афинянам пришлось покинуть Беотию. Повсюду олигархи возвращались к власти и заключали союз с Фивами.

Вслед за этим восстала Евбея — остров, из которого, по словам Фукидида, афиняне «извлекали больше выгоды,

чем из самой Аттики». Отпадение Евбеи не только создавало непосредственную опасность для Афин, но грозило вызвать цепную реакцию: многие государства Афинского союза не скрывали того, что положение зависимых союзников их тяготит.

Перикл понял, что медлить нельзя. Он возглавил карательную экспедицию против Евбеи. Едва он появился на острове, гонцы принесли еще более тревожное известие: подняли мятеж Мегары, уничтожившие афинский гарнизон, а спартанские войска под командованием царя Плистонакта подошли к границам Аттики.

Значит, война? И все его попытки отсрочить ее оканчивались тщетными? Перикл спешит в Аттику. Едва появившись в Афинах, он узнает, что неприятель уже занял Элевсин. Времени для размышлений нет, и он тут же выступает в поход. О походе, собственно, говорить не приходится — его армия еле успевает занять высоты, отделяющие афинскую равнину от элевсинской. Спартанцы врываются в бой, афиняне готовы с честью умереть у стен родного города. Но мертвые — всего лишь мертвые, даже если они пали героями. Перикл думает о спасении государства. Ради этого можно забыть о чести. Вероятно, Аристид осудил бы его, но... на войне, как на войне.

Плистонакт еще молод. Он во всем послушен Клеандриду, военачальнику, которого спартанское правительство назначило советником и помощником царя. А Клеандрид столь же опытен, сколь и корыстолюбив. Сумма в 10 талантов его вполне удовлетворяет. И Перикл без труда договаривается с ним втайне от всех. Пелопоннесские войска неожиданно уходят из Аттики. Когда они возвращаются на родину, возмущенные спартанцы приговаривают бежавшего Клеандрида к смертной казни, а на Плистонакта налагают огромный штраф, который он не в силах уплатить и потому вынужден покинуть Спарту.

Афины спасены. Но какой ценой? По городу ползет зловещий слух о недостойной сделке, которой запятнал себя вождь демоса. Враги Перикла поднимают голову. Когда он отчитывается перед Народным собранием в своей деятельности, ему кричат:

«Пусть скажет, на что ушли десять талантов, о которых он умалчивает!»

Перикл готов к такому выпад. Он медленно оглядывает присутствующих и непреклонно отрубает:

«На нужное дело».

Никто не решается больше задавать вопросы, и демос узаконивает эту таинственную статью расходов, не сомневаясь в бескорыстии руководителя государства.

Народ больше обеспокоен другим: Евбея, богатая, плодородная страна, остается непокоренной и готова перейти на сторону Спарты. Усмирить мятежников — вот о чем следует думать в первую очередь, а не сводить счеты с собственными гражданами!

С 5 тысячами гоплитов Перикл приводит евбейцев к повиновению. Все население Гестиеи он изгоняет из города и поселяет там афинских жителей. Это единственный случай суровой расправы при Перикле: ведь гестиейцы, захватив корабль афинян, не пощадили ни одного человека, находившегося на нем.

Из Халкиды Перикл удалил всех владельцев крупных поместий и, восстановив демократию, заключил, как и с прочими городами, союзный договор.

«Совет и народ решили...

По следующим пунктам пусть принесут присягу Совет и судьи афинян:

«Я не изгоню халкидян из Халкиды и не разорю их город, и честного человека *без суда и постановления народа афинского* не могу лишить гражданских прав, не накажу изгнанием, не арестую, не убью, не отниму ни у кого денег, не поставлю без предуведомления на обсуждение приговор как против общины, так и против какого-либо частного лица. Это я буду соблюдать по отношению к халкидянам, *если они будут повиноваться народу афинскому*».

По следующим пунктам пусть принесут присягу халкидяне: «Я не изменю народу афинскому ни хитростями, ни какими-нибудь происками, ни словом, ни делом и не послушаюсь того, кто задумает изменить. И если кто-нибудь изменит, я сообщу афинянам. И подать я буду вносить афинянам такую, какую выхлопочу от них. И союзником я буду, насколько могу, лучшим и добросовестным. И народу афинскому стану помогать и содействовать, если кто-нибудь нанесет ему обиду, и буду повиноваться ему».

Пусть принесут присягу все совершеннолетние халкидяне. Если же кто не даст присяги, да будет тот лишен гражданской чести, имущество его конфисковано и деся-

тая часть его делается собственностью Зевса Олимпийского.

О наказаниях пусть халкидяне в Халкиде решают по собственному усмотрению, как афиняне в Афинах, за исключением изгнания, смертной казни и лишения гражданской чести. По этим делам пусть им дается право апелляции в Афины, в гелиею.

Об охране же Евбеи пусть заботятся стратеги как можно тщательней, чтобы было как можно лучше для афинян».

Триумфальное возвращение Перикла вселило новые надежды. В Народном собрании опять раздался голоса, требующие покорения беотийских городов. Но теперь Перикл был непреклонен и категорически настаивал на прекращении военных действий. Всю жизнь он учился владеть собой и собственным настроением. На пороге 50-летия, достигнув вершины власти, он считал себя вправе смирять страсти целого народа.

«Перикл, сильный уважением и умом, бесспорно неподкупнейший из граждан, свободно сдерживал народную толпу, и не столько она руководила им, сколько он ею. Благодаря тому, что Перикл приобрел влияние не какими-нибудь неблагоприятными средствами, он никогда не льстил массе и мог нередко с гневом возражать ей, опираясь на всеобщее уважение. Так, Перикл всякий раз, когда замечал в афинянах заносчивость и, как следствие ее, несвоевременную отвагу, смирал их до робости. Наоборот, когда видел в них необоснованный страх, он возбуждал в них мужество» (Ф у к и д и д).

Демос настроен воинственно. Для обедневших афинян война становится прибыльным ремеслом. Немало и таких, кто не прочь покинуть пределы отечества и поселиться на завоеванных землях. Ремесленники, владельцы мастерских, торговцы и купцы мечтают о новых рынках. Голосов земледельцев почти не слышно. Да и кого убедят трусливые возражения неграмотных простаков, чьи мысли столь же ограничены, как и их наделы!

Правда, о мире болтают аристократы, суля Афинам неисчислимые беды, если произойдет столкновение со Спартой. Значит, тем более: раз враги государства опасаются военных действий, надо начинать их как можно скорее.

Вождь демоса ставит на карту свою репутацию — он признает правоту соперников и настаивает на перегово-

ворах. Бесстрастно он опрокидывает один аргумент за другим и доказывает, что любая агрессия сейчас равносильна самоубийству.

В 445 году державы заключают 30-летний мир. Спартанцы признают Афинский морской союз, а афиняне отказываются от всех владений в Пелопоннесе. Обе стороны обязуются не вмешиваться в дела друг друга.

Но Перикл не удовлетворился этим. В мыслях он видел Афины центром всей Эллады, объединителем и наставником всего греческого мира. Народное собрание с удивлением услышало:

«Я предлагаю всем эллинам, где бы они ни жили, в Европе или Азии, в малых городах и больших, послать на общий съезд в Афины уполномоченных, чтобы они приняли решение о греческих храмах, сожженных варварами, о жертвах, которые следует принести за спасение Эллады по обету, данному богам, о безопасном для всех плавании по морю и о мире».

20 послов разъехались по греческим городам. Вернулись они ни с чем. Спартанцы и их союзники уловили политический смысл плана Перикла, справедливо полагая, что Афины претендуют на роль не только политического, но и религиозного центра всей Эллады и хотя бы превратить свой морской союз в общегреческий.

Неудача не обескуражила Перикла. Он сделает все для того, чтобы за Афинами утвердилась слава первого города Греции. Они затмят остальные полисы не только своей мощью и богатством, но и красотой. Они станут «Элладой в Элладе». Разве не говорят уже сейчас, что «тот, кто не видел Афины, — чурбан, кто видел их и не восторгался — осел, а если добровольно покинул их, — верблюд»?

Мир можно покорить не только оружием. Он превратит Афины в единственный, неповторимый город, достойный поклонения и подражания. Он не забыл печальных строк из поэмы Гесиода «Труды и дни», где рассказывалось о том, как сменялись века на Земле. Первые люди жили беззаботно, не зная трудов, болезней и старости. Они проводили время в пиррах и развлечениях, довольные собой и богами, и ничто не нарушало мира и согласия между ними. Умирали же они спокойно, незаметно, словно отходя ко сну. Таким был золотой век.

На смену ему пришел серебряный. Второе поколение уступало первому и духом, и телом. По-прежнему люди

жили долго: до 100 лет они считались неразумными и росли под надзором матерей. Возмужав, они покидали отчий дом, забыв наставления родителей. Разгневанный Зевс уничтожил их род за то, что они не приносили жертв и не повиновались бессмертным богам.

Из древка копыя создал владыка Олимпа грозных людей медного века. Он наделил их огромной силой и научил воевать. Оружие их было выковано из меди, они строили медные дома и работали медными орудиями. Война стала их основным занятием, и они истребили друг друга.

Их сменили герои — смертные, в чьих жилах текла божественная кровь. Эти могучие и смелые полубоги отличались благородством и справедливостью и недолго прожили на Земле. Одни погибли в десятилетней войне под стенами Трои, другие в сражении у семивратных Фив, третьих погубили коварство и зависть соперников.

Наступил последний, железный век — век безысходных страданий.

Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться.
Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя.
И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им...
Правду заменит кулак. Городам суждено разграбление.
И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвохранитель,
Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею
Станет почет воздаваться. Где сила, там будет и право.
Стыд пропадет. Человеку хорошему люди худые
Лживыми станут вредить показаньями, ложно клянясь...
К вечным богам вознесутся тогда, отлетевши от смертных,
Совесть и стыд. Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды
Людам останутся в жизни. От зла избавленья не будет.

Пересказал ли Гесиод старинный миф или сам придумал его, — этого Перикл не знал. В одном он не сомневался: свободные граждане Афин достойны лучшей участи. И он добьется того, чтобы возродить золотой век для афинян. Он обеспечит им мир, спокойствие и порядок, избавит от страха, зависти и междоусобиц. Он превратит свою родину в самую свободную и процветающую страну Эллады. У него есть все: авторитет, власть, богатство. Ему нужно лишь время. Сколько подарят ему боги?

В 444 году Перикла избирают стратегом. Фактически он становится единоличным правителем Афин. Ему осталось жить 15 лет.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИН

Перикл завершает сооружение, начало которому положил Солон, а продолжали Клисфен, Фемистокл и Эфиальт. С юных лет он питал пристрастие к строгости и законченности. Теперь, разобравшись в лабиринте законов и установлений, он разрабатывает стройную систему управления обществом и государством.

Вождь демоса, он хочет руководить от имени всего народа и подняться над узкими партийными интересами. Он ищет ту золотую середину, которая позволит ему удовлетворить все слои свободных граждан.

Чтобы покончить с внутренними неурядицами, проще всего расправиться с противниками демократии —

так, как это делается в союзных городах. Но Периклу не по душе столь решительные меры, таящие немало опасных последствий. Ведь даже врачи, и знаменитый Гиппократ в том числе, советуют прибегать к операциям лишь тогда, когда остальные средства исчерпаны. Среди аристократов немало талантливых, умных и честных людей. В их домах собираются философы, поэты, художники. На их деньги устраиваются пышные праздники, строятся корабли.

Они не согласны с его политикой и нападают на него в Народном собрании? Но ведь это их право — право и обязанность всякого свободного гражданина, которого волнует судьба отечества. Демократия означает равноправие для всех. Для всех, а не для избранных, даже если эти избранные составляют большинство! Ему известно: у него есть и завистники, и враги. Они высмеивают его в стихах, издеваются над внешностью, распускают грязные слухи о его семье. Совсем недавно какой-то незнакомец целый день поносил его, пока он занимался своими делами на агоре. Даже вечером, когда Перикл отправился домой, тот продолжал осыпать его оскорблениями. Перикл сдержался и, подойдя к дому, велел рабу взять светильник и проводить грубияна до его собственного жилища.

Одни восторгаются великодушием Перикла, другие — его терпеливостью. А он всего лишь рассудителен. Отвечать хулителям и клеветникам бессмысленно. Брань его не трогает, а народ не поверит сплетням. Но когда нападают на его предложения, он молчать не должен. Трибуна становится ареной, где он дает бой соперникам и критикам. Заткнуть им рот значило бы признать себя единственным носителем истины, то есть божеством. Но демос доверил ему власть не для того, чтобы он уподоблял себя тирану, для которого всякий, кто сомневается и спорит, — враг. Не для того Афины сражались с варварами, чтобы перенимать их обычаи. И он хочет управлять свободными людьми, а не толпой рабов, во всем послушных господину.

Перикл и в самом деле мало обращал внимания на нападки врагов. Уверенный в себе, он спокойно выслушивал брань и насмешки и отвечал на них только тогда, когда они касались не его личности, а государственных дел. А в искусстве красноречия ему не было равных. Комический поэт Евполид писал:

Вот мастер говорить был, как никто:
Бывало, выйдет речь сказать народу,
И, будто в беге славные бойцы,
Он, десять дав шагов вперед, любого
Побьет оратора. Ты называешь
Его проворным. Но при том проворстве
Какой-то дух в устах был убежденья —
Так обвораживал он словом тех, кто слушал,
Как жало, речь в сердца впивалась всем.

Перикла называли «Олимпийцем» за то, что на языке у него молнии, которыми он разил подобно Зевсу Громовержцу.

Но политика требовала еще находчивости и изобретательности. Вождя аристократов Фукидида, сына Мелесия, спросили однажды, кто искусней в борьбе: он или Перикл. Фукидид ответил:

— Если даже я его поборю и положу на обе лопатки, он и тогда станет доказывать, что стоит на ногах. В этом споре он победит меня и убедит в собственной правоте всех зрителей.

Страх перед народом исчез. Не было больше нужды заигрывать с демосом, уступая его желаниям. И незачем было скрывать свои замыслы. Ибо в политике за тайной обычно скрывается ложь или бесчестье. Перикл отвечал за каждое обещание, данное народу, и отчитывался в каждой истраченной драхме. Он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы быть честным. Он вступил в открытый бой и тогда, когда соперники перешли от слов к делу.

Враждебная партия обвиняла его в том, что он разоряет казну, расходуя деньги на пышные сооружения. Мало того, что Перикл лишает граждан доходов, он еще позорит Афины в глазах остальных эллинов.

— О нас идет дурная слава из-за того, что Перикл перенес с Делоса союзную казну. Раньше у нас был хоть благовидный предлог: мы укрыли ее в безопасном месте из страха перед варварами. Но и это оправдание Перикл отнял у народа. Эллины понимают теперь, что терпят страшное насилие — ведь они видят, что на деньги, предназначенные для войны, которые они вносят по принуждению, мы золотим и наряжаем город, будто женщину-щеголиху, обвешивая его дорогим мрамором, статуями богов и храмами, стоящими тысячи талантов.

Перикл отвечает хладнокровно, почти с циничной откровенностью:

— Афиняне не обязаны отдавать союзникам отчет в деньгах, потому что они защищают их и сдерживают варваров. Союзники же не поставляют ничего — ни коня, ни корабля, ни гошлита, они только вносят деньги, а деньги принадлежат не тому, кто их дает, а тому, кто получает, если он выполняет то, за что ему платят. Но если государство в достаточной мере снабжено предметами, нужными для войны, его богатство следует тратить на такие работы, которые после окончания принесут государству вечную славу, а во время их выполнения послужат источником благосостояния, так как дадут занятие всем рукам и доставят заработок чуть ли не всему государству, которое сможет само себя содержать и украшать.

Аристократическая группировка не сложила оружия. Тогда-то она и выдвинула нового вождя — Фукидида, сына Мелесия, родственника Кимона. По словам Плутарха, «ведя борьбу с Периклом на трибуне, он скоро восстановил равновесие между приверженцами различных партий. Он не позволил знатым рассеиваться и смешиваться с народом, как прежде, когда блеск их значения затмевался толпою. Он отделил их, собрал в одно место, и их общая сила приобрела немалый вес... Соперничество между мужами создало в государстве глубочайшую пропасть. То, что находилось по одну сторону, получило название демократии, по другую — олигархии».

Фукидид клеймит Перикла на каждом шагу. Он говорит о том, что Перикл правит, не считаясь с волей народа, что он громкими словами прикрывает тщеславие, что он, наконец, стремится поставить себя над демосом и стать тираном.

Вызов брошен. Обвинение сформулировано. Народное собрание решает провести суд черепков.

Остракизм!

Эллины расценивали его как средство предохранить демократию от тирании. «Закон об остракизме... был установлен ввиду подозрения к людям, пользующимся влиянием, так как Писистрат из демагога и полководца сделался тираном» (Аристотель).

Родившаяся при Клизфене демократия еще не верила в себя. Она наивно полагала, что всякий выдающийся деятель опасен уже потому, что наделен достоинствами, которых лишены другие. А раз так — он неминуемо возвысится над толпой, и тогда... Разве человек, богатый

и влиятельный, способен удержаться от искушения и не воспользуется своей славой, чтобы добиться власти?

О природе ostracism размышлял Аристотель в своей «Политике»:

«Ostracism преследует до известной степени то же самое, что и власть тирана — именно: посредством изгнания выдающихся людей подрывать в корне их значение... Ostracism вводили, чтобы исключить из общества таких людей. Из стремления, очевидно, к установлению всеобщего равенства изгоняли из государства на определенный срок тех, кто, как оказывалось, выделялся своей мощью, связанной с богатством, популярностью или какой-нибудь иной силой, имеющей значение в государстве. По преданию, именно поэтому аргонавты не взяли с собой Геракла, слишком сильно выделявшегося среди всех остальных...»

Ostracism применим ко всем формам государственного строя. Правда, там, где есть отклонения от нормальных форм, он может служить личным интересам; однако он существует и в государствах, заботящихся о всеобщем благе. Это можно пояснить примером из области искусства.

Разве портретист допустит, чтобы на его картине нога человека была изображена с нарушением симметрии, даже если эта нога очень красива сама по себе?.. Разве позволит хормейстер участвовать в хоре тому, кто поет громче и лучше других солистов?..

Поэтому, когда речь идет о безусловном превосходстве выдающихся граждан, идея ostracism находит оправдание именно с точки зрения интересов государства. Конечно, лучше, если с самого начала государственный строй будет таким, что не будет нужды прибегать к подобному врачеванию... Иначе, однако, обстоит дело в греческих государствах: прибегая к ostracism, они имели в виду не всеобщие интересы, а партийные цели».

Плутарх высказывался еще более резко и категорично:

«Ostracism подвергали не бедняков, а лишь представителей богатых домов, вызывавших зависть... Ему подвергались все, кто выделялся среди массы либо популярностью, либо происхождением, либо красноречием. Так, ostracism наказали учителя Перикла Дамона, так как считали его слишком выдающимся в смысле ума».

Ostracism вовсе не являлся монополией Афин, и ни-

как нельзя с уверенностью приписывать его изобретение Клисфену. Изгнание граждан, которые не совершали преступлений, не нарушали закона, но подозревались в том, что они способны посягнуть на демократические порядки, практиковалось в разных полисах. Неокрепшая, едва вставшая на ноги демократия одинаково опасалась и «худших», и «лучших» граждан. Провозгласив идею равноправия, она истово верила, что лучшая гарантия его — всеобщая нивелировка. Откровеннее всего это выразили жители Эфеса, изгнавшие некоего Гермодора, которого Гераклит (сам родом из Эфеса) назвал «самым лучшим, полезнейшим гражданином». Эфесцы наказали его именно за это, простодушно объявив: «Да не будет никто из нас наилучшим, а если такой найдется — пусть живет в ином месте и среди других людей».

Потому-то к жертвам ostracism относились с уважением, и их изгнание расценивалось как почетная высылка, как наказание, которое нужно заслужить. «Ostracism не был наказанием за какой-нибудь низкий поступок. Благопристойности ради он назывался «усмирением и обузданием гордыни» и чрезмерного могущества, но по сути дела оказывался средством утихомирить ненависть, и средством довольно милосердным: чувство недоброжелательства находило себе выход не в чем-нибудь неоправданным, но лишь в 10-летнем изгнании того, кто это чувство вызвал. Когда же действию этой меры начали подвергаться люди безвестные и порочные, ostracism перестал применяться» (П л у т а р х).

Последний раз к суду черепков прибегли в 417 году до н. э., когда из Афин изгнали вождя радикальной демократии торговца лампами Гипербола, человека низкого происхождения, демагога и интригана. Его покарали, по мнению Фукидида, современника событий, «не из страха перед его могуществом и влиянием, а за порочность и за то, что он опозорил государство».

«Народ сначала весело смеялся, но затем вознегодовал, находя оскорбительным злоупотреблением применять такую меру к человеку бесчестному: ведь и наказанию присуща своего рода честь. Считали, что для Фукидида [соперника Перикла], Аристида и подобных им лиц ostracism — наказание, для Гипербола же — почесть и лишний повод к хвастовству, поскольку негодяй испытал ту же участь, что и самые достойные. У комического поэта Платона где-то так и сказано про него:

Хоть кару он свою и принял поделом,
Ее с клеймом его никак не совместить.
Не для таких, как он, был создан ostracism.

С тех пор вообще никого не подвергали ostracismу» (Плутарх).

Конфликт между личностью и обществом превратился в поединок между политическими деятелями, каждый из которых пытался устранить соперника силами того же общества. Парадокс заключался в том, что, низвергая одного, демос неизбежно возвышал другого. Изгнание Алкмеонидов открыло путь к власти Аристиду. Поражение Аристида сделало всемогущим Фемистокла. Падение Фемистокла укрепило позиции Кимона. Победив Кимона, во главе демоса стал Эфиальт.

И вот теперь Перикл против Фукидида.

Традиционные взаимные обвинения в узурпаторских стремлениях, в которые, правда, уже мало кто верит. Формально решается вопрос: кто — кого? На деле же афиняне должны определить свою судьбу на много лет вперед. Фукидид — последний козырь аристократов. Они отлично понимают: сейчас или никогда! Победит Перикл — и его авторитет станет незыблем, а главное — демос окончательно перестанет считаться с теми, кого именуют «лучшими» гражданами. Еще совсем недавно «лучшие» пользовались всеобщим уважением. Теперь же над ними насмеются эти колбасники, оружейники, пахари, виноградари, радующиеся любой возможности показать, что и они чего-то стоят.

Единомышленники Фукидида вербуют все новых и новых сторонников. Они собираются в частных домах, до хрипоты спорят на агоре, убеждают, грозят. Ораторы сменяют друг друга на трибуне и клянутся в верности демократии. Только во имя народа и безопасности государства следует избавиться от Перикла, который ведет страну к гибели.

— Граждане афиняне! Подумайте, что грозит вам, если вы безропотно подчинитесь этому человеку. Вы приняли немало новых законов, отменив прежние, завещанные предками. Не все из них хороши, но что сделано, то сделано! Периклу же этого мало. Раз начав, он уже не может остановиться. Ему, видно, не дает покоя слава великих законодателей, и он предлагает вам проекты, столь же нелепые, сколь и опасные. Он говорит: народ решает все. Кто же спорит, конечно же, вы, и только вы, сво-

бодные и равноправные, избираете магистратов, принимаете постановления, осуждаете преступников и защищаете стены родного города. Каждый подчиняется вам, вы же все вместе неподвластны никому.

Но разве справедливо, чтобы вами руководили люди, не способные управлять? Разве не ясно, что человек образованный и обеспеченный заслуживает большего доверия, чем малограмотный бедняк, который всегда будет думать о собственной выгоде, а не о нуждах нашего государства. Перикл обманул вас: он дал всем одинаковые права, но не сделал всех равными. Да это и невозможно — разве только если вы отнимете у каждого его имущество, дома, землю, богатства, а потом разделите поровну между всеми. Неужели кто-нибудь осмелится назвать такую меру справедливой и законной?

А раз так, то не лучше ли довериться тем, кто способен здраво судить о государственных делах и не использует власть для удовлетворения корыстных целей, тем, кто больше думает о справедливости и чести, а не о том, как раздобыть лишнюю драхму или повысить цену продать свой товар.

Перикл вам льстит, называя хозяевами полиса. На самом деле только он придумывает законы, только его планы проводятся в жизнь. Приглядитесь к нему, о афиняне, и вы поймете, что человек, громче всех прославляющий демократию, пытается лишить вас истинной свободы и подчинить собственной воле.

Перикл тоже готовится к решающей схватке. Он не скрывает своих замыслов. Да, он будет проводить прежнюю политику, он превратит Афины в великий город, которому будет завидовать весь мир. И он продолжит дело, начатое Клисфеном. Чтобы научиться управлять, надо... управлять. Ошибки? Но их совершают даже боги. А истина всегда находит дорогу. Он верит в демос и верит в себя. Он готов к суду черепков.

Перикл знает, чем он рискует. Он мог бы убедить демос не прибегать к ostracismу, а затем, выждав, ослабить влияние Фукидида и укрепить собственную власть. Но он идет в бой с открытым забралом. И побеждает. В 443 году лидер аристократической партии уходит в изгнание.

Отныне Периклу никто не угрожает. В течение 14 лет его ежегодно избирают стратегом, провозглашают первым гражданином государства. «Перикл сосредоточил в себе

и сами Афины, и все дела, зависевшие от афинян, — взносы союзников, армию, флот, острова, море, великую силу и верховное владычество» (Плутарх). Как язвил комический поэт Телеклид, афиняне предоставили Периклу.

Всю дань с городов; он город любой мог связать или
оставить свободным,
И крепкой стеною его оградить, и стены снова разрушить.
В руках его все: и союзы, и власть, и сила, и мир,
и богатства.

«Перикл может делать все, что ему угодно, и не только в этом городе, но и во всей Элладе; даже за ее пределами он имеет большое влияние у многих великих народов».

«Перикл считался наиболее достойным человеком для государственных дел. Пока он стоял во главе государства, в мирное время он руководил им с должной умеренностью и вполне оберегал его безопасность. Государство достигло при Перикле наивысшего могущества».

Так утверждали современники.

Через четыре века Цицерон будет восторгаться «знаменитым Периклом, первым в своем государстве по авторитету, красноречию и мудрости».

Еще через сотню лет Плутарх откровенно заявит: «Он сделал город из великого величайшим и богатейшим, могуществом превзошел многих царей и тиранов... Он был всемогущ».

В чем же его могущество? Ведь у него нет никакого особого титула или должности, возвышающей его над остальными согражданами. Он не окружает себя отрядом телохранителей, наводящих страх на афинян, как было при тиранах. Он не сводит счетов с недовольными и никогда не поступает вопреки законам. У него есть единственное оружие — его речи. И дела, не расходящиеся со словами.

Фукидид, сын Олора (тезка вождя аристократов), некогда приверженец Кимона, а затем ближайший друг Перикла, ставит ему в заслугу четыре главные добродетели, определяющие величие государственного деятеля.

Он красноречив и умеет вести за собой толпу. А искусство политика не только в том, чтобы находить нужные решения, но — в еще большей степени — убеждать народ в их правильности.

Он образован, умен и дальновиден, способен предугадывать события и трезво рассчитывать их последствия.

Он безупречный патриот. И не потому, что он вечно клянется именем демоса: интересы сограждан неотделимы от его интересов. Он думает не о собственной славе, а лишь о благе отечества.

Наконец, он бескорыстен, а неподкупность — лучшее свидетельство искренности.

История Афин знала многих вождей, наделенных тем или иным из этих качеств. Но только великий руководитель, по мнению Фукидида, обладает ими в совокупности.

Потомков больше удивляло в Перикле другое. Как мог человек, вознесенный на вершину власти, сохранить в неприкосновенности свою добродетель? Повелевая народом, считать себя частью этого народа? «Ведь трудно и потому особенно похвально прожить жизнь справедливо, обладая полной свободой творить несправедливость» (Платон).

Но, быть может, Перикл вообще человек особый, не похожий на других, не способный радоваться жизненным благам? Не внушил ли ему кто-нибудь мысль о суете и тщете земной, призывая подняться над низменными страстями и вести жизнь отшельника и аскета? Ведь именно так поступил его друг Анаксагор, «устремлявший свой дух к прекрасному»: он покинул дом, оставил землю необработанной и предался размышлению и созерцанию.

Перикл был богат и расчетлив в денежных делах. Получив в наследство от Ксантиппа землю и изрядный капитал, он не собирался растрачивать его по пустякам, но полагал, что, как и во всем, здесь необходимы строгость и порядок.

Хозяйство возглавил способный и преданный раб Евангел, который вел торговые операции, следил за работами на поле и в доме, командовал остальными рабами, заботился о продуктах питания для всей семьи Перикла. Евангел знал, что его господин слишком обременен другими заботами, чтобы вникать во все тонкости хозяйственных операций. Годовой урожай, собранный в имении, продавался сразу. На вырученные деньги Евангел затем покупал все нужное на рынке, представляя Периклу ежедневную запись расходов, которые хозяин сводил к минимуму.

Ворчали сыновья, а особенно их жены. Подумать только, первый человек в государстве дрожит над каждой

драхмой, проверяет ежедневные расходы и требует, чтобы члены его семьи ограничивались лишь самым необходимым! О Перикле распускали сплетни, называя его то скрытой, то лицемером, выставляющим свою жизнь напоказ и притворяющимся, будто он ничем не выделяется среди сограждан.

Перикл не был ни тем, ни другим. Он оставался политиком и, как истинный политик, не мог полностью принадлежать себе. И чем выше поднимался он по ступеням славы, тем осторожней и внимательней делал он каждый шаг. Не потому, что опасался обывательских пересудов — в конце концов, никому еще не удавалось добиваться всеобщей любви, свободной от мелочной зависти, от упреков и нападок. Но творец обязан соответствовать своему творению. И если он, Перикл, пытается превратить Афины в идеальное государство, в образец для подражания, то разве не ясно, что его личная репутация должна быть безупречной. Ибо о государстве судят не только на основании законов, по которым оно живет, но и по людям, которые им управляют.

Став пленником собственной системы, Перикл вовсе не тяготился этим бременем, как многие правители, изображавшие из себя вождей демоса, а в душе глубоко презиравшие народ. Вознесенные на вершину власти, они вынуждены были жить двойной жизнью, чтобы не утратить доверия сограждан и в то же время не упустить выгод, которые давало им их положение. Периклу не приходилось кривить душой. Он и в самом деле не отделял собственной судьбы от судьбы государства и жил в соответствии с теми законами и обычаями, которые считал образцовыми и единственно справедливыми для Афин.

Снисходительный ко многим человеческим слабостям, он считал безнравственным такой образ жизни, который вели правители других государств, кичившиеся богатством, ошеломлявшие роскошью пиров и пышностью одежд. Провозгласив принципом государственной жизни умеренность и сдержанность, Перикл добивался того, чтобы и в быту, и в политике афиняне придерживались золотой середины, смирляли страсти, ограничивали желания и стремления. При демократии, полагал Перикл, все граждане не только равны перед законом — они должны иметь одинаковые возможности пользоваться своими правами. А это значит, что ни знатное происхождение, ни образованность, ни крупные доходы не могут служить

привилегией. Славу приносит только то, что достигнуто собственными усилиями. В одной из немногих дошедших до нас речей (изложенной Фукидидом) Перикл говорил:

«Наш государственный строй не подражает чужим учреждениям — мы скорее служим образцом для некоторых. Называется этот строй демократическим, потому что основывается на интересах не меньшинства, а большинства. По отношению к частным интересам законы наши предоставляют равные права всем. Что же касается политического значения, то каждый получает преимущество не потому, что его поддерживает та или иная партия, а в зависимости от собственной доблести. Равным образом ничтожность положения бедняка не лишает его возможности оказать услугу государству.

Мы живем свободной политической жизнью и в повседневных отношениях не питаем недоверия друг к другу, не раздражаемся, если кто-нибудь поступает так, как ему хочется. В общественных же делах мы не нарушаем законов прежде всего из чувства страха перед ними.

Ежегодными состязаниями и жертвоприношениями мы даем возможность душе отдохнуть от трудов, равно как и благопристойностью обстановки, повседневное наслаждение которой прогоняет уныние.

Сверх того, благодаря обширности нашего государства к нам стекается отовсюду решительно все, и мы можем с одинаковым удобством пользоваться как теми богатствами, которые производятся у нас здесь, так и теми, что производят другие народы.

Мы любим красоту без прихотливости и мудрость без изнеженности. Мы пользуемся богатством для деятельности, а не для хвастовства на словах, и признаваться в бедности у нас не постыдно; напротив, гораздо позорней не выбиваться из нее трудом. Одним и тем же лицам можно у нас заботиться о своих домашних делах и заниматься делами государственными. Только мы одни считаем человека, уклоняющегося от участия в государственной деятельности, не скромным, а пустым.

Мы сами обсуждаем наши действия и стараемся правильно оценить их, не считая, что речи мешают делу. Больше вреда, по нашему мнению, бывает, если действовать без предварительного обсуждения. У других же, наоборот, неведение рождает отвагу, а размышление — нерешительность.

Я утверждаю: наше государство — школа Эллады, и

каждый в отдельности, мне кажется, может у нас проявить себя полноценной и самостоятельной личностью в самых разнообразных видах деятельности».

Итак, государство свободных и равноправных людей — разумеется, лишь тех, кто носит звание гражданина. Это совсем не та «община равных», которую олицетворяла Спарта, подавлявшая личность.

Вождь демоса никогда не забывал услышанных однажды слов: «Помни, Перикл, что ты управляешь афинянами, свободными людьми». А чтобы управлять такими людьми, следует самому быть свободным от страха перед ними, от зависти, корыстолюбия и тщеславия.

Но свобода еще не означает равенства. И покуда кучке богатых афинян противостоит масса бедноты, город нельзя считать в безопасности. Конечно, есть фантазеры, которые предлагают отнять имущество богачей и разделить его поровну между бедняками. Но разве он, Перикл, не призван стоять на страже законов, оберегающих права и благосостояние всех граждан? В конце концов, разве люди виновны в том, что унаследовали землю от предков или что нажили крупные состояния на торговых и ростовщических операциях? И разве не право каждого самостоятельно распоряжаться своим капиталом?

Все это так, и Перикл не верит в справедливость насильственных мер. Одних обиженных сменяют другие, и недовольства все равно не избежать. Но, с другой стороны, о каком равноправии может идти речь, если сотни афинян не в состоянии заниматься общественными делами только потому, что вынуждены заботиться о куске хлеба, если ремесленникам приходится подчас конкурировать с рабским трудом в мастерских — эргастериях?

Равноправные перед законом, они должны иметь и равную возможность пользоваться этими правами. Кто даст им эту возможность?

Разумеется, государство — ИХ государство, которое они отстояли в битвах с варварами, ЕГО государство, в котором он, Перикл, видит высший и единственный смысл своего существования.

Он давно уже привык не отделять себя от Афин. В глазах современников Перикл стал чуть ли не символом всей афинской гражданской общины, идеальным гражданином, олицетворявшим наилучшее государственное устройство — процветающую демократию. Демократию разумную, свободную от анархических крайностей. Демо-

кратию, защищающую народ от внешних врагов и от него самого, если этот народ потребует невозможного и несправедливого.

Афинами управляет человек, принципиально отвергающий концепцию личной власти. Его именуют защитником народа и вождем — демагогом. Он же считает себя лишь разумным советчиком. Единственная сила, которую он признает, — сила аргументов. А ее достаточно, чтобы снискать ему славу и авторитет. Когда-то Перикл боялся демоса, теперь ему приходится опасаться себя. Охраняя демократию, он обязан думать о каждом слове или поступке, которые могут быть истолкованы как стремление воспользоваться достигнутым положением. И чем могущественнее становился первый гражданин Афин, тем строже контролирует он свои действия, чтобы никто не бросил ему упрека, будто он возвысился над народом и правит самодично.

Этика человека диктовала скромность и умеренность в быту. Этика политического руководителя требовала полного подчинения всей деятельности государственным интересам, отказа от каких-либо привилегий, бескорыстия и честности.

Ни разу Перикл не поступал вопреки воле демоса, даже тогда, когда Народное собрание принимало ошибочные решения. Вероятно, ему простили бы любое злоупотребление властью, если бы оно привело к благоприятным для государства результатам. Но даже во имя столь высокой цели Перикл не отваживался на это, зная, что подобный прецедент может иметь роковые последствия. Ибо, полагал он, наделяя руководителей особыми правами, демократия рискует превратиться в свою противоположность. История Эллады наглядно демонстрировала, как легко вознесенные на вершину власти вожди демоса становились тиранами, отождествлявшими себя с государством. И тогда исчезала личность — ее заменял символ. Всякий, кто воспевал тирана, выглядел как защитник установленных порядков. Всякий, кто выступал против правителя, рассматривался как человек, опасный для всего полиса. Тиран, окруженный телохранителями, мог пренебречь традиционными обычаями и законами — он сам воплощал в себе закон, государственную мудрость и высшую истину. Личная преданность главе государства являлась критерием гражданской добродетели, покорность и исполнительность — нормой поведения.

Спартанский совет старейшин руководствовался теми же принципами. Мудрость избранных руководителей окружалась чуть ли не божественным ореолом. Им одним принадлежало право решать судьбы страны. Поднявшись над «общинной равных», они узаконили равенство бесправия и освободили рядовых граждан от тяжелой необходимости рассуждать, принимать решения и отвечать за содеянное. Народ оставался ребенком, от которого требовалось лишь послушание.

Олигархическая спартанская верхушка старательно заботилась, чтобы этот ребенок не повзрослел. Консервируя свой режим, спартанцы глубоко презирали демократические порядки. Они не сомневались, что административное рвение афинских политиков, охваченных неугомонной страстью к нововведениям, способно лишь погубить государство.

Налаженная, безупречно функционировавшая государственная машина спартанцев вызвала у одних эллинов ужас, у других — восторг. Но, как заметил Ксенофонт, «самое удивительное, что, хотя все хвалят подобные учреждения, подражать им не желает ни одно государство».

Афиняне гордились своими законами. Они верили, что их некогда внушила легендарному Тесею сама Афина, и не могли понять, почему боги дали спартанцам такой строй, который дельфийский оракул назвал наилучшим.

Впрочем, Перикла не смущала подобная оценка. Всей своей деятельностью он бросал вызов спартанским устоям. Он вел борьбу с соперником, не скрывая ни целей, ни методов; он был убежден, что выйдет победителем в споре, где свободе противостоит насилие, а разуму — тупое невежество. Сила демократии — в ее воинах, способных отразить натиск врага. И в ней самой, в ее законах и порядках, защищающих права демоса.

Он, Перикл, будет оберегать эти права до последнего часа своей жизни, даже если демос сам станет нарушать их. Ведь ему дана власть не для того, чтобы навязывать кому-то собственную волю, а чтобы выполнять желания народа. Разумеется, если они не противоречат закону, то есть справедливости и истине. Им, и только им подчиняется Перикл, которого называют «первым гражданином», не подозревая, каким бременем становится это звание.

Но чем большими правами пользовался демос, тем

ревнивей он оберегал их, тем сильнее проникался сознанием своей исключительности. В 451 году по предложению Перикла эkklesia принимает закон о гражданстве.

Еще со времен Солона сыновья от афинского гражданина и чужеземки пользовались всеми политическими правами. Никто не сомневался в гражданской «полноценности» Клизфена, Фемистокла, Кимона. Право гражданства даровалось нередко жителям других государств, если они имели заслуги перед Афинами. Правда, иногда это право приобретали незаконно, подкупая должностных лиц.

Теперь все значительно упростилось. Гражданином считался только тот, чьи родители — оба афиняне. И когда в 445 году из Египта пришли корабли с хлебом, присланным в дар Афинам, то перед его распределением проверили списки граждан и вычеркнули из них 5 тысяч имен. После чего, сообщает Плутарх, осталось всего около 14 тысяч претендентов, явившихся на раздачу.

Всего же, как полагают, в Афинах в середине V века до н. э. насчитывалось примерно 20—30 тысяч полноправных граждан, то есть не больше 10 процентов населения Аттики. Именно этот небольшой слой пользовался всеми привилегиями. Именно на его нужды шли средства, взыскиваемые с союзников. С точки зрения греков, это была подлинная демократия, поскольку она предоставляла равноправие всем гражданам. О том, что эта демократия аристократична по своему существу, они не задумывались. Укрепляя демократический строй, афиняне сами же ставили пределы его развитию. И человек, с которым связан наивысший расцвет демократии в Афинах, по выражению одного исследователя, ту самую демократию «закрывает».

Понимал ли он это?

Возможно.

Мог ли что-нибудь изменить?

Вряд ли.

«СОВЕТ И НАРОД РЕШИЛИ...»

— При архонте Диотиме, в первую пританию филы Эгеиды, месяца гекатомбеона 11-го числа, когда секретарем был Никокл, сын Каллия, пеаниец, эпистатом был Пифодор, сын Антифонта, холаргеец, Фанодем, сын Менексена, из Алонеки, предложил:

«Так как Совет при архонте Феокле, в десятую пританию, когда дежурной была фила Ойнеида, постановил почтить того из ораторов, выступавших в Совете, кто лучше всех говорил и действовал в интересах афинского народа в течение всего года, и, проведя голосование, наметил Еврисибия, сына Никерата, декелейца, то, в добрый час, Совет и народ решили: похвалить Еврисибия,

сына Никерата, поскольку он отлично и неподкупно исполнял свои обязанности, за добродетель и справедливость по отношению к народу и увенчать его золотым венком в 500 драхм, а деньги на венок взять из средств, расходуемых Советом на исполнение постановлений, чтобы все знали, что Совет и народ умеют воздавать благодарность тем, кто всегда говорит и делает наилучшее в интересах народа. Пусть секретарь притании напишет это постановление на каменной плите и поставит на Акрополе; для этого пусть казначей даст необходимые деньги».

Монотонно журчал голос председателя коллегии пританов—эпистата, ставившего на голосование предложения, одобренные Советом пятисот. Знакомый с правами собрания, эпистат по обыкновению спрашивал, не хочет ли кто-нибудь обсудить предварительное решение Совета, хотя заранее можно было сказать, что никто не потянется к трибуне. Желающих обычно не находилось, и, словно по команде, вскидывались равнодушные руки участников собрания, расположившихся на каменных ступенях, террасами спускавшихся по склону Пникса.

Нещадно палило поднявшееся к зениту солнце. От утренней прохлады не осталось и следа. Недвижно застыли кипарисы, смолкли птицы, спрятавшиеся в листья. Все располагало к покою и тишине, клонило ко сну. И люди, собравшиеся на Пниксе, казались равнодушными и ленивыми, будто отбывали какую-то повинность, вовсе не интересуясь происходящим. Впрочем, так бывало уже не раз на этом первом собрании нового года, начало которого приходилось на самый жаркий месяц гекатомбеон (с середины июля до середины августа).

— В добрый час! Совет и народ решили.

Так как эфебы в течение целого года несли сторожевую службу, соблюдали строгий порядок, повиновались законам и исполняли все приказания стратега, следует по достоинству почтить их за ревностное служение, увенчать венком и отвести им почетное место на состязаниях, которые устраиваются государством. Совет и народ находят также нужным похвалить их руководителя — Стратия, сына Гермодора, из Элевсина, обучавшего метанию дротика, Клиния, сына Ферамена, из Пирея, учителя фехтования, критянина Соандра, обучавшего стрельбе из лука, — и увенчать их венком из оливковой ветви за их попечение и строгий надзор за эфебами. Пусть

секретарь притании напишет это постановление на каменной плите и поставит на площади...

Совет и народ решили...

Похвалить Евтидема, возглавлявшего посольства в союзные города, за его безукоризненный образ жизни и искусные действия на благо афинского народа.

Предоставить почетные места в театре гражданам других государств, оказывавшим услуги афинянам, и высечь их имена на камне.

Похвалить и наградить капитана, умело управлявшего кораблем и доставившего ценный груз с берегов далекого Понта.

Совет и народ решили...

Перикл вслушивался в эти знакомые слова и радовался тому, что они стали настолько привычными, что на них уже никто не обращает внимания. Конечно, Совет и народ — кто же еще может решать государственные дела?! Но понадобились многие годы, чтобы эта формула утвердилась, наполнилась реальным содержанием.

Совет пятисот, созданный еще Клизфеном, долгое время находился в тени, хоть и считался высшим правительственным учреждением. На деле же он подчинялся ареопагу и послушно следовал велениям архонтов. Попасть в Совет могли представители трех классов — пентакосиомедимны, получавшие со своей земли урожай в размере не менее 500 медимнов зерна, масла или вина (медимн равен 52 литрам), всадники, получавшие не меньше 300 медимнов, и зевгиты (не меньше 200 медимнов). К высшим же государственным должностям допускались лишь граждане первых двух классов.

Издавна афинский демос привык смотреть на своих руководителей как на особо избранных людей, наделенных талантом и мудростью. Он верил слову вождей и полагался на них больше, чем на самого себя. Не так-то просто было изменить психологию общества. Война с персами убедила демос в том, что именно он способен спасти страну от гибели. И именно в результате войны он ощутил острее чем когда-либо несправедливость прежнего законодательства. В самом деле, нашествие персов разорило Аттику, лишило состояния многие семьи, и те, кто раньше кичился богатством, перешли в низшие разряды и не имели права домогаться высших должностей.

— Право! Но разве не народ — источник законов и их исполнитель? И разве нормально, когда слабее все-

го слышен голос тех, кто, подобно Атланту, держит на своих плечах государство? Демократия перестает быть демократией, если между руководителями и народом вырастает пропасть, которую нельзя перешагнуть.

Так рассуждали Эфиальт и Перикл, когда готовили реформу, лишившую власти ареопаг и открывшую доступ ко всем должностям каждому афинскому гражданину.

Совет пятисот управлял страной. Но ведь он назывался Буле, то есть Совет. Это было правительство, которое советовало, а не решало, ибо решать мог только демос и никто иной. Потому что правители, не зависимые от народа, рано или поздно будут больше думать о своих интересах, чем о нуждах отдельных граждан.

Каждая из 10 фил выбирала по жребию 50 членов Буле (не моложе 30 лет). Совет делился по филам, дежурившим поочередно одну десятую часть года. Дежурство это называлось пританией, а дежурные члены Буле — пританами. Их единственной привилегией было освобождение от воинской службы; кроме того, им предоставляли почетные места в театре. Больше они ничем не отличались от обычных магистратов, находящихся на службе у государства.

Совет собирался ежедневно, кроме праздников и «тяжелых дней», связанных с воспоминаниями о печальных событиях в истории Афин. Он заседал в булевтерии (на агоре), на Акрополе, в театре и даже в Пирее. Но в полном составе он выступал редко, и 50 пританов обычно размещались в толосе, неподалеку от булевтерия. Здесь они проводили весь день и обедали на государственный счет вместе с секретарем Совета.

Как постоянно действующая комиссия Буле ведал всеми текущими делами. Что бы ни произошло в городе, об этом немедленно извещали пританов, которые имели право вмешиваться в события и даже применить силу, если в том была необходимость. Эпистата, руководившего Советом, избирали ежедневно по жребию и передавали ему ключи от государственных архивов и храмов, где хранились государственная казна и печать.

Вступая в должность, члены Буле приносили клятву, что будут честно выполнять свои обязанности в соответствии с законами и охранять демократические порядки.

Демократия требовала гласности. И Совет заседал открыто, в присутствии публики, ибо демос хотел знать не только окончательное постановление, принятое боль-

шинством, но и мнение каждого, кто выступал против. Рассматривая различные проекты и предложения отдельных граждан, Совет выносил предварительное определение и предлагал его Народному собранию. Без такого определения эkkлeсия не рассматривала дел. Повестка же дня собрания объявлялась за четыре дня, чтобы участники заседания могли подготовиться к обсуждению.

Демократия требовала безопасности. И Совет отвечал за ежегодную постройку 20 триер, заботился об обороне Атики, вел переговоры с посольствами, прибывающими в Афины, улаживал отношения с союзниками, ведал финансами, изыскивал источники доходов и распределял пособия нуждающимся; под его надзором находились государственные святилища и общественные постройки.

Демократия нуждалась в гражданах, честно исполняющих свой долг. И Совет контролировал деятельность чиновников, рассматривал поступающие на них жалобы и привлекал к ответственности. Притана, обвиненного в преступлении (нерадивости, беспечности, безнравственности, взяточничестве), его коллеги исключали из Буле, голосуя оливковыми листьями, и могли подвергнуть аресту.

В конце года каждый из членов Совета отчитывался перед эkkлeсией, и народ обычно награждал всю коллегию золотым венком. Так было и в прошедшем году. Новому Совету еще предстояло доказать право на эту награду. Пританы пока были спокойны и, довольные, поглядывали друг на друга. Заседание шло гладко — совсем не так, как в прошлую пританию, когда заслушивали годовые отчеты и избирали новых должностных лиц.

В каждую пританию Народное собрание созывали четырежды. На первом заседании всякий раз народ проверял, добросовестно ли служат магистраты. Чиновники отчитывались в своей деятельности, и их либо утверждали в должности, либо сменяли и предавали суду. На том же заседании рассматривали обвинения в государственных преступлениях, сообщения о разделе наследства, конфискации имущества, обсуждали меры, касающиеся безопасности страны, продовольственного снабжения и т. п.

Второй раз эkkлeсия собиралась, чтобы принимать прошения от жителей Афин. Каждый мог положить на алтарь ветвь умоляющего и ходатайствовать как для се-

бя лично, так и для государства. Метеки и рабы просили разрешить им выступить в Народном собрании, не опасаясь ответственности за сказанное; граждане же могли добиваться отмены наказаний, прощения долга, возвращения политических прав.

На третьем заседании принимали вестников и послов и обсуждали отношения с другими странами.

Последнее, четвертое заседание каждой притании целиком посвящалось священным делам.

Раз в год, в первом собрании шестой притании эппистат задавал демосу вопрос, есть ли необходимость применить против кого-нибудь остракизм. И если народ соглашался, то в первом собрании восьмой притании происходил суд черепков.

Правда, после изгнания Фукидида, сына Мелесия, никто не осмеливался соперничать с Периклом, и об остракизме долгое время не вспоминали...

Собрание шло безмятежно и неторопливо. Казалось, демос израсходовал весь пыл в последнюю пританию, когда утверждал чиновников на этот год. Тогда доходило чуть ли не до драки. Вспоминали о неблагоприятных поступках кандидатов на должность и с пристрастием допрашивали их во время проверки.

Афиняне не доверяли голосованию и предпочитали избрание с помощью жребия. Только так, полагали они, можно добиться подлинного равноправия граждан. Ведь при голосовании, даже если оно происходит открыто, всегда можно повлиять на чье-то мнение, склонить кого-то на свою сторону и обеспечить победу людям богатым и влиятельным. Голосованием избирали только тех, от кого требовалось особое знание, умение и искусство: 10 стратегов (по одному от каждой филы), 10 таксиархов (командиров пехотных отрядов), двух гиппархов (начальников конницы) и их десятых помощников (филархов). Так же избирали 10 софронистов, отвечавших за воспитание эфеев и надзиравших за их нравственностью, а кроме того, государственного казначея, осуществлявшего верховный контроль над финансами Афин, и секретаря Совета, заведовавшего всеми документами и архивом.

Все остальные должности занимались по жребию: любой гражданин мог и обязан был исполнять свой долг: от него требовались лишь добросовестность и честность, а не особые способности и специальные знания.

В храме Тесея ставили две урны. В одной лежали таблички с именами претендентов, в другой — черные и белые бобы. Архонт вынимал одновременно табличку и боб. Если боб оказывался белым, кандидат считался избранным. Но ему предстояло еще пройти проверку перед Советом или экклесией, где его могли отвергнуть, признать недостойным и неподходящим для выполнения обязанностей. Поэтому на всякий случай избирали двух кандидатов на одну должность.

Жребий называл имена:

— девяти архонтов, когда-то бывших правителями страны, а теперь превратившихся в обычных чиновников. Первый назывался архонтом-эпонимом, и его имя принадлежало истории, так как им обозначали год (с IV века до нашей эры время стали определять, взяв за исходную дату первые Олимпийские игры, состоявшиеся в 776 году). Первый архонт председательствовал в суде, ведал семейными и наследственными делами граждан, руководил государственными праздниками и следил за исправностью календаря. Архонт-царь отвечал за гимнастические состязания, осуществлял верховный надзор за государственными культами, мистериями, разрешал споры между жрецами, разбирая дела об оскорблении богов и святых, об убийствах на религиозной почве. Третий архонт — полемарх — приносил жертвы богам войны, устраивал надгробные состязания в честь павших воинов. Остальные архонты — фесмофеты — обязаны были ежегодно проверять афинские законы, чтобы новые постановления не противоречили ранее принятым, рассматривали политические обвинения против отдельных лиц;

— 500 членов Совета;

— 6 тысяч гелиастов, членов суда присяжных;

— 10 астиномов, отвечавших за чистоту города, за соблюдение порядка и приличий на улицах; они же следили за поведением бродячих актеров и уличных женщин;

— 10 агораномов, рыночных надзирателей, проверявших качество товаров, решавших споры между торговцами и покупателями;

— 10 метрономов, проверявших, правильно ли торговцы пользуются различными мерами и весами;

— 10 ситофилаков, контролировавших твердые цены на хлеб;

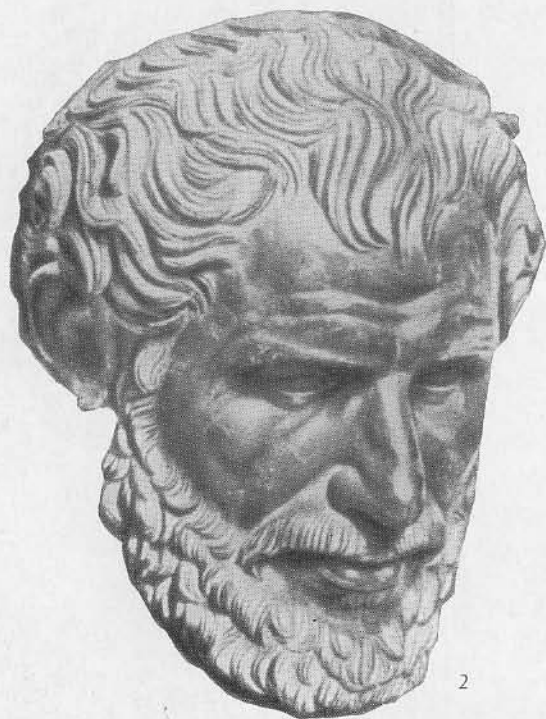
1. Греческая цивилизация возникала на окраинах эллинского мира. Иония стала колыбелью античной философии — тогдашней науки наук.

Через ионийские города распространился греческий алфавит. Из Ионии прибыли в Афины первые статуи улыбающихся девушек — кор. В Малой Азии родилась стройная и изящная колонна ионического стиля.

2. Богатым, бедным — всем законы общие
Я начертал, всем равный дал и скорый суд...
Но я боролся не путем насилия —
Путем закона, правды, права, разума.

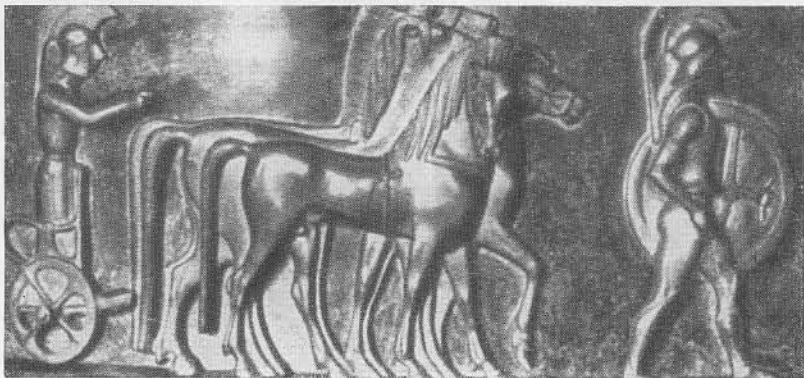
Так писал в своих элегиях Солон, сделавший первый шаг к демократии и считавший, что дал афинянам законы «самые лучшие из тех, какие они могли принять».

2

3. В 514 году до н. э. афинские юноши Гармодий и Аристогитон убили тирана Гиппарха. Антенор посвятил погибшим героям медные статуи, которые в 480 году до н. э. Ксеркс, опустошивший Афины, увез в Персию. Через три года Критий и Несиот создали новую скульптурную группу. Ее установили на агоре, и специальный закон запрещал помещать рядом с ними чьи-либо изображения. Через 400 лет их соседями стали фигуры римских тираноубийц Брута и Кассия, организовавших заговор против Юлия Цезаря.

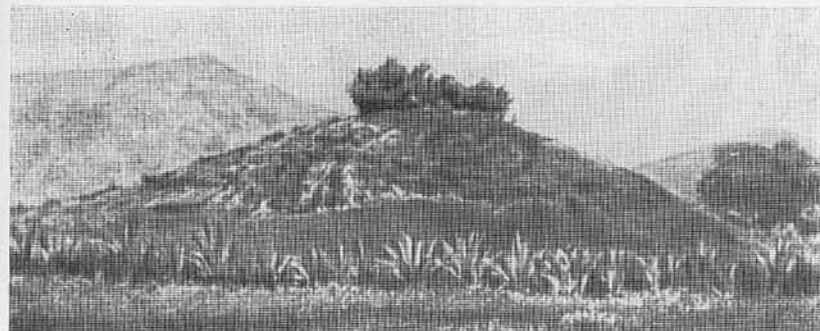

4—5

4—5. Аристид верил, что афиняне — земледельческий народ. Выступая против Фемистокла, он настаивал на том, что богатство и сила государства связаны с землей, сельским хозяйством. Защищать же страну призваны отряды тяжеловооруженных воинов — гоплитов.

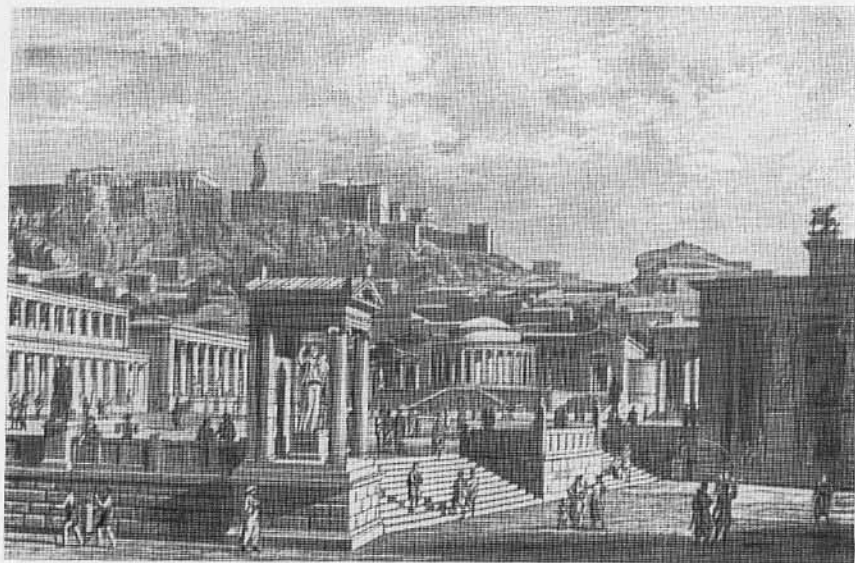

6

6. В 490 году до н. э. греки разгромили персов при Марафоне. В центре равнины, где больше всего пало воинов, афиняне возвели погребальный холм — Сорос. Там они захоронили 192 гоплитов. В самих Афинах им посвятили гробницу, на которой высекли имена всех погибших. Эпитафия на памятнике гласила:

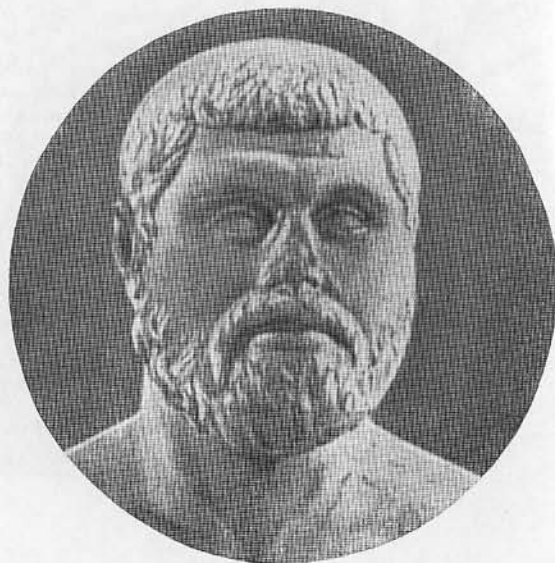
«Доблесть этих мужей освещает бессмертная слава,
Здесь поразили они гордые персов войска.
Пешими поднялись против Азии конницы сильной,
Чтобы Эллады земле рабского дня не узнать».

7—8. Афинская агора — торговая площадь — была центром деловой и политической жизни. Ее украшали храмы, статуи, общественные здания. Здесь афиняне проводили большую часть времени. В специальных помещениях заседали должностные лица, в Пестром портике устраивали диспуты философы. На площади

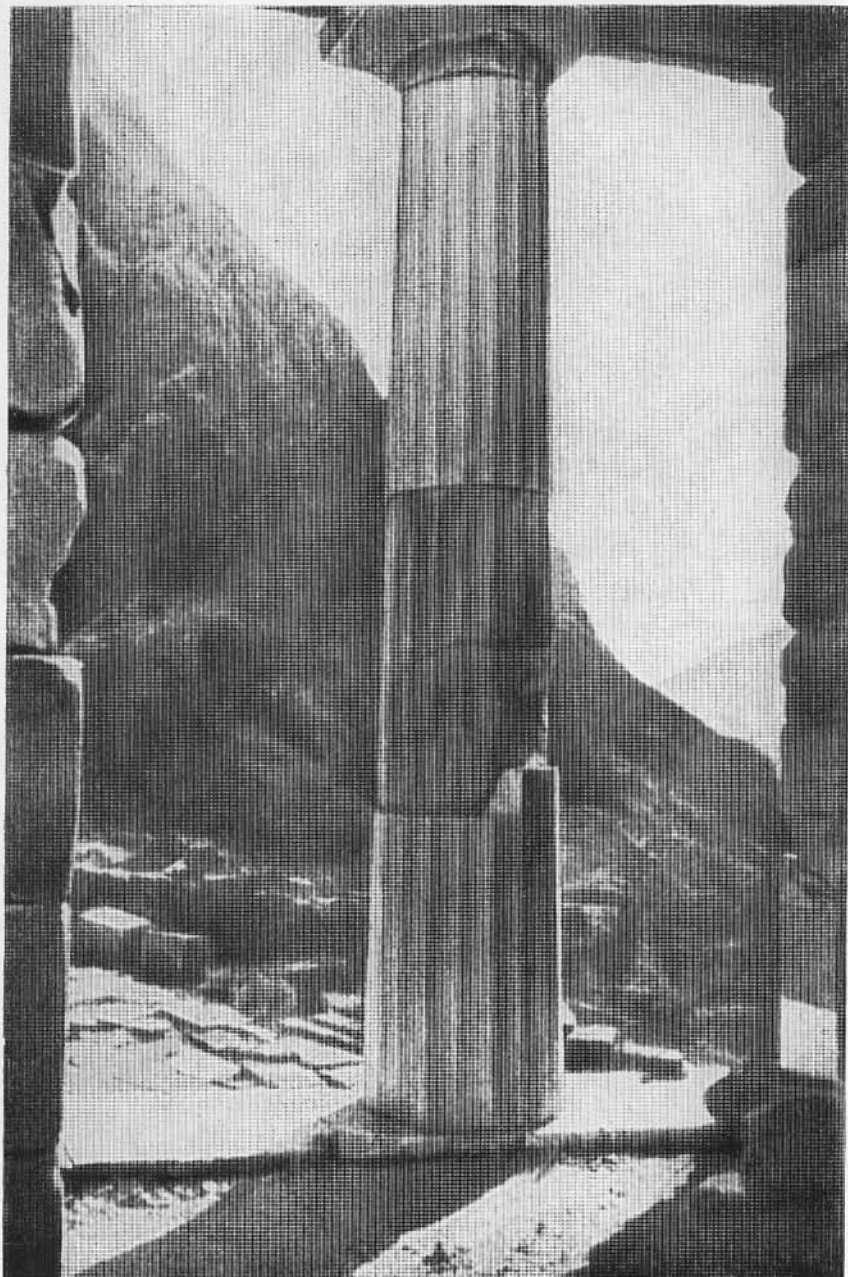
7—8

9

собирались участники торжественных процессий, выступали фокусники, акробаты, укротители зверей. Именно на агоре формировалось нередко общественное мнение. На завсегда в агоре — ремесленников, купцов, ростовщиков, людей, связавших свою деятельность с морскими экспедициями и торговлей, опираясь Фемистокл, проводя реформы.

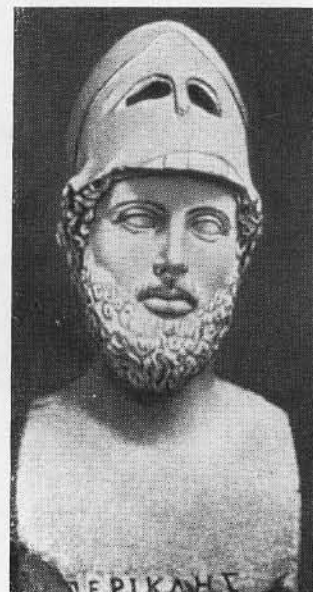
9. По греческим понятиям, занятие ремеслом унижало свободного гражданина. Но именно ремесленники составляли значительную часть населения и с укреплением демократии играли все более заметную политическую роль. «Неужели ты стесняешься валяльщиков, башмачников, плотников, кузнецов, рыночных торговцев?.. А ведь из всех них и состоит Народное собрание» (Ксенофонт, «Воспоминания о Сократе»).

10. В Дельфах, на склоне Парнаса находилось святилище Аполлона. Сюда, к оракулу, приходили паломники из разных концов эллинского мира, чтобы услышать голос бога, вещавшего устами пифии. Сокровищницу в Дельфийском храме охраняли два отлитых из золота орла. В IV веке до н. э. фокейский полководец разграбил храм и превратил золотых стражей в звонкую монету, чтобы содержать отряды наемников.

11. В 471 году до н. э. вождь демократов Фемистокл из дема Фреаррия подвергся ostracismu, и руководителем государства стал Кимон, возглавлявший аристократическую группировку.

12. Дело Фемистокла продолжили сначала Эфиальт, а затем Перикл, сын Ксантиппа.

13

13. По мысли Перикла, Акрополь должен был стать холмом славы, памятником величия и мужества афинян, спасших греков от ига варваров и превративших свое государство в «Элладу в Элладе».

14. Знаменитая 12-метровая статуя Афины-Девы Фидия была сделана из слоновой кости и золота и обошлась в тысячу талантов. В V веке н. э. ее вывезли в Константинополь, где она и погибла. Одна из наиболее известных ее копий — так называемая Афина Варвакион, относящаяся к римскому времени.

14

15. За девять лет Иктин и Калликрат построили храм Афины Полиады (Градохранительницы) — Парфенон, ставший символом творческого гения греческого народа. В своем первоначальном виде храм просуществовал почти 2100 лет. В середине XV века он сделался турецкой мечетью. 26 сентября 1687 года венецианская артиллерия обстреляла мечеть, и снаряд взорвал находившийся там пороховой склад. 14 из 46 колонн и все внутренние помещения были уничтожены. Во время войны греков с турками в 20-е годы XIX века храм подвергся новым разрушениям.

15

16

16. На щите Афины изображалась битва афинян с амазонками. В фигуре воина, который держал перед лицом копье, современники без труда угадывали Перикла.

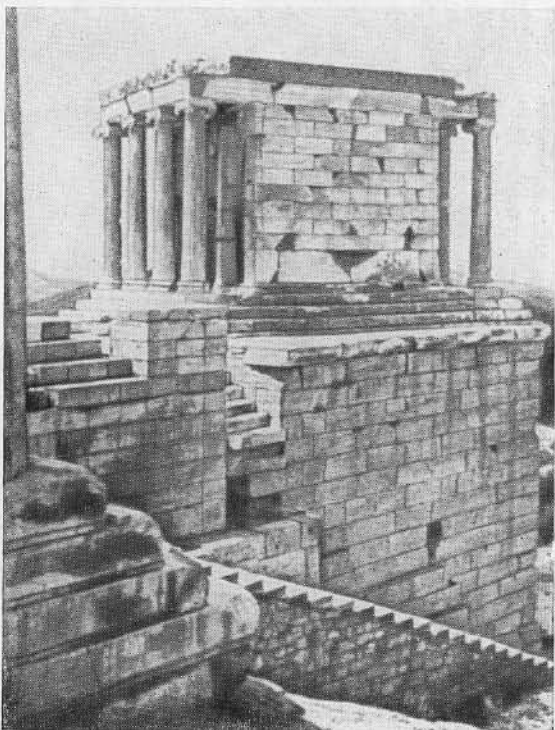

17

17. По словам Плутарха, на щите Афины Фидий «представил самого себя в виде плешивого старичка, поднимающего камень обеими руками».

18. В Спарте, где чтили бога войны Ареса, его деревянную статую заковали в цепи, полагая, что грозный олимпиец всегда будет приносить счастье в ратных делах. Калликрат же соорудил в Афинах изящный храм Бескрылой Победы (Ники Аптерос), чтобы победа никогда не покидала афинян.

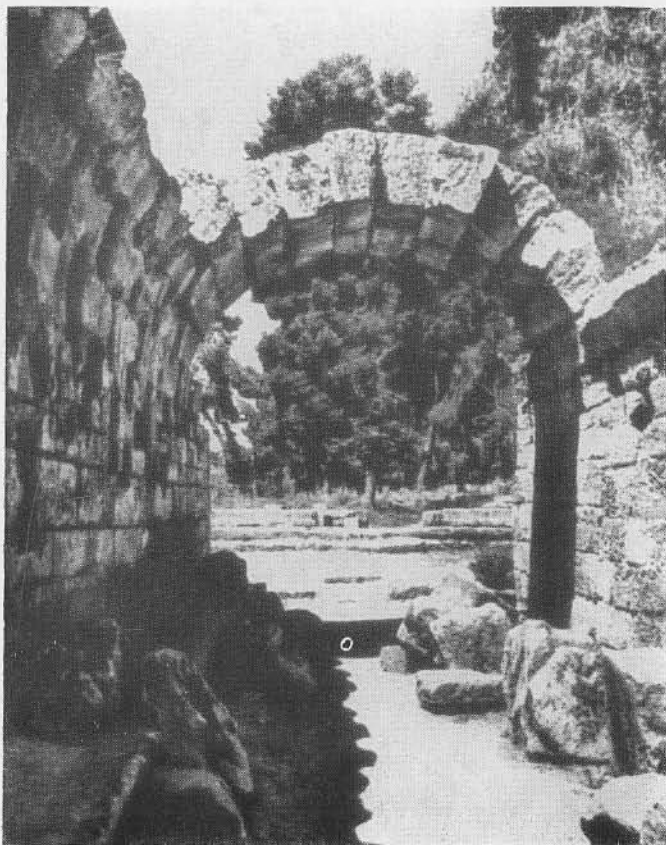

18

19

19. Победители игр награждались лавровой ветвью или венком. Их освобождали от уплаты налогов, предоставляли право занимать почетные должности, ставили им статуи, которые, как думали, находились под охраной богов.

20

20. Раз в четыре года эллины собирались на пятидневный общегреческий праздник — Олимпиаду, в течение которой прекращались всякие военные действия. Те, кто прибывал в Олимпию, считались гостями самого Зевса.

— 10 портовых надзирателей, наблюдавших за морской торговлей и заставлявших доставлять две трети привозимого хлеба в город;

— 11 членов коллегии, ведавших тюрьмами, обеспечивавших исполнение смертных приговоров, вынесенных уголовным преступникам, передававших в суд описи конфискованных имуществ;

— 10 заведующих ремонтом храмов;

— 10 логистов (контролеров) с 10 помощниками, которые принимали отчеты от каждого магистрата;

— 20 священнослужителей для особых жертвоприношений;

— 10 афлофетов, устраивавших праздничные процессии, музыкальные, гимнастические и конные состязания, заказывавших награды для победителей;

— 10 аподектов, принимавших подати и пошлины;

— 20 казначеев, распорядившихся священной казной, сокровищами Афины и других богов;

— 10 казначеев, собиравших взносы с союзников, выдававших деньги на ведение войны, производивших денежные раздачи во время праздников;

— 10 практоров, взыскивавших штрафы;

— 10 полетов, отдававших на откуп государственное имущество и продававших конфискованные земли.

Магистратов избирали за два месяца до окончания года, чтобы они успели пройти проверку — докимасию. Способны ли они выполнять свои обязанности? Знают ли законы? На это обычно не обращали внимания. Требовалось лишь, чтобы каждый кандидат обладал полноценными гражданскими правами и вел беспорочный образ жизни. Особые претензии предъявляли к архонтам и жрецам: ими могли стать только исконные (в третьем колене) граждане Афин, к тому же лишённые каких-либо телесных недостатков. Стратеги же должны были проявить себя предварительно как искусные военачальники, а кроме того, состоять в законном браке и иметь земельные владения в Аттике.

И вот наступала докимасия. Перед Народным собранием или Советом граждан отвечал на вопросы:

— Кто у него отец и мать, кто их родители? Откуда, из какого дема он родом?

— Где находятся могилы его предков и чтит ли он отеческие святыни?

— Выполняет ли свой сыновний долг по отношению к родителям?

— Исправно ли платит подати и участвовал ли в военных походах?

Под угрозой казни не имели права претендовать на избрание чиновники, не сдавшие отчета по прежней должности или занимавшие другую, а также государственные должники. Не разрешалось также дважды занимать одну и ту же должность; исключение делалось только для стратегов.

Докимасия завершалась тем, что эпистат приглашал свидетелей, подтверждавших слова кандидата. После этого председатель обращался к народу: «Не угодно ли кому-нибудь выступить с обвинением?» Если охотников не находилось, он тут же проводил голосование. Если же начинались споры, то давали высказаться и обвинителю, и защитнику, после чего решали большинством голосов.

Архонтов подвергали особенно тщательной проверке — в Совете и в гелиее. Пройдя докимасию, они собирались у камня, где лежали внутренности жертвенных животных, и, ступив на него, клялись служить честно, в соответствии с законами и не принимать подарков за свой труд. Если же кто-нибудь нарушал клятву и принимал взятку, он обязывался поставить статую из чистого золота размером в его собственный рост. Не выполнив этого, он должен был отправиться в изгнание.

Магистраты сдавали ежегодный отчет о своих действиях. Не отчитавшись, они не могли получить венка в награду за службу, претендовать на другую должность; им запрещалось даже покидать пределы страны и свободно распоряжаться собственным имуществом, пока не станет очевидным, что они не присваивали и не растрачивали понапрасну государственных денег. Но, помимо того, в первом собрании каждой притании эkkлeсия обсуждала их деятельность и всякий раз вновь продлевала полномочия. Если вскрывались ошибки или неблагоприятные поступки, магистрата немедленно смещали и отдавали под суд. Взятничество, злоупотребление властью, нерасторопность, бесчестность, пренебрежение исконными обычаями, отступление от обычных норм поведения, невыполнение строго установленных обрядов — все это рассматривалось как преступление. Стратегов привлекали к ответственности за поражение в битве и

даже за то, что они недостаточно энергично вели военные действия.

В Совете и Народном собрании любой гражданин мог выступить с обвинением. Появилась даже особая профессия — сикофантов (доносчиков), специально следивших за чиновниками (и рядовыми афинянами) и возбуждавших против них процессы. Такой неумолимый контроль, по мысли афинских законодателей, должен был гарантировать неподкупность лиц, наделенных властью, и ревностное выполнение ими своих обязанностей. А служение государству рассматривалось как священная и почетная обязанность, и потому магистраты до середины V века не получали жалованья: их награждали лишь венками и иногда упоминали в почетных декретах. Так повелось со времен Солона. Так было при Клизфене.

Традицию нарушил Перикл.

На одном из собраний он выступил с неслыханным, ошеломляющим предложением...

Все шло как обычно. Ранним утром глашатаи разбрелись по улицам, созывая граждан на Пникс. Их звучные голоса разносились над городом, пробуждая спящих и заставляя торопиться всех, кто не успел управиться с делами. (Как и других чиновников, глашатаев избирали, проверяя их достоинства, главным из которых был мощный и благозвучный голос. Тем, кто выдерживал испытание, вручали лавровый или масличный жезл с изображением двух обвивавших его змей. Еще со времен Гомера глашатаи и вестники пользовались неприкосновенностью: их не имели права оскорбить ни сограждане, ни иностранцы, а насилие над ними считалось тяжким преступлением, требовавшим отмщения.)

Закрывались лавки и мастерские, запирались городские ворота. Стражники — скифские стрелки, — подгоняя опаздывающих, оцепляли улицы красными канатами, чтобы никто не поворачивал обратно. 6 лексистерхов с 30 помощниками наводили порядок среди собравшихся: они не пускали на Пникс тех, кому не разрешалось посещать эkkлeсию, задерживали всякого, кто пытался уйти до окончания заседания, штрафовали нарушителей спокойствия.

Наконец, поднялся эпистат и, перекрывая шум голосов, потребовал тишины. Жрец принес в жертву поросят, обнес жертвенное мясо вокруг толпы и произнес молитву. Он говорил тихо, но его слова были слышны всем.

Он произносил заклятье против тех, кто будет своими речами вредить народу и государству.

Как знать, не на его ли голову падет это проклятье, думал Перикл. Ведь его предложение противоречит всем прежним законам. Неужели он, всегда избегавший риска, на сей раз поторопился и не рассчитал сил? Нет, нет, все должно идти так, как задумано, — он не отступит от своего плана. У него немало сторонников, а демос — демос поймет и поддержит его.

Последние дни Перикл проводил на агоре. Там уже узнали о его выступлении в Совете, и с тех пор только и разговоров было, что о его проекте, который предстояло теперь обсудить в Народном собрании. Одним он казался заманчивым, другим — опасным, третьи упрекали вождя демократов за то, что он делает лишь робкий шаг и останавливается на полпути. Но это был первый шаг, и Перикл знал ему цену. Он знал, что последующие будут легче, главное — начать. И он начал...

— Совет и народ решили... Перикл, сын Ксантиппа, из Холарга, предложил...

Он предложил вознаграждать членов Совета пятисот за их труд и платить по одной драхме в день. Служить за плату! Это казалось кощунством. Издавна афиняне, с уважением относившиеся к труду землепашца или ремесленника, презирали тех, кто нанимается работать за деньги. Они издевались над учителями и философами, бравшими плату с учеников, свысока глядели на художников, скульпторов и архитекторов, получавших жалование от государства. Уважающий себя свободный афинский гражданин, конечно, должен служить отечеству, не жалея сил, но бескорыстно! Иначе он превратится в обычного слугу, наемного рабочего, поденщика.

Один за другим поднимались на трибуну ораторы. Надев на голову венки, они как бы переставали быть частными гражданами и превращались в должностных лиц, исполняющих общественные обязанности перед народом. Любой мог выступить перед демосом, не опасаясь каких-либо последствий. Не разрешалось лишь рассуждать о вещах, не относящихся к делу, и дважды повторять одно и то же.

— Граждане афиняне! Все, о чем говорил здесь Перикл, наверное, покажется вам справедливым и соблазнительным. В самом деле, разве не следует поощрять тех, кто стоит во главе нашего полиса и печется об общем

блага? Конечно, следует! И мы по достоинству награждаем членов Совета за труд, прославляя их имена в почетных постановлениях. А что же нам предлагают? Оскорбить, унизить уважаемых людей, бросив им подачку, словно нищим? Где, в каком городе Эллады вы увидите такое? Может быть, Периклу больше по душе порядки, к которым привыкли варвары? Ведь у них все состоит на службе у монарха, получая от него земли, дворцы и сокровища. Подумайте, что скажут о нас остальные эллины, когда узнают, что мы превратили священную обязанность в работу за плату, недостойную истинного гражданина.

Перикл еле сдерживался, чтобы не прервать выступавшего. Не потому, что это запрещалось законом и его могли тут же оштрафовать. Он ждал, пока выскажутся остальные, чтобы ответить всем сразу, связать воедино все возражения, которые заранее мог предвидеть. Его проект — лишь начало обширной программы, которую он намерен осуществить в будущем. Интересно, понимают ли это его противники?

Оратор продолжал разглагольствовать о том, как в старину ценили и почитали тех, кому доверено управлять государством, и как высок был авторитет руководителей, с которыми никто не станет считаться, если они будут получать жалование из казны.

Ему не удалось закончить свою патетическую речь. Эпистат взглянул на песочные часы и прервал оратора — время кончилось. Он покинул трибуну, сопровождаемый одобрительным гулом нескольких рядов. Перикл даже не взглянул в ту сторону — он знал, что там сидят сторонники Кимона и Фукидида, которым ненавистен не столько его проект, сколько он сам, вождь демоса, противник аристократов. Рискнет ли кто-нибудь открыто бросить ему вызов?

Перикл вздрогнул, услышав свое имя. Ага, значит, все-таки не выдержали. Что ж, поглядим, кого они выпустили на трибуну. О, да это известный транезит, банкир, сколотивший немалое состояние на ростовщических операциях. Такой добродушный на вид и такой неумолимый, когда судится с должниками. О его жадности говорит весь город — наверное, и сейчас он боится, как бы не затронули его кошелька.

— Платить? Я не знал, о афиняне, что вы столь щедры, чтобы тратить государственные деньги на такие

пустяки. Или, может быть, это не ваши деньги собираются расходовать Перикл? Но тогда чьи? Свои собственные? Я понимаю ваши улыбки. Конечно же, нет: ведь у него каждый обол на счету — достаточно взглянуть на его сыновей, на их жалкий вид, чтобы понять, какой он скопидом...

Эпистат остановил говорившего. Он напомнил, что никто не смеет оскорблять членов собрания, и пригрозил ему штрафом, если он не прекратит нападков на Перикла.

— Хорошо, я буду говорить о себе и своих друзьях. Разве мало мы несем расходов, устраивая праздники, состязания, театральные представления, снаряжая корабли? На самых богатых людях лежит и самое тяжелое бремя. Что ж, мы понимаем, что иначе и не может быть в нашем государстве. Но нельзя бесконечно натягивать тетиву — она лопнет, и вы останетесь без оружия.

Перикл любит говорить о равноправии и благоденствии народа. Какое же это благоденствие, если одни всегда будут жить за счет других? Сегодня страдаем мы — посмотрите, как бы завтра он не принялся за вас, за всех, кто сколотил скромное состояние.

Перикл защищался. Не просил, не спорил, а терпеливо разъяснял. Наслушавшись разговоров в толпе, он знал заранее аргументы противников и спокойно излагал их, столь же бесстрастно опровергая. Он говорил:

о преимуществах демократии перед другими формами правления, потому что именно демократия защищает весь народ в целом, а не избранных граждан;

о том, что нельзя жить лишь законами предков и считать их непогрешимыми;

о том, что народ, добившись свободы и равноправия, должен уметь воспользоваться своими правами.

— Разве справедливо, чтобы граждане, ежедневно заседающие в Буле, терпели убытки из-за того, что вынуждены поступиться собственными делами? Ведь ныне в Совет избирают не знатных и состоятельных, а обычных, рядовых афинян — и нельзя, чтобы почетная должность становилась для них обременительной. Мне скажут, что недостойно свободного гражданина трудиться за плату. Не будем спорить, так ли это в действительности. Но я спрашиваю вас: разве не жребий избирает членов Совета? Разве они нанимаются работать, думая о выгоде или просто о куске хлеба? Нет и еще раз нет! Все их помыслы направлены на то, чтобы сделать наше

государство сильнее и богаче. Они заботятся не о себе, а о демосе, о всех нас — почему же мы не платим им тем же?

Перикл напомнил, что союзной казной по-прежнему распоряжаются Афины и что они вправе брать оттуда деньги по своему усмотрению. Но если понадобится, демос воспользуется услугами состоятельных граждан, которые уже не раз помогали отечеству. Напрасно обвиняют его, будто он стремится уравнивать имущество всех афинян. Его возмущает не богатство, а бедность; и пока она существует, ни о каком благоденствии государства говорить не приходится. Разумеется, интересы народа, полиса превыше всего — ради них каждый гражданин обязан пожертвовать всем, даже жизнью. Но нельзя ограничиваться одними жертвами. Государство обязано помнить и свой долг перед демосом. Если оно существует само для себя, если судьба отдельных граждан ему безразлична, оно безправственно и жестоко. Он же, Перикл, мечтает о справедливости и добре, ибо, как утверждал еще Пифагор, люди получили от богов две блаженные способности — говорить правду и творить добро.

Вождь демоса закончил речь. Он сошел с трибуны и не спеша направился к своему месту. Перикл надеялся, что собрание поддержит его — друзья рукоплескали ему, а противники провожали ненавидящим взглядом. В этой ненависти он увидел бессилие и понял, что победил.

Тогда-то и попросил слова еще один оратор. Старый человек, соратник Аристиды, представитель прославленного поколения марафонских бойцов, о которых ходили легенды; он давно не участвовал в политических спорах и редко покидал свой дом, предпочитая иметь дело с пэпирусами, а не людьми.

Он выступал спокойно, словно рассуждая о научном предмете. Взвешивая доводы «за» и «против», он, казалось, не обращал внимания на присутствующих. Но его слушали с особым вниманием.

— Я не умею и не хочу быть прорицателем, граждане афиняне. Меня не интересует, что болтают о нас за пределами Аттики. И я думаю, что сейчас не время заниматься подсчетами и спорить о чьих-то убытках. Заглянем в суть вещей. Каждый из нас служит отечеству? Служит! Значит, ничего позорного нет, если эта служба будет достойно оценена. Но тогда Перикл непоследователен. Почему же он не предлагает оплачивать труд

остальных магистратов? Ведь они тоже целыми днями заняты, отчего страдают их собственные дела. Как же вознаграждать их труд, чтобы не наносить им ущерба?

Пусть мы найдем сумму, которая удовлетворит всех — что дальше? Не случится ли, что должности, которые теперь почетны, станут просто выгодными? А если так, их начнут домогаться, преследуя корыстные цели. И тот, кто обязан заботиться о государстве, станет думать прежде всего о себе.

И еще. Раб повинуется господину, работник — хозяину. Кто платит, тот приказывает, а кто получает деньги — тот угождает. Не боитесь ли вы, что люди, от вас зависящие, постараются ни в чем не перечить вам, говорить и делать не то, что полезно и правильно, а то, что вам нравится? И кто посмеет сказать вам горькую правду вместо сладкой лжи, если за правду придется расплачиваться?

Вот почему я считаю проект Перикла порочным и опасным для государства. Я охотно верю, что Перикл намерен укрепить наш демократический строй. На самом деле он его подрывает. А потому я обвиняю Перикла и готов клятвенно подтвердить, что его предложение противоречит существующим законам и принесет демосу непоправимый вред.

Народное собрание зашумело. В противозаконии обвинили народного вождя! Значит, аристократы решили идти на риск. Если им удастся доказать справедливость обвинения, положение Перикла станет шатким, и, как знать, возможно, возникнет мысль об ostracismе. Ведь сам же народ настоял на том, чтобы статья о противозаконии имела такую действенную силу.

Формально афинский демос являлся источником закона и права, и считалось, что он может делать абсолютно все, что сочтет нужным. Он существовал сам для себя, не подчиняясь никому, и потому легко мог превратиться в самодержца, в деспота, капризного, своенравного и несправедливого. Афинские законодатели — от Клизфена до Перикла — отлично понимали такую опасность и пытались защитить демократию от нее самой. Потому-то с малых лет каждому жителю Афин внушалось, что истинная добродетель — служение народу и верность законам. Статья о противозаконии предохраняла от анархии, от того, чтобы полнотрапность демоса оборачивалась бесправием отдельных граждан.

Любой свободный афинянин мог предложить Народному собранию реформу. И любой мог объявить ее противозаконной — и во время обсуждения, и даже в течение года после того, как ее приняли. Обвинение рассматривал суд присяжных. Если они не соглашались с противником реформы, она утверждалась эkkлeсией и вступала в действие.

Но обвинитель не оставался безнаказанным — его подвергали штрафу в тысячу драхм, если он не получал одной пятой судебных голосов. После трех подобных неудач его вообще лишали права выступать с обвинениями.

Реформатору же, чьи проекты трижды отвергались как противозаконные, тоже запрещали впредь выступать с предложениями, его штрафовали и могли даже осудить на смертную казнь...

Перикл выиграл схватку, и эkkлeсия приняла новый закон.

Поэтому никого уже не удивило, когда он через короткий срок настоял на том, чтобы оплачивать должности 9 архонтов (по 4 оболы в день) и 6 тысяч членов суда присяжных (по 2 оболы в день — этого хватало на пропитание одного человека). Кроме того, деньги получали эфебы, 1600 городских стрелков, 500 стражников у верфей и 50 на Акрополе, 700 представителей местных властей в Афинах и столько же за их пределами, солдаты гарнизона, тюремная стража, матросы, гребцы.

Для сирот, калек и неспособных к труду выделялось по 1—2 оболы в день. Наконец, на государственный счет воспитывались сыновья тех, кто погиб на войне; достигнув совершеннолетия, они получали бесплатно вооружение. Почти 20 тысяч человек получали при Перикле пособие или жалованье из казны. Пусть эти деньги были добыты от союзников, зато никто не мог упрекнуть Афины, что они не заботятся о своих гражданах. Справедливость не может быть одинаковой для всех — эту мысль афиняне усвоили давно и не подвергали ее сомнению.

Перикла обвиняют в том, что он грабит союзные государства. Что деньги, полученные от них, он тратит не на их защиту, а на нужды афинского народа, на укрепление и украшение города, на празднества. Но разве Афины, возглавившие эллинов и сокрушившие персов, не заслужили этого? Да, праздников у афинян много,

и обходятся они недешево. Поговаривают, что Перикл таким способом покупает симпатии демоса. Наивные люди! Они не понимают, что пышные торжества — это тоже политика. Во-первых, престиж. Пусть все приезжающие в город убеждаются в том, сколь богата и сильна афинская держава. А во-вторых, давно уже пора отказаться от мысли, будто сытый желудок — предел стремлений человека. Быть может, это свойственно отсталым народам или варварам. Но в Афинах, где ведут споры философы, где знаменитые художники, скульпторы, архитекторы создают произведения, отмеченные высочайшим вкусом, где на каждом шагу люди соприкасаются с прекрасным, где даже самый бедный ремесленник знает грамоту, — в этих Афинах народ достоин зрелищ, которые устраиваются для него. Он умеет отдыхать и веселиться, охотно участвует в процессиях во время празднеств и искренне переживает во время представлений.

Правда, посещение спектаклей стоит денег, да к тому же отнимает много времени. Ведь представления длятся три дня — с утра до позднего вечера. Не всякий может позволить себе оторваться надолго от работы, да и не каждый способен раскошелиться. Что ж, значит, и здесь надо пойти навстречу демосу. Интересно, что теперь скажут противники Перикла? О, конечно, они начнут кричать, что он развращает демос, что приучает его к подачкам — и все это во имя необузданного тщеславия, которое никак не может удовлетворить первый стратег.

Перикл, усмехаясь, поднимается с места и направляется к трибуне. Не идет — шествует. Спокойный, уверенный в себе и в том, что демос поддержит его...

Перикл предлагает учредить особую театральную кассу — феорикон. Все желающие (прежде всего мало состоятельные афиняне) будут получать из нее во время праздников по два обола ежедневно — специально для посещения спектаклей.

Государственная казна вполне могла справиться с таким расходом. В конце концов, не так уж часто выступали драматурги перед народом. Постоянного театра в Афинах не существовало. Представления давались всего два раза в год: во время праздников в честь бога Диониса — на так называемых Ленеях (в январе — феврале) и Великих Дионисиях (в марте). Афиняне шли в театр, чтобы не только насладиться зрелищем,

но и вынести оценку произведениям. Театральные дни были днями состязаний, к которым допускались три трагических и три комических поэта. Трагики предлагали по четыре пьесы, объединенные в тетралогия, — три трагедии и одну сатиrowsкую драму, которые исполнялись с утра до середины дня. Вечером зрителям показывали комедию.

К соревнованию допускались только новые пьесы. И тот, кто пропустил спектакль, уже никогда не смог бы увидеть его и познакомиться с пьесой, которая шла всего лишь один раз (но о которой могли помнить многие годы). Лишь на Сельских Дионисиях в богатых районах Атики имели обыкновение ставить старые произведения.

В конце третьего дня состязаний 10 судей (по одному от каждой филы), приносивших клятву, что будут судить по справедливости, определяли, кто из поэтов, актеров и хорегов достоин первого, второго и третьего приза (правда, последний расценивался как провал).

Театральные дни были событием, которого ждали целый год. Театр позволял вырваться из повседневности, окунуться в торжественную, праздничную атмосферу. Он вызывал слезы и улыбки, задавал вопросы, заставлял размышлять, давать оценки. Мифологические сюжеты не мешали драматургам говорить о том, что волновало современников. Комедия же носила в ту эпоху откровенно политический характер. Она высмеивала конкретных деятелей, критиковала различные стороны государственной жизни. Она не щадила никого, даже сам демос, изображая его немощным старцем, падким на лесть, легко становящимся игрушкой в руках демагогов (именно она окончательно скомпрометировала это слово, сделав его синонимом развязного болтуна, обманщика и корыстолюбца, заигрывающего с народом).

Доставалось и Периклу, особенно от поэта Кратина. Его комедии «Фракиянки» и «Хироны» прямо направлены против вождя демоса. Кратин называл Перикла «сыном Зевса и Смуты». Он издевался над сооружением Длинных стен:

Перикл давно уж строит на словах,
а дела не видать.

Насмешки вызвало и предпринятое по инициативе Перикла строительство Одеона — специального здания для соревнований певцов и танцоров.

Актер, изображавший первого стратега, появлялся в чудовищном головном уборе, напоминающем макет Одеона. И зрителям сообщалось:

Вон Зевс идет. А голова — как лук!
И на макушке он свой Одеон несет.
Небось теперь он рад — изгнания страх прошел.

Кратин будет преследовать Перикла до последних дней его жизни. Когда начнется Пелопоннесская война, в комедии «Дионисалександр» он выведет на сцену «первого гражданина» под видом бога Диониса, предводителя козлоногих сатиров. Потом маска сменится, и Перикл превратится в сына троянского царя — Париса, который похищает прекрасную Елену, вызывает войну, а сам прячется, в то время как враги опустошают его отечество.

Вряд ли Перикл оставался равнодушным к подобным нападкам. Но своего недовольства он никак не выражал. Народ смеется над ним? Что с того — ведь это театр. А в собрании? Он по-прежнему одобряет каждое предложение своего вождя. Чего же тогда стоят мелкие укусы!

В 440 году, когда Перикл отправился подавлять восстание на Самосе, его обеспокоенные сторонники решили все-таки ввести строгую цензуру для комедиографов. Постановлением экклесии запрещалось выводить на сцену граждан под их собственными именами. Возвратившись в Афины, Перикл добился отмены этого решения. Он, столько раз уверявший демос, что свобода превыше всего, не мог допустить, чтобы ее ограничивали, даже если ему приходится страдать от этой свободы.

ЭЛЛАДА В ЭЛЛАДЕ

Перикл строил.

Строил энергично, не считаясь с расходами, невзирая на упреки аристократов. Он хотел создать памятник вечной славы Афин и украсить их сооружениями, которые всегда будут напоминать о величии города, спасшего Элладу от порабощения.

Другая цель была более прозаичной, но не менее важной — прокормить праздное население, заняв его производительным трудом. Ведь государство, по мысли Перикла, обязано кормить своих граждан, иначе демократия останется лишь пустым и звонким словом. К тому же средства для этого давали союзники, внесившие фдорос, и благосостоянию самих афинян ничто не угрожало.

«Перикл хотел, чтобы рабочая масса, не несущая военной службы, не была обездолена, но вместе с тем, чтобы она не получала денег в бездействии и праздности.

Поэтому Перикл предоставил народу множество грандиозных проектов сооружений и планов работ, требовавших применения разных ремесел и рассчитанных на долгое время, чтобы остающееся в городе население имело право пользоваться общественными суммами несколько не меньше граждан, находящихся во флоте, в гарнизонах, в походах.

И правда, там, где были материалы: камень, медь, слоновая кость, золото, черное дерево, кипарис; где были ремесленники, обрабатывающие эти материалы: плотники, мастера глиняных изделий, медники, каменотесы, красильщики золота, размягчители слоновой кости, живописцы, эмалировщики, граверы; люди, причастные к перевозке и доставке этих материалов: по морю — крупные торговцы, матросы, кормчие, а по земле — тележные мастера, содержатели лошадей, кучера, крутильщики канатов, веревочники, шорники, строители дорог, рудокопы; где, словно у полководца, имеющего собственную армию, у каждого ремесла была организованная масса низших рабочих, не знавших никакого мастерства, имевшая значение простого орудия при производстве работ, — там эти работы распределяли, сеяли благосостояние» (Плутарх).

В результате, по словам того же Плутарха, «росли здания, грандиозные по величине, неподражаемые по красоте. Все мастера старались друг перед другом отличаться изяществом работы; особенно же удивительна была быстрота исполнения. Сооружения, каждое из которых, как думали, только в течение многих поколений и человеческих жизней с трудом будет доведено до конца, — все они были завершены в цветущий период деятельности одного государственного мужа». По инициативе и под контролем Перикла украшается Акрополь — возводятся Пропилеи, Парфенон, храм Ники Бескрылой.

В короткий срок Афины превращаются в политический, торговый и умственный центр эллинского мира. Отовсюду сюда стекаются уроженцы союзных городов — торговцы, ремесленники, рабочие, моряки, в надежде найти здесь выгодную работу. Приходят лучшие мастера живописи, архитектуры, скульптуры, учить и учиться приезжают философы, находящие в Афинах благодатную

аудиторию. Они проповедуют на улицах, собираются в домах богатых афинян. И почти каждый неизбежно приходит к Периклу.

Его жилище становится магнитом, притягивающим лучшие умы Греции.

С некоторых пор Перикл полюбил свой дом. С того момента, как в нем появилась Аспасия.

Дочь Аксиоха родилась в Милете. Этот город, вызывавший зависть у соседей, славился богатством и могуществом. Ему были обязаны своим возникновением черноморские колонии: Синопа, Кизик, Абидос, Томи, Ольвия. Выходцы из Милета основали и первую греческую колонию в Египте — Навкратис. Еще большую известность принесли ему его ученые. Там жили Фалес, Анаксимандр и Анаксимен, создавшие так называемую милетскую школу — родоначальницу натурфилософии. Там появились первые сочинения крупнейших логографов, предшественников Геродота, — Гекатея, Кадма, Дионисия.

Когда Аспасия поселилась в Афинах, неизвестно. Зато все древние историки единодушны в том, что своим возвышением она обязана сочетанию редкого ума, образованности и обаяния.

Перикла познакомил с ней Сократ в начале 50-х годов. С огромным трудом уговорил он Перикла посетить эту женщину, чьей благосклонности добивались многие из афинян. Перикл колебался. Он давно уже отказался от развлечений, не участвовал в пиршествах друзей. Лишь раз он позволил себе побывать на свадьбе своего родственника и ушел сразу же, как только гости совершили возлияние и приступили к трапезе.

И вот его, крайне осторожного в выборе друзей, привыкшего к одиночеству, Сократ пытался свести с новыми людьми, обещая, что он не пожалеет об этом. Ведь Аспасия принимает у себя умнейших из эллинов и на равных беседует с ними. Даже он сам, Сократ, завидует ее умению спорить и с удовольствием слушает ее.

Может быть, Перикла смущает, что Аспасию называют гетерой? Но разве еще Солон не говорил, что именно гетеры обеспечивают нерушимость брака, избавляя мужей от многочисленных походов? Или Перикл так любит жену, что только в ней находит советчика и друга?

Перикл был равнодушен к жене. Она родила ему двух сыновей — Ксантиппа и Парала, которых он воспи-

тывал вместе с Каллием, ее сыном от первого брака. Верный супружескому долгу, он выполнял все обязанности главы дома, стараясь не показывать, сколь тягостна для него унылая и бесцветная семейная жизнь с бесконечно далекой от него женщиной.

В конце концов нет ничего зазорного, если он станет гостем в доме гетеры. Он свободный человек и волен поступать так, как считает нужным!

Общегреческая мораль и в самом деле узаконивала мужскую неверность. Обычай не запрещал мужьям обзаводиться любовницами, посещать публичные дома. Считалось, что это отнюдь не унижает достоинств ни главы семьи, ни его супруги, чей мир ограничивался стенами ее жилища.

Мужья редко бывали дома. Большую часть времени они проводили на площади, в собрании, суде. Они занимались деловыми операциями, путешествовали, участвовали в спорах, кутежах. Женщина обречена была сидеть взаперти, нередко даже под надзором слуг. На ее долю оставались лишь хозяйственные заботы и воспитание детей. Укрывшись в гинекее (женской половине дома), она даже не выходила к гостям, навещавшим мужа. От нее требовалось немного: послушание, верность и скромность.

В IV веке до н. э. афинский оратор с гордостью скажет: «У нас есть куртизанки для развлечения, любовницы, чтобы о нас заботиться, и жены, чтобы рожать законных детей».

Величайшая слава для женщины, считали афиняне, если о ней вообще не говорят в мужской среде — ни хорошего, ни дурного.

Лишенная политических прав, она не могла выбрать мужа. Браки по любви заключались редко, и судьбу девушки определяли родители. В 15 лет ее обычно сватали за 30-летнего мужчину, и накануне свадьбы она приносила в дар Артемиде куклу.

Опекун (отец или брат) подписывал за нее брачный договор, к нему возвращалась она после развода. Развод осуществлялся по первому желанию мужа: в любой момент он мог отослать жену к опекуну, возвратив приданое и уплатив полтора процента за каждый месяц брачной жизни. Развод по требованию мужа так и назывался «отсылкой». Дети при этом оставались у мужа.

Если же расторгнуть брак хотела женщина (такой

развод именовали «оставлением»), вмешивалось государство: архонт удовлетворял ее требование только в том случае, если она предоставляла убедительные письменные доказательства тяжелых проступков супруга. «Тяжел и труден тот путь, — писал афинский комедиограф Анаксандрид, — по которому приходится идти жене, желающей оставить жилище своего мужа и вернуться назад к отцу. Этот путь не пройти без краски на лице».

Перикл разошелся с женой без особых волнений. С ее согласия он, как опекун, — а для замужней женщины именно муж выступал в этой роли, — сосватал ее, и вскоре в его доме появилась новая хозяйка. С ней пришло то, чего Периклу так долго недоставало, — ощущение счастья и покоя. Его не могло омрачить даже то, что по афинским установлениям такой брак не признавался законным: ведь Аспасия была милетянка, а между Афинами и Милетом не существовало договора об эпигамии (право на брак с иностранцами). Это означало, что дети, рожденные Аспасией, будут лишены гражданских прав. Думал ли Перикл, предлагая несколько лет назад закон, по которому гражданином считался только сын афинянина и афинянки, что все это обернется против него? Кто мог предвидеть, что на Афины обрушится эпидемия, которая унесет в могилу Ксантиппа и Парала, и ему, первому стратегу, руководителю государства, придется слезно вымаливать, чтобы его единственного наследника — Перикла-младшего — Народное собрание признало полноценным гражданином?!

Он добьется этой привилегии — и погубит любимого сына. Ирония судьбы обернется трагедией. Как полноправный афинянин, Перикл-младший успешно сделает карьеру, его изберут стратегом, и в 406 году он примет участие в крупнейшем морском сражении, в котором будет разгромлен пелопоннесский флот. Вместе с другими военачальниками его сначала наградят за блестящую победу, а затем предадут суду за то, что остались непогребенными погибшие воины и не получили помощи матросы на кораблях, разбросанных бурей. И суд приговорит потомка первого гражданина к смертной казни.

Союз Перикла и Аспасии вызвал немало толков в Афинах. Разумеется, никому не возбранялось вступать в связь с гетерами. На женщин подобного сорта давно уже перестали смотреть, как на обычных содержанок, принимающих у себя богатых покровителей. В их обще-

стве эллины находили то, чего были лишены в собственном доме. Свободные, независимые, пренебрегающие многими условностями женщины, поражающие красотой, вкусом и образованностью, собирали вокруг себя художников, поэтов, философов, устраивали диспуты. Нередко они влияли и на политиков, давая советы руководителям государства.

Они служили моделью для скульпторов, и эллины не видели ничего кошунственного в том, что в статуях бессмертных богинь они обнаруживали знакомые черты прославленных гетер. Иногда само государство удостаивало их почестей. Гетеру Леепу замучил пытками сын Писистрата Гипсий. Она умерла, но не призналась, что знала о заговоре Гармония и Аристоклитона, убивших тирана Гиппарха. В память о ней афиняне воздвигли у входа на Акрополь фигуру медной львицы (Леена знает «львица»), лишенной языка.

Но ввести гетеру в свою семью и сделать полноправной хозяйкой дома — это казалось слишком необычным, смелым и предосудительным.

В доме Перикла стало шумно.

Здесь не устраивали кутежей вроде тех, которыми славился Кимон, поражавший сограждан своею щедростью. Сюда приходили беседовать, спорить, обсуждать государственные и даже семейные дела. Когда Сократа спрашивали, как воспитать хорошую жену, он решительно отвечал: «Все это гораздо лучше объяснит Аспасия». Она была душой кружка, объединившего философов, поэтов, художников, ораторов — тех, кто составлял духовную элиту тогдашних Афин. Поговаривали, что она не только учила красноречию, но и помогала Периклу сочинять речи. Ее считали советчицей и наставницей. И нередко, пренебрегая традиционными обычаями, мужья приходили к Периклу, не стыдясь брать с собой жен.

Что-то неуловимо менялось в общественной атмосфере. Об эмансипации женщин, разумеется, еще не помышляли. Но век Просвещения (как позднее назовут эпоху Перикла) начинал уже оказывать свое влияние. На женщину перестают смотреть как на простую служанку, существо низшего сорта. Пробуждается интерес к ее внутреннему миру; поэзия, в которой издавна звучали женоненавистнические ноты, все чаще воспекает человеческие достоинства женщин. Драматурги делают их глав-

ными героинями трагедий. Перед афинским зрителем предстают софокловские Электра и Антигона, еврипидовские Алкеста и Ифигения. Они покоряют величием, нравственной чистотой, мужеством, способностью к самопожертвованию.

Афиняне постепенно приходят к мысли, что женщина заслуживает лучшей участи. Вскоре на это обращают внимание и комедиографы. Феопомп напишет комедию «Женщины-солдаты», а Аристофан — «Лисистрату», «Женщины на празднике Фесмофорий» и «Женщины в народном собрании», где будет насмеяться над стремлением женщин к равноправию. Но даже карикатура не сможет скрыть правды — возросшей умственной зрелости афинянок, их недовольства тем, что они отстранены от общественной жизни. И в течение многих десятилетий для доказательства женской правоты станут приводить в пример ослепительную Аспасию.

Ее репутацию не пошатнут даже издевательские нападки комедиографов, которые именовали ее новой Деянирой (женой Геракла, погубившей могучего героя), Омфалой (лидийской царицей, которой Геракл был продан в рабство). Миронид называл ее блудницей, а Кратин — наложницей:

Геру Распутство рождает ему, наложницу с взглядом
бесстыдным.

Имя Аспасия ей.

Пройдут два десятилетия, и против нее выдвинут более серьезные обвинения. Кроме личной безнравственности, ей припишут еще сводничество, совращение свободных афинянок, которых она якобы зазывала в дом Перикла для любовных утех хозяина. И тогда вспомнят о разговорах, которые велись в кружке: их сочтут слишком опасными для государства и кошунственными по отношению к богам.

Аспасия собирала вокруг себя разных людей. И их речи действительно могли показаться странными. В доме Перикла предпочитали говорить не о богах, а о природе, высмеивали суеверия, доискивались до первоосновы вещей и явлений.

Частыми гостями Перикла и Аспасии были Сократ, историк Фукидид, трагик Софокл, архитектор Гипподам, философ Зенон.

Аспасия ближе познакомила Перикла с софистами,

с которыми всегда спорил Сократ, с успехом, однако, воспринявший их манеру рассуждать и дискутировать.

Слово «софия» означало «мудрость» и прилагалось обычно ко всем видам ремесла и искусства, к тому, что требовало не столько сноровки или физической силы, а разума и вдохновения. Софистом Эсхил называл Прометея, а в гомеровском гимне говорилось, что искусство мудрости изобрел неутомимый и лукавый Гермес.

В отличие от натурфилософов софисты мало занимались изучением природы. Их интересовали не строгие научные законы, управляющие миром, а человек и его практическая деятельность. Моя наука, утверждал Протагор, — «смышленость в домашних делах, умение наилучшим образом управлять своим домом, а также в делах общественных. Благодаря ей можно стать всех сильнее и в поступках, и в речах, касающихся государства. Я делаю людей добрыми гражданами».

Софисты, выражаясь современным языком, развивали теорию познания и закладывали основы научной этики. Они первыми провозгласили, что нет вечных истин, данных богами, что человеческие установления зависят от самих людей и подвержены изменениям. Соглашаясь с Гераклитом в том, что ничего не стоит на месте, Протагор сделал вывод, что относительны не только вещи, но и понятия о них — и нет абсолютного добра, справедливости, истины. Всякое знание относительно — и потому следует доверять чувствам, а не абстрактным домыслам. «Человек есть мера вещей — существующих, что они существуют, несуществующих — что они не существуют».

Сделав человека главным объектом изучения, софисты задумались и над природой человеческого общества, над законами, им управляющими. «Что каждому городу кажется справедливым и похвальным, то и есть для него справедливое и похвальное, пока он так думает», — говорил Протагор. Отсюда неумолимо вытекало, что судить о законах с позиций божественной справедливости по меньшей мере нелепо.

Следующий вывод поражал своей неотразимой логикой. Природа создает всех людей одинаковыми, и только жизнь возвышает одних и обращает в рабство других. «От природы все люди братья, и преграды между ними возвел закон», — скажет Гиппий из Элиды. А если это так, то рабство безнравственно и достойно осуждения.

Обратившись к духовному миру человека, софисты сознательно отказались от занятий натурфилософией. Поскольку всякое знание относительно и в суть вещей проникнуть невозможно, надо вообще отказаться от исследования природы, как занятия бесплодного и бессмысленного. Самое важное — научить человека правильно мыслить и действовать:

Впервые софисты высказали мысль, что добродетель прививается людям, а не дается от рождения; что добро надо делать не из страха перед карой богов или общественным мнением, а только потому, что оно добро; что цель наказания — не месть за совершенное, а исправление преступника.

В спорах софисты не имеют себе равных. И их умение построить речь, опровергнуть аргументы соперника привлекает к ним слушателей и учеников. Риторика становится наукой. В Сицилии Эмпедокл создает основы теории красноречия. Появляются первые учебники риторики. Протагор занимается грамматикой: он впервые различает части речи, вводит понятие рода существительных, времени и наклонения глаголов, изобретает грамматические термины, которыми пользуются и поныне.

Перикл относится к софистам с любопытством и настроенностью. Его смущает, что они с такой легкостью опровергают привычные представления и доходят даже до того, что отрицают существование олимпийских богов. Но мысль о добродетели, о гармонии среди людей и ему кажется справедливой. И разве не к этому направлены его стремления? Разве не очевидно всем, что в Афинах установился мир и порядок, исчезли раздоры среди граждан и свободные афиняне имеют возможность существовать безбедно, получать врачебную помощь, посещать театр, обучаться в гимназиях и наслаждаться произведениями искусства?

Различные сплаты и вознаграждения и в самом деле смягчили остроту противоречий между различными слоями демоса, хотя отнюдь не ликвидировали бедность. Перикл воспользовался еще одним способом, который стал возможен благодаря гегемонии Афин. На землях Афинского союза организовывались военно-земледельческие поселения — клерухии. Представители низшего, четвертого класса получали на территории союзников земельные наделы, иногда даже основывали колонии, и одновременно контролировали окрестные районы. И нашлось

не так уж мало жителей, которые охотно покинули Афины, надеясь разбогатеть на новых местах. Около тысячи человек отправилось во Фракию, 500 — на остров Наксос, 250 — на остров Андрос, 600 — в Синопу.

Смысл этой политики четко определил Плутарх: Перикл «руководствовался желанием освободить город от ничего не делающей и вследствие праздности беспокойной толпы и в то же время помочь бедным людям, а также держать союзников под страхом и наблюдением, чтобы предотвратить их попытки к восстанию, поселяя афинских граждан подле них».

Афинская демократия утверждала себя с помощью силы. Она не скрывала того, что являлась демократией избранных. Но она еще была демократией рабовладельческой.

Рабы! Вечный источник беспокойства в греческих полисах! Перикл убежден: в Афинах им нечего жаловаться на судьбу. Афинян даже упрекают, что они слишком избаловали рабов. Но он, Перикл, вовсе не хочет, чтобы Афины, подобно Спарте, превратились в вулкан, в любой момент грозный извержением.

Рабов в Афинах много, гораздо больше, чем свободных. Их покупают на невольничьих рынках, захватывают на войне, во время пиратских набегов. Есть и такие, кто родился и вырос в доме хозяина. Используют их повсюду: в ремесленных мастерских, на строительстве, в рудниках и каменоломнях. Часть рабов принадлежит государству. Подметальщики следят за чистотой на улицах, 1200 скифских стрелков охраняют порядок в городе. Рабы служат писцами, секретарями, ведут дела храмовых и государственных архивов. Для особых работ их нанимают у частных лиц и платят им столько же, сколько свободным (правда, деньги получает хозяин).

Повсюду господина сопровождает слуга. Появиться без него просто неприлично. Как правило, у рядового афинянина — один-два раба. Если их нет — это признак крайней нищеты.

Домашнее хозяйство ведется руками рабов. Они пекут хлеб, ткут, прядут, вышивают, покупают продукты на рынке, готовят пищу. Няньки, кормилицы, воспитатели занимаются детьми. Рабам доверяют даже управление имениями и крупные торговые операции.

Эллины среди них редки. В основном рабы родом из «варварских» стран — Фракии, Фригии, Лидии, Пафла-

гонии, Сирии, из Северного Причерноморья. Но они быстро усваивают язык греков, их нравы и обычаи.

Теоретически раб абсолютно бесправен и рассматривается как вещь. «Говорящим орудием» назовет его позднее Аристотель. Рабу не разрешалось иметь семью, имущество, поскольку он полностью принадлежал господину. Но собственность оберегалась. И никто не мог безнаказанно расправиться с чужим рабом — ведь это наносило ущерб его владельцу. Да и сам хозяин не волен был поступать с рабом, как ему вздумается. Афинский закон карал за убийство раба или жестокое обращение с ним. Раб имел право укрыться в храме, отдав себя под защиту богов, и требовать, чтобы его продали другому господину.

Рабы участвовали в религиозных церемониях, посещали театральные представления. В исключительных случаях к ним обращались за помощью, и они сражались вместе с гражданами, как это было при Марафоне.

Внешне они ничем не отличались от остального населения (кроме беглых, носивших клеймо). Один из противников демократии с раздражением заметит, что «очень велика в Афинах распущенность рабов и метеков; нельзя тут побить раба, и он перед тобой не постыдится. Если бы позволялось свободному бить раба, метека или вольноотпущенника, часто били бы афинянина, приняв его за раба, потому что и по одежде, и по внешнему виду народ тут несколько не лучше, чем рабы и метеки».

При всем том, однако, несмотря на откровения софистов, не возникало и не могло возникнуть мысли об уничтожении рабства. Афиняне мечтали о богатстве. О том, чтобы избавиться от тягот изнурительного труда. Для этого нужны были союзники, которые платят дань. Нужны были рабы.

Успешные военные походы, карательные экспедиции против восставших союзников резко увеличили приток рабов. Стоили они недорого — 2—2½ мины (мина равнялась 100 драхам, а драхма — 6 оболам). Квалифицированных ремесленников продавали за 3—4 мины. За особо талантливых, искусных и высокообразованных рабов платили по 10—15 мин. Жизнь в Афинах в ту пору была дешевой. Человек мог прокормиться на 1 обол в день. 1 обол стоил козленок или заяц, 2 драхмы — овца, 5 драхм — теленок или свинья. За 8 драхм покупали красивую обувь, за 12 — плащ (хламиду), 3 мины стоила

колесница. Ежедневный же чистый доход от раба составлял 1 обол, так что затраты полностью окупались за 2—2½ года. Еще большую прибыль хозяин получал, сдавая рабов в наем. Естественно, рабовладельцы старались возместить свои расходы как можно быстрее, выжимая из рабов максимум возможного. И никакие меры, облегчавшие участь рабов, не могли изменить того непреложного факта, что рабов подвергали нещадной эксплуатации. А это значит, что в государстве постоянно существовал обширный слой людей, недовольных своим положением.

Протестовали они? Боролись ли против угнетения?

Разрозненные, лишённые возможности объединиться, рабы не могли в тогдашних Афинах поднять восстание. Их протест выражался в иных формах — в бегстве, отлынивании от работы, порче орудий.

Раб — «говорящее орудие». Но, имея дело с животными и инструментами, раб на них вымещает свою ненависть, как бы давая им почувствовать, что он все-таки человек. «Дурно обращаясь с ними, — замечает К. Маркс в «Капитале», — и со сладострастием подвергая их порче, он достигает сознания своего отличия от них. Поэтому экономический принцип такого способа производства — применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее всего подвергаются порче».

Гегемония на море, огромная военная добыча, обильная дань союзников, широкое развитие ремесла и торговли — вот на чем строилось благополучие Афин V века до н. э. В «Капитале» К. Маркс объяснил причины их расцвета: «Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство... представляют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная... общинная собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени».

Режим, основанный на рабстве, нес в себе неизлечимую болезнь. Рост рабовладения тормозил развитие науки и техники. Более дешевый рабский труд неизбежно вытеснял труд свободных. Усиливалось презрение к труду, как к занятию, недостойному гражданина. Все более

широкие слои общества проникались паразитической психологией.

Перикл добивался того, чтобы государство не испытывало нужды ни в денежных средствах, ни в рабах. Он выполнял требования демоса, которые ему, сыну своего времени, были понятны и близки. Задумывался ли он, какой ценой куплено это благополучие, за счет чего могло существовать то самое государство, которое гордо именovalo себя «Элладой в Элладе»?

ЦЕНА ПОБЕД

Корабли плыли на восток, к берегам Ионии. Восстал остров Самос, один из немногих союзников Афин, сохранявших автономию. Теперь он вышел из повиновения, разгромил соседний Милет, не поделив с ним города Приены, и отказался от посредничества Афин, пытавшихся выступить в роли третейского судьи. Самосцы не доверяли объективности суда, тем более что Аспасия была родом из Милета и уж, конечно, не дала бы свой город в обиду.

Пример Самоса оказался заразительным. Вскоре отложился Византий, города Халкидики стали высказывать недовольство и требовать автономии. Восстание ширилось

и ставило под угрозу господство Афин в проливах и у берегов Малой Азии.

Перикл решил сам возглавить поход. С 40 кораблями он подошел к Самосу, свергнул аристократическую партию, стоявшую у власти, оставил гарнизон, взял 100 заложников, которых перевез на остров Лемнос, и через несколько дней двинулся в обратный путь, отказавшись от выкупа в 10 тысяч золотых, предложенного персами.

Он поторопился и недооценил соперника. Аристократы, бежавшие на материк, легко сговорились с персидским сатрапом Писсунфом, который дал им отряд из 700 человек, и ночью возвратились на родину. Демократы не удержались у власти, афинский гарнизон попал в плен, а должностных лиц выдали Писсунфу, предварительно освободив заложников с Лемноса.

Один из самых могущественных союзников стал опаснейшим врагом. Самосцы располагали флотом, им помогали персы; они искали поддержку даже у Спарты. Правда, этому воспрепятствовали коринфяне, заявившие, что нельзя вмешиваться в распри внутри Афинского союза, ибо каждый имеет право наказывать своих союзников.

И вновь двинулись афинские триеры. Во главе флота из 60 кораблей стояли 10 стратегов, которыми командовал Перикл. Битва произошла у небольшого острова между Самосом и Милетом, и самосский флот потерпел поражение. Правда, самосцы пробились сквозь строй афинских кораблей и добрались до гавани, но афиняне преследовали их по пятам и заперли все выходы из порта. Получив еще 65 кораблей в подкрепление, Перикл высадился на острове и приступил к осаде города. С трех сторон афиняне возвели стены и окружили его с суши; с моря же его блокировал флот.

Положение самосцев казалось безнадежным. Надеяться на то, что они смогут выдержать осаду, не приходилось. Оставалось рассчитывать на милость богов и случайную помощь. И боги снизошли к их мольбам. В лагерь Перикла пришло известие, что на выручку к Самосу движется финикийский флот. Словно подтверждая это сообщение, 5 самосских кораблей, прорвав блокаду, ринулись в открытое море навстречу спасителям. Приказав продолжать осаду, Перикл устремился с 60 ко-

раблями к берегам Карики, чтобы там, подальше от мятежного острова, встретить противника. Он бороздил прибрежные воды и терпеливо ждал. Финикийцы не появлялись.

Но самосцы уже воспрянули духом. Их стратег Мелисс уговорил сограждан вступить в схватку с афинянами. Неожиданно совершив вылазку, осажденные потопили сторожевые суда, отогнали афинян от острова и в течение двух недель беспрепятственно плавали по морю, запасаясь оружием и провиантом. Пленным афинянам они ставили на лбу клеймо в виде совы — в отместку за то, что афиняне клеймили самосцев, выжигая изображение корабля.

Возвратившись, Перикл возобновил осаду. Из Афин прибыли новые стратеги с подкреплением; кроме того, Хиос и Лесбос прислали еще 30 кораблей. Почти 200 судов были брошены против непокорного острова, отрезанного от остального мира. Девять месяцев сопротивлялись мятежники, выдерживая голод и отчаянно пытаясь защитить стены, которые разрушали осадные орудия, усовершенствованные искусным механиком Артемоном. Перикл не спешил идти на штурм. Он предпочитал тратить время и деньги, но не рисковать жизнью воинов. Но афиняне рвались в бой, и удерживать их становилось все труднее. Тогда Перикл разделил войско на восемь отрядов и, регулярно бросая жребий, стал определять, кому из них отдыхать, пока остальные занимаются ратными трудами.

В 439 году Самос сдался. Перикл разрушил стены города, отнял все корабли, взял заложников и наложил крупную контрибуцию. Вслед за Самосом покорился Византий, смирились и города Халкидики. Афиняне обошлись с ними довольно милостиво, ограничившись лишь увеличением дани. Карийские же города остались безнаказанными: из 40 полисов, плативших фдорос до 440 года, сохранили верность Афинам только 29.

Возвратившись на родину, Перикл устроил торжественные похороны павших воинов и произнес блестящую надгробную речь. «Когда он сходил с кафедры, все женщины приветствовали его, надевали на него венки и ленты, как на победителя на всенародных играх» (Плутарх). Сам Перикл гордился своей победой. Подобно Агамемнону он сражался против сильнейшего государства Ионии, только тому, чтобы сокрушить Трою, пона-

добилось 10 лет, а ему, чтобы покорить Самос, — всего 9 месяцев.

Восстание было подавлено, морское владычество восстановлено. Пришел час продемонстрировать союзникам не только силу, но и добрые намерения Афин. В 437 году Перикл во главе могучей эскадры отправляется в далекое плавание к берегам Понта Евксинского.

Связи с черноморскими землями существовали издавна. Аттика питалась хлебом, доставлявшимся главным образом из стран Понта. Оттуда же привозили рыбу, лен, пеньку, смолу, шкуры, воск, строевой лес, мед, рабов, а из Афин отправляли предметы роскоши, масло, глиняную посуду. Перикл намеревался укрепить связи с далекими районами, оказать поддержку местным грекам-колонистам и показать всем, сколь велика мощь Афинской державы. «Он сделал для эллинских городов все, что им было нужно, и отнесся к ним дружелюбно. Окрестным же варварским народам, их царям и правителям он показал великую мощь, неустрашимость, смелость афинян, которые плывут, куда хотят, и все море держат в своей власти» (Плутарх).

Корабли торжественно двигались мимо островов Эгейского моря. Здесь все было привычно и спокойно. Союзники исправно вносили фдорос, никто как будто не помышлял больше об автономии или о реставрации старых олигархических режимов. Здесь были владения Афин, где они ощущали себя полновластными хозяевами. Суда проплыли Геллеспонт, и Перикл лишний раз убедился, насколько дальновиден он был, укрепляя опорные пункты на берегах пролива, отправляя сюда гарнизоны и поселяя клерухов. Владея проливами, Афины могли беспрепятственно торговать со странами Понта, не опасаясь конкуренции пелопоннесских городов. А сторожевые отряды вместе с афинскими колонистами и поселенцами в любой момент готовы были защитить демократические порядки в союзных полисах, если спартанцы возобновят свои враждебные происки.

Перикл искал новых союзников. Он хотел застраховать Афины от малейших случайностей. И он рвался в Понт. Пусть никто не говорит, что Афины вновь кого-то пытаются поработить или установить тиранию! Он не намерен захватывать чьи-то земли, вмешиваться в дела чужих народов и государств. Он несет с собой мир и предлагает союз тем, кого, по укоренившейся привычке,

именуют «варварами», в которых он, однако, видит достойных и равных партнеров. Другое дело, если к нему обратятся за помощью — Афины всегда готовы взвалить на себя нелегкое бремя и защитить тех, кто нуждается в их покровительстве.

Афинский флот подошел к Синопе. В этой старой цветущей колонии Милета на пафлагонском берегу Понта давно уже правили тираны, которых поддерживали персы. Подчинив местных эллинов, они прибрали к рукам и власть, и обширные земли. Просили ли жители Синопы о помощи, неизвестно. Быть может, запуганные деспотом Тимесилаем, они лишь с тайной надеждой глядели на приближающиеся суда, не рискуя открыто ликовать. Так или иначе, Перикл не мог равнодушно проплыть мимо, оставив греков в беде. Военский отряд и 13 кораблей под командованием Ламаха справились со своей задачей молниеносно. Тиран был свергнут, управление перешло в руки городского Совета, граждане стали избирать суд присяжных, наподобие афинской гелии. Позднее Перикл предложил еkkлeсии отправить в Синопу 600 клерухов, которые вместе с местными жителями поделили земли и дома, принадлежавшие тиранам.

Такой же демократический переворот Перикл произвел в Амисе, изгнав каппадокийского правителя. И сюда вскоре потянулись афинские клерухи, давшие городу другое название — Пирей.

Эскадра Перикла дошла до Кавказского побережья. Куда она двинулась дальше, исследователям установить не удалось. Возможно, она достигла и берегов Крыма. Во всяком случае, по странному совпадению, именно в 438—437 годах в Боспорском царстве сменяются правители, и к власти приходит Спарток, основатель династии Спартокидов, с которыми у Афин устанавливаются самые дружественные отношения.

В том же году афиняне закрепляются на Фракийском побережье, в устье реки Стримона. На месте поселения, именовавшегося «Девять дорог» (здесь скрещивались пути, идущие от моря в глубь Фракии, от Геллеспонта к Македонии), возник город, получивший название Амфиполь.

В Афины Перикл возвратился удовлетворенным. Он был спокоен и уверен, что благосостоянию державы ничто не угрожает. Союзники покорны и не проявляют признаков недовольства, хотя ежегодные взносы возросли

с 460 до 600 талантов. Его обвиняли в том, что он разорит государственную казну, а она постоянно крепнет. В 435 году сокровища, собранные на Акрополе, составили сумму в 9700 талантов. И это несмотря на все раздачи, пышные празднества и постройк!

Деньги текли рекой — по тысяче талантов каждый год. Доходы приносили:

— государственные имущества, сдававшиеся в аренду (рудники, каменоломни, поля, леса, оливковые плантации, рыбные и соляные промыслы, общественные здания);

— прямой налог: на рабов (по 3 обола за каждого),
с метеков (по 12 драхм);

— косвенные налоги — пошлины с предметов ввоза и вывоза (2 процента стоимости товаров), портовые и рыночные сборы;

— штрафы и судебные сборы;

— форос: его вносили весной, во время Великих Дионисий. Кроме того, к Великим Панафинеям союзники, колонисты и клерухи отправляли быка и пару овец — как символ единства с Афинами;

— общественные повинности (литургии), особенно триерархия и хорегия. Их исполняли ежегодно около 60 граждан, чье состояние оценивалось не меньше чем в 3 таланта.

В комедии «Осы», поставленной в 422 году, Аристофан писал:

Разочти-ка сперва приблизительно мне, не на счетах, а просто на пальцах, сколько подати к нам ото всех городов, если все сосчитать, Да прибавь-ка сюда все налоги еще, да доход двухпроцентный с привоза, Да с базаров, с суда, рудников, пристаней, да с аренд и народных имуществ. Всех доходов таких приблизительно мы до двух тысяч талантов имеем.

Государственные деньги хранились в Парфеноне — их защищала сама Афина. У покровительницы же города была своя священная казна, пополнявшаяся за счет даров, отчислений от форо́са ($1/60$) и конфискованных имуществ ($1/10$). В 435 году возникла общая казна остальных богов, куда поступали доходы от храмов. И боги не раз выручали афинян, бравших в долг деньги из их каз-

ны, особенно при непредвиденных расходах. Осада Само-са, например, обошлась в 1 тысячу, а строительство Про-пилей — в 2 тысячи талантов.

Но Перикла не смущали затраты. В конце концов, разве не добивался он того, чтобы государство заботилось о процветании всего города и его граждан? И разве благодаря общественным работам, раздачам, жалованью, клерухиям не достигнуто то, чего не смог осуществить даже мудрейший Солон, — благосостояние каждой афинской семьи? Кто посмеет утверждать, что в Афинах сохранились нищие или бедняки, брошенные на произвол судьбы? Он, Перикл, покончил с этим злом, не трогая богачей и не покушаясь на их имущество. Может, потому-то прекратились раздоры и утихло недовольство беспокорных афинян? Они приобрели мир и полноправие. Чего же еще требовать от государства, столь щедро помогающего им?

Экономный и расчетливый Перикл спокойно тратил огромные суммы на нужды города и сограждан:

- на общественные сооружения: городские стены, верфи, дороги, арсеналы, водопроводы, храмы, театры, статуи, почетные декреты;

- на пособия и раздачи неспособным к труду и малоимущим — тем, чье состояние не превышало 3 мин (300 драм);

- на празднества, которых нигде в мире столько не проводили, сколько в Афинах (до 60 праздников в год!); на жертвоприношения, награды победителям состязаний, священные посольства;

- на оплату должностных лиц и награды за безупречную службу или особые заслуги;

- на организацию театральных представлений и феорикон;

- на строительство кораблей и доставку военных материалов;

- на содержание войска и гарнизонов, вооружение беднейших граждан и метеков.

Ни один полис не выдержал бы подобных расходов. Но ни один не располагал и такими богатствами, как Афины, «блестящие, фиалковенчаные, воспетые, славные Афины, опора Эллады, божественный город».

Корабли беспрестанно плавали в Эгейском море, не опасаясь ни персов, ни пиратов. Сотни судов заходили в Пирей, привозя товары из дальних стран. И все это

благодаря морскому могуществу, начало которому положил Фемистокл, а он, Перикл, еще более укрепил.

«Нет такого государства, которое не нуждалось бы в привозе или вывозе чего-нибудь. Ни того, ни другого у него не будет, если оно не станет подчиняться хозяевам моря. Властителям моря можно делать то, что только иногда удается властителям суши, — опустошать землю более сильных... Властителям моря можно предпринять плавание как угодно далеко от родины, а войску сухопутной державы нельзя отойти от своей земли на расстояние многих дней пути, так как невозможно надолго запастись провиантом... От неурожая сухопутные державы серьезно страдают, морские же переносят легко, добывая все необходимое из мест, которые не пострадали...

Афиняне благодаря владычеству над морем завели у себя разные способы угощения. Всякие вкусные вещи, какие только есть в Сицилии, Италии, на Кипре, в Египте, Лидии, Понте, Пелопоннесе или где-нибудь в другом месте, — все это собралось в одном месте благодаря господству на море.

Из эллинов и варваров одни афиняне могут иметь богатство. Ведь если какой-нибудь город богат корабельным лесом, куда он сбудет его без согласия хозяев моря? Если какой-нибудь город богат железом, медью или льном, куда он будет сбывать это, если не получит согласия тех, кто владычествует над морем? А из всего этого и создаются корабли; от одного приходит лес, от другого — железо, от третьего — медь, от четвертого — лен, от пятого — воск» (Псевдоксенофонт).

«Сколько добра для людей прибывает сюда на черном корабле! — восклицал комический поэт Гермипп. — Из Кирены — шкуры быков, из Геллеспонта — скумбрия и разнообразная соленая рыба, из Фессалии — зерно и бычьи ребра, сиракузяне доставляют свиней и сыр, из Сирии привозят ладан, из Египта — подвесные паруса и панирус, с Крита — кипарисовые деревья... из Ливии — слоновую кость, с Родоса — изюм и фиги, из Евбеи — груши, овец и баранов, из Фригии — рабов, из Пафлагонии — миндаль и желуди, из Финикии — пшеницу и плоды пальм, из Карфагена — ковры и пестрые подушки».

На набережной эмпория всегда многолюдно и шумно. Здесь подлинный центр международной торговли. «В Пирее, в этом общем эмпории Эллады, встречается множество

людей», — замечает античный оратор. «В центре Эллады был сооружен эмпорий — Пирей, и Афины имели такое изобилие, что те товары, которые трудно было достать каждому отдельно, здесь... было легко получить», — вторит ему другой.

В Дигме — так назывался этот центр — купцы выставляли образцы своих товаров, трапезиты и ростовщики давали суды под залог товаров и кораблей, брали на хранение деньги. Сюда стекались толпы жадных до новостей афинян, вопрошавших всех прибывающих: «Что нового?» Здесь узнавали о ценах на продукты на рынках Средиземного и Черного морей, о кораблекрушениях, о ссорах, неудачных сделках, о чудесах и знамениях, о правах и обычаях далеких стран.

В эмпории находились гостиницы, постоянные дворы, харчевни, кабаки, увеселительные заведения, публичные дома. Над ними висели заманчивые вывески — каждый хозяин стремился привлечь гостей.

Пирей был местом знакомств и сделок. Но сюда приходили и ораторы, философы, писатели. Здесь основывали школы врачи. Многие афиняне стремились иметь дом не только в городе, но и в Пирее, где они могли принимать чужеземцев, завязывать политические и деловые связи.

Перикл любил бродить в шумной пирейской толпе. С гордостью поглядывал он на обширную гавань, ряды лавок и хлебных магазинов, считая своей заслугой создание этого порта. Именно по его настоянию Гипподам Милетский впервые осуществил в Пирее строгий план строительства города, непохожего на обычные полисы, — с широкими улицами, пересекающимися под прямым углом и ведущими к центральной площади, названной «агорой Гипподама».

В аристофановских «Птицах» один из героев комедии предлагает проект города, весьма напоминающий план Пирея:

Здесь в центре будет рынок. К рынку улицы
Пойдут прямые. Так лучи расходятся,
Сверкая, от звезды. Звезда округлая,
Лучи прямые.

Сюда, на «агору Гипподама», в случае военной тревоги, по первому сигналу собирались граждане Афин и Пирея с оружием в руках. На этой же площади выставляли почетные декреты в честь граждан или иностранцев, оказавших услуги Афинскому государству.

В Пирее жили главным образом рыбаки, ремесленники, беднота, искавшая заработка. Здесь селились метеки, вольноотпущенники, занимавшиеся мелочной торговлей. Бедняки работали грузчиками, носильщиками, продавали воду на пристани; многие оказывали услуги иностранцам. На верфях находили себе занятие плотники, оружейники, гребцы. Не случайно афинские аристократы презрительно именовали население Пирея «корабельной чернью», о которой позднее Аристотель скажет, что она, «бывшая виновницей Саламинской победы и потому виновницей гегемонии и морского могущества Афин, укрепила демократию».

* * *

Глядя на богатство Пирея, воочию убеждаясь в могуществе Афин, достигнутом его усилиями, Перикл мог чувствовать себя удовлетворенным. Потому-то его тянуло в эту разношерстную толпу, где смешивались различные языки и наречия, где жизнь была ключом. Он навещал своего старого друга Кефала, богатого сиракузского предпринимателя, которого Перикл уговорил переехать в Афины. Кефал приобрел дом в Пирее, владел мастерской, изготавливавшей щиты, и десятками рабов. Благодаря Периклу ему, метеку, предоставили особые привилегии: освободили от ряда повинностей, разрешили владеть недвижимостью (право, которого обычно метеки были лишены).

Будучи образованным человеком, Кефал гостеприимно принимал у себя философов, политиков, ораторов. У него собирались софисты, часто бывал Сократ, под влиянием которого старший сын Кефала стал заниматься философией.

Перикл не участвовал в научных спорах и обычно молчал, наблюдая за тем, как состязаются в словесных поединках софисты.

Этих людей он понимал с трудом. Не в том дело, что они брали плату за свои уроки и тем самым, как считали афиняне, порочили доброе имя свободного гражданина. И не потому настораживали они, что в их речах многое казалось чересчур необычным, смелым, а порой кощунственным. Перикл вовсе не склонен был испытывать к ним то недоверие и подозрительность, которых не скрывало большинство афинян. Он знал, что нередко

малограмотными людьми движет чувство страха и зависти к тем, кого отличают изысканный ум и образованность.

Но многое и ему казалось странным. Он никак не мог уяснить, зачем нужны бесконечные дискуссии, в которых смысл и суть вещей утрачиваются и все сводится лишь к блестящему, но пустому жонглированию словами. С одинаковой легкостью софисты доказывали прямо противоположные истины, а в конечном счете отрицали существование истины вообще.

Кефал успокаивал друга:

— Ты напрасно принимаешь все так близко к сердцу, Перикл. И к тому же, по-моему, ты просто несправедлив к учителям мудрости. А ведь они — твои союзники.

— Ну уж нет, Кефал. Ты отлично знаешь, что я не приглашаю их в свой дом и не обращаюсь к ним за советом.

— И все же это так. Вот тебя называют первым гражданином, советчиком демоса. Даже поэты, которые отпускают язвительные шутки в твой адрес, сравнивают тебя не с кем-нибудь, а с самим Зевсом. За что?

— Наверное, за то, что я помогаю демосу.

— Э, нет, не скромничай! Ты руководишь им, как бы ни старался остаться незаметным. А кто научил тебя управлять государством?

— Разве жизнь — плохая школа, Кефал? Или годы войны с варварами и схваток с Ареопагом ничему не научили?

— Тебя — да. А других? Ты великий политик, Перикл, но ты один. А кто в силах заменить тебя?

— Но я и делаю все, чтобы каждый гражданин мог руководить страной — ведь именно в этом смысл нашей демократии.

— И ты всерьез полагаешь, будто для этого достаточно быть просто честным патриотом? Что хватит одного лишь здравого смысла и чистой совести, чтобы решать дела в Совете и гелиее?

— Я не спорю, конечно, нужно кое-что знать и уметь.

— Вот-вот! Политика — и ты сам тому лучший пример — требует и гибкости, и смелости, и осторожности, и расчета. Это трудная наука. А кто первый приравнял

ее к науке? Представь себе, именно софисты, которых ты так недолюбливаешь.

— Странно, во времена Фемистокла как-то обходились без такого понятия.

— Верно, но тогда демос еще не был хозяином. А сейчас стал, и ты, между прочим, один из виновников этого.

— Ты меня упрекаешь?

— Наоборот, хвалю, только... не поспешил ли ты?

— Никогда не рано дать свободу тем, кто ее достоин.

— Красивые слова, Перикл. Но ведь ты вложил оружие в руки тех, кто не умеет им пользоваться.

— В эkkлeсии и гелиее может выступать каждый.

— Ты хочешь сказать, имеет право? Разумеется. Но не всякий умеет это делать.

— По-моему, и так в наших судах говорят слишком много.

— Что ж удивляться? Разве мы, эллины, не ценили издавна красивые речи? Вспомни Гомера — к хорошему оратору он относился с таким же почтением, как к доблестному воину. Только раньше красноречие считали даром богов, а нынче ему обучаются у софистов. Ведь именно они создали целую науку об ораторском искусстве и назвали ее риторикой. Или ты стал опасаться красноречия?

— Я боюсь потока слов, в котором исчезает истина. Я слышу, как юнцы повторяют слова Протагора, что о каждом предмете можно высказать два мнения и с одинаковым успехом доказать их. И я вижу, как в судах искусные ораторы называют черное белым, сбивают с толку демос, заботясь не о правде, а о выгоде для себя. Ты говоришь об учениках софистов. Да, они толпами ходят за своими наставниками. Только к чему они стремятся? Стать образованными людьми, философами? Нет, они хотят делать карьеру с помощью ораторской трибуны. Прав Сократ: софисты изображают слабое сильным; и чем несправедливей дело, тем искусней должен быть оратор, чтоб защитить его. Поэтому я и утверждаю: софисты развращают молодежь, которая благодаря их науке привыкла во всем сомневаться, ни во что не верить и никого не почитать.

— Прости, Перикл, но наука не виновата в том, что ее используют для нечестивых целей. Ведь и добро может породить зло. Тебе не нравятся сомневающиеся?

Но не забывай: прежде чем сомневаться, люди думают. Разве одно не стоит другого?

— Цена слишком высока.

— Боги ничего не дают безвозмездно. Впрочем, люди тоже. Приобретая, мы одновременно теряем. Афиняны зовут болтунами и сутягами. Даже Сократ, мудрейший из мудрых, утверждает, что ты, Перикл, сделал их бездельниками и корыстолюбцами, привыкшими жить за счет казны. А ведь это результат твоих реформ, без которых, увы, не было бы и демократии. Вспомни Гераклита из Эфеса, прозванного Темным. Добро и зло едины, противоположное сходится, и все течет, ничто не стоит на месте.

— К сожалению. О, если б я мог остановить время, Кефал!

— Боюсь, это не под силу самим «бессмертным».

Остановить время, задержать неумолимый ход событий, который выходил из-под контроля, — об этом все чаще думал Перикл. Государство процветало, Афины достигли наивысшего могущества. Что ждет их в будущем? Войны? Этого Перикл не опасался. Опасность таилась внутри. Он замечал признаки болезни, разъедавшей общество, и чувствовал свое бессилие перед ней.

Беспокоила молодежь, поклонявшаяся софистам и старательно усваивавшая их манеру спорить и опровергать устоявшиеся истины. Особенно встревожился Перикл после разговора со своим племянником Алкивиадом, когда этот самонадеянный юнец поставил его, опытного, умудренного политика, в тупик.

Перикл развивал перед ним мысль о том, какими должны быть законы, чтобы государство процветало и народ чувствовал себя уверенно.

— Не объяснишь ли ты мне, Перикл, что же такое закон? — спросил насмешливо Алкивиад.

— О, это совсем несложно, — простодушно ответил человек, стоявший во главе государства. — Закон — это все то, что народ, собравшись вместе, постановит и письменно изложит относительно того, что следует и чего не следует делать.

— Исходя при этом из того, что нужно творить добро или зло?

— Клянусь Зевсом, юноша, конечно, добро!

— Хорошо. Ну, а если сойдется на собрание, чтобы

вынести постановление, не весь народ, а только часть, как это бывает там, где у власти стоят олигархи?

— Все, что постановит высшая власть в государстве относительно образа действия людей, называется законом.

— Значит, если тиран захватит власть и станет предписывать гражданам, что им надлежит делать, — это тоже следует считать законом? Или, ты полагаешь, руководителю государства, если он тиран, можно не подчиняться?

— Да нет, куда тиран у власти, его предписания тоже закон.

— Так что же тогда является насилием и беззаконием? — рассмеялся Алкивиад. — Представь себе, что тот, кто сильнее, притесняет более слабого и заставляет его не убеждением, а силой делать то, что ему угодно. Как это назвать?

Перикл задумался на мгновение, но все же решительно произнес:

— Да, я согласен: это действительно беззаконие.

Алкивиад торжествовал.

— А разве тиран убеждает граждан? Он просто приказывает и принуждает людей подчиняться его приказам. Следовательно, это насилие и беззаконие.

— Пожалуй, ты прав, — вздохнул Перикл. — Я беру назад свои слова о законности действий тирана.

— О, погоди. Тогда пойдем дальше. Вот немногие решают судьбу большинства, прибегая не к убеждению, а к насилию. Это что?

— Я понял тебя, Алкивиад. Все, к чему один принуждает другого, предварительно не убедив его, по моему мнению, насилие, а не закон, независимо от того, изложено это в письменной форме или нет.

— Ну вот мы и добрались до самого главного. Если верно все, что ты говоришь, то разве не будет насилием, а не законом такое положение, когда собравшийся народ, имеющий власть над остальным меньшинством, выносит решения, не убеждая никого в их правильности?

— Пожалуй, так, — неохотно согласился Перикл, едва скрывая раздражение.

Его злило не то, что искусственный в софистике племянник запутал, казалось бы, самые очевидные вещи. Перикл чувствовал, какую опасность таят подобные рассуждения. Он и его поколение привыкли считать госу-

дарство высшим судьей, а благо его — смыслом своего существования. Для них закон и справедливость были едины, и они верили, что возможен абсолютный, справедливый закон, удовлетворяющий всех без исключения граждан.

Правда, Сократ утверждает обратное. Он говорит, что интересы разных людей примирить нельзя, и всегда кто-то будет считать себя обиженным. Государство — зло, государство — насилие, но насилие это, увы, — печальная необходимость, иначе — анархия, которая еще более опасна для граждан. И Сократ делает вывод, с которым вполне согласен Перикл: каждый обязан строго выполнять государственные установления. Живя в какой-либо стране, всякий гражданин как бы подписывает обязательство подчиняться законам, независимо от того, хороши они или нет. Если они ему кажутся плохими, никто не заставляет его оставаться в пределах этого государства. Но если он решает не покидать отечества, тем самым он обязуется подчиняться его законам.

А к чему стремится, может быть, сам того не осознавая, Алкивиад? К анархии? К тому, чтобы каждый жил по своим правилам, не считаясь с другими? Но тогда высшим законом становится собственная прихоть, а любовь к отечеству заменяет забота о личном благе. Софокл подарил этим юнцам неосторожную фразу, которую произносил герой его трагедии. «Тевкр»: «Для воинов нет недоступных краев — для храбрецов везде отечество!» Теперь они ее переиначили и беззастенчиво провозглашают: «Отечество везде, где дела идут хорошо».

Отечество! О нем говорят все, а думают при этом о собственных пуждах. Только и слышишь на каждом шагу: «У нас свобода!», «У нас равноправие!», «Государство должно заботиться о нас!» Софисты разгуливают в пурпурных одеждах, будто рапсоды, и торжественно вещают: «Человек создан природой и живет по ее законам, а потому надо уважать права, которые даны ему от рождения. Эти права выше писаных законов, которые подавляют, угнетают свободную личность».

Перикл тщетно пытался разобраться в хитросплетениях аргументации софистов. Они утверждали нередко самые противоположные истины. Одни защищали демократию, другие открыто издевались над ней. А в итоге приходили к одинаковым выводам.

Вот, например, софист Антифонт, тезка известного

оратора, не скрывающего своих аристократических убеждений. Софиста Антифонта не обвинишь в том, что он противник демоса. Наоборот, он не устает говорить, что все люди равны — и знатные, и незнатные, свободные и рабы, что перегородки между народами и внутри общества придуманы самими людьми. Закон создан сильным, чтобы угнетать слабого, и потому он выгоден лишь меньшинству граждан. Суд защищает не более справедливого, а более ловкого и беззастенчивого, побеждает не истина, а хитрость и находчивость. Поэтому надо устраниваться от участия в политической жизни, не выступать ни судьей, ни обвинителем, ни свидетелем и заботиться прежде всего о том, чтобы соблюдать естественные законы, стараясь никому не причинять обид.

Итак, каждый за себя. Но ведь это и есть анархия, от которой предостерегал Сократ. Как соблазнительно жить по законам природы! Не мешало бы, правда, помнить, что по этим законам побеждает всегда сильнейший. О каком же равноправии может идти речь, если всякий утверждает лишь свое право и свою силу? (Позднее Демокрит скажет: «Если бы никто не причинял друг другу обид, закон бы ничего не имел против того, чтобы каждый жил по своему усмотрению».)

Софист Калликл не согласен с Антифонтom: законы, полагает он, созданы людьми ничтожными, а не могущественными. «Законы устанавливают слабосильные, а их большинство. Ради себя и собственной выгоды вводят они законы, расточая похвалы и порицания. Стараясь запугать более сильных, тех, кто способен над ними возвыситься, они утверждают, что быть выше остальных постыдно и несправедливо. Вот почему обычай объявляет несправедливым и постыдным стремление подняться над толпой. Но сама природа провозглашает, что справедливо, когда лучший выше худшего и сильный выше слабого. Что это так, видно во всем и повсюду — и у животных и у людей: сильный повелевает слабым и стоит над ним. С детства мы внушаем, что все должны быть равны и что именно это прекрасно и справедливо. Но если появится человек, достаточно одаренный природой, чтобы разбить и стряхнуть с себя все оковы, я уверен: он освободится, втопчет в грязь все наши писания и противные природе законы и, воспрянув, явится перед нами владыкою, бывший наш раб. Тогда-то и воссияет справедливость природы».

Философия оставалась уделом избранных. Практические же выводы усваивали многие. Мало кто в состоянии был разобраться в учении Гераклита Эфесского, зато с каким жаром развивали софисты его мысль о вечном движении и о том, что вещи превращаются в свою противоположность. Если ничто не стоит на месте, то все относительно, в том числе и сами явления, и наши суждения о них. И нет вечных, неизблемых истин, есть только наши мнения, и мнения эти одинаково ложны и правильны.

Гераклит утверждал, что невозможно дважды войти в одну и ту же реку, ибо она меняется каждое мгновение. Кратил сделал следующий шаг, заявив, что этого нельзя сделать даже один раз, ибо поток изменчив, и человек входит в поток воды, который уже отличается от того, каким он его себе представлял.

О вещах, постоянно меняющихся, вообще ничего сказать нельзя — и Кратил демонстративно отказывался называть их своими именами, предпочитая указывать пальцем, как бы давая понять, что предмет, который он имеет в виду, стал уже иным.

О вечной изменчивости писал и поэт Эпихарм, «изобретатель» комедии:

Мертв я. Мертвый — навоз, и земля состоит из навоза.
Если ж земля — божество, сам я — не мертвый, а бог.

Но тот же Эпихарм пародировал Кратила, доводя до абсурда его рассуждения о том, что, как и вещи, человек постоянно меняется и всякий раз он не равен самому себе, то есть становится иным. «Ты и я были вчера другими, чем сегодня, и в дальнейшем будем опять иными, и никогда мы не бываем теми же самими, согласно тому же закону».

Герой комедии Эпихарма берет займы у соседа деньги, а потом отказывается возратить долг, потому что прошел известный промежуток времени и он стал другим человеком — совсем не тем, кто взял деньги. После бесплодных препирательств расщепевшийся кредитор бьет должника, и тот привлекает его к суду. И когда начинается разбирательство, находчивый кредитор сражает соперника его же собственными аргументами: «Перед вами, граждане судьи, стою я, ничего общего не имеющий с тем лицом, которое нанесло побои пострадавшему».

Софисты сделали из учения Гераклита свои выводы.

Они приложили их к морали и политической жизни. И родились утверждения, что все на свете относительно, что нет ни добра, ни зла, а есть только то, что принято считать хорошим и дурным. И нет справедливых законов, а есть законы, удобные одним и невыгодные другим. В конечном счете истинным оказывалось то, что полезно, и любой мог объявить себя носителем своей истины.

«Человек есть мера всех вещей...»

Крылатые слова Протагора противопоставили реальному, земного человека невидимым и неведомым богам. Мысль спускалась на землю. Чувства заслуживали большего доверия, чем традиционные верования. В конце жизни Протагор признается: «О богам я не могу знать, существуют они или нет и каковы они на вид. Многое мешает этому — и неясность вопроса, и краткость человеческой жизни». Афиняне не простят ему подобной дерзости: сочинения его сожгут, а самого философа подвергнут изгнанию.

А пока... К его мнению прислушиваются внимательно юнцы, молодежь из богатых семей, способная высоко оплачивать его уроки.

Афинская демократия уничтожила привилегию знатности. Но ее сменила привилегия образованности. Знания, умение рассуждать, спорить, выступать — без этого нечего было и думать теперь о политической карьере. Красноречие открывало путь к успеху. Слава оказалась выгодной монетой. Она становилась предметом честолюбивых устремлений; известность и авторитет помогали завязывать нужные связи, расширять деловые операции, а нередко и использовать в собственных интересах государственную казну.

Еще не понимая происходящего, Перикл замечал, что вырастает поколение новых людей, совсем непохожих на его соратников, — находчивых карьеристов, не слишком разборчивых в средствах, лишенных веры в те истины, которые казались некогда вечными и неизблемыми.

Перикл с грустью убеждался в правоте Гераклита.

Ничто не стоит на месте, и все способно обратиться в свою противоположность. И тогда плата судьям и чиновникам превращается в источник наживы для тех, кто не желает заниматься трудом. Народное собрание становится говорильней, где состязаются красноречие, а суды —

ареной для сведения личных счетов. Образованность идет на пользу честолюбцам и ловкачам, умеющим заигрывать с демосом, увлекать его пламенными речами и сбивать с толку изощренными аргументами.

Утешаться приходилось лишь тем, что пока еще влияние софистов ограничивалось узким кругом избранной молодежи, с легкостью усваивавшей негативные, разрушительные идеи своих учителей. Демос, верный традициям, с подозрением относился к ученым, без разбору причисляя и натурфилософов, и софистов, и Сократа к безбожникам и вольнодумцам. Превосходство ума и образованности подрывало принцип равенства, тем более что из уст образованных людей не раз вырывались жалобы на тягостную власть народа, который они иногда именовали «коллективным деспотом».

Вскоре после смерти Перикла руководитель демократов Клеон публично заявит:

— Недостаток знания при скромности полезнее, чем проницательность при необузданности. Люди недалекого ума обыкновенно лучше живут в своих государствах, нежели люди ума более острого. Ибо последние желают казаться мудрее законов, брать верх над всем, что говорится в Народном собрании. Напротив, люди простые, не доверяясь собственному разуму, не столь способны осуждать речи прекрасного оратора.

То же подтвердит и аристократически настроенный Псевдоксенофонт:

— В Афинах находят, что невежество, грубость и благожелательность простого человека скорее приносят пользу, чем достоинства, мудрость и недоброжелательность благородного.

И все это говорилось в прославленных Афинах, претендовавших на то, чтобы именоваться школой Эллады!

Мера нарушалась. Результаты не соответствовали первоначальным целям, и неумолимые последствия оказались невозможно предусмотреть.

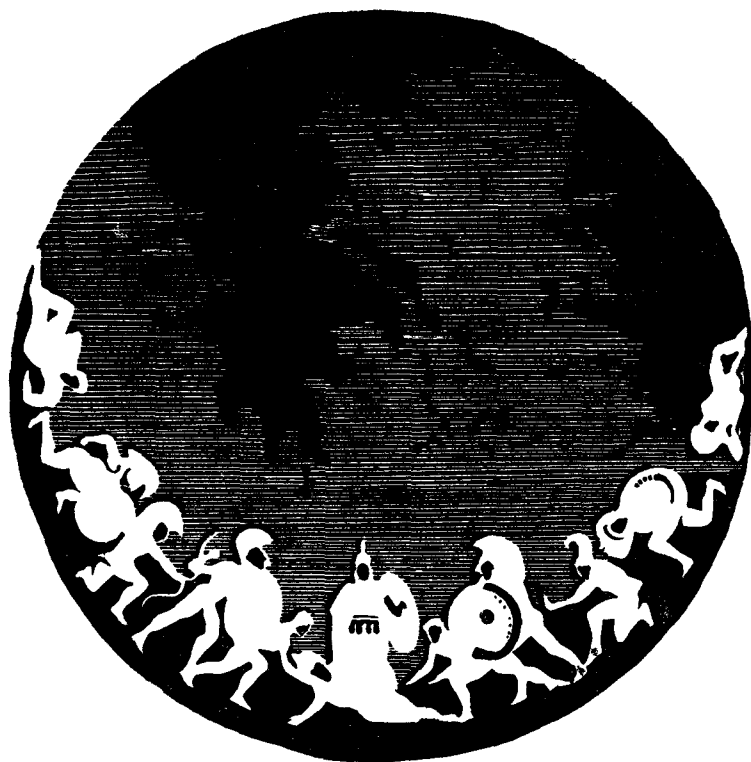
Свобода оборачивалась распушенностью, знание порождало скептицизм, выплаты и раздачи узаконивали праздность, плодили целый слой людей, привыкших лишь получать, ничего не давая взамен, и требующих, чтобы общество кормило их и развлекало.

Нет, не об этом мечтал Перикл, пытаясь возродить золотой век! История, увы, подтверждала правоту Гесиода: каждое поколение оказывалось хуже предшествую-

щего. И люди менялись буквально на глазах, отвергая сегодня то, чему поклонялись еще вчера.

Вчера они добивались свободы во имя истинной справедливости — сегодня они признают справедливым только то, что выгодно и полезно им самим. Вчера они требовали суровых мер против богачей — сегодня, сделав карьеру и увеличив свои доходы, они призывают к умеренности и осторожности.

Перикл не понимал и не мог понять, что афинская рабовладельческая демократия в самой себе несла зародыши гибели, что ее наивысший расцвет лишь приближал катастрофу. Чтобы обнаружилось ее бессилие и перерождение, достаточно было одного серьезного испытания. Им стала Пелопоннесская война.

ГРЕКИ ПРОТИВ ГРЕКОВ

О войне не говорили.

Рассуждали о выгоде. О новых колониях и морских путях. О прибыльных операциях и дешевых товарах.

В горячих головах рождались фантастические проекты покорения Египта, Сицилии, Этрурии, Карфагена. Самые решительные из афинян предлагали снарядить мощную экспедицию и отправиться в заморские края, чтобы приобрести неслыханные богатства.

Перикл сдерживал страсти. Он понимал опасность подобных предприятий и не желал рисковать. Надо довольствоваться тем, что есть, и не вмешиваться в чужие дела, утверждал он. При этом само собой разумелось, что, по крайней мере, судьбу двух сотен полисов, волей или не-

волей ставших членами морского союза, Афины вправе решать по своему усмотрению. «Он направлял силы государства главным образом на охрану и укрепление личных владений, считая уже достаточно важным делом остановить рост могущества Спарты» (Плутарх).

Корабли шли на север и восток, к берегам Фракии, Ионии и Понта, к границам Афинской державы, на которые никто не осмеливался посягнуть.

Но они двигались и на запад, по дорогам, проложенным соперниками. Из Сицилии получали скот, хлеб, из Этрурии — железо, медь, металлические изделия. В Италию вывозили серебро, керамику, оливковое масло.

О войне не помышляли. Но, заключив союзы с некоторыми городами Сицилии и Южной Италии, основав несколько поселений, Афины шаг за шагом теснили своих конкурентов на западном рынке. Опасались усиления Спарты — и старались ослабить ее союзников. Спарту ненавидели и боялись, Коринфу завидовали. Завидовали его богатству, его колониям, его авторитету в эллинском мире. Расположенный на Истме — перешейке, соединяющем центральные области Греции с Пелопоннесом, Коринф находился на перекрестке путей, ведущих на запад, в Италию, и на восток — в Ионию. Отсутствие плодородной земли вынудило его жителей заниматься главным образом торговлей и ремеслом. И почти во всем коринфяне опережали афинян. Раньше них они превратили город в крупнейший торговый центр и богатели за счет высоких пошлин, ибо в узком месте перешейка перевозили товары и суда из Саронического залива в Коринфский.

Раньше, чем Афины, Коринф прославился своим ремеслом: изящной глиняной посудой, мебелью. Мраморные колонны, украшенные листьями аканфа (коринфский ордер), были созданы именно там. До V века Коринф, самый многолюдный город Эллады, который еще Гомер называл «богатым», затмевал Афины великолепием частных и общественных построек и памятников. «Город коринфян всегда был великим и богатым. В нем было много опытных государственных деятелей и людей, искусно владевших ремеслами. Ибо здесь... искусство живописи, пластики и подобного ремесла достигло особенного процветания» (Страбон).

Раньше афинян избавились коринфяне и от тиранов. В начале VI века, после смерти Перияндра, они свергли

его наследника и установили республику — правда, такую, где власть принадлежала аристократии. Потому-то Коринф, весь стиль жизни которого противоречил Спарте, стал ее надежным союзником.

К войне не стремились. Но каждый беспокоился за судьбу своих колоний. В VII и VI веках Коринф основал города в Сицилии (Сиракузы), Этолии (Халкида), Акарнании (Левкада), Эпире (Амбракия), Иллирии (Эпидамн, Аполлония), держал под контролем Керкиру (у берегов Эпира) — последнюю стоянку кораблей, плывших из Греции на запад и запасавшихся на этом острове водой и продовольствием. С тревогой наблюдали коринфяне, как Афины расширяют торговлю с сицилийскими и италийскими полисами, как направляют их на союзников Коринфа.

Никто не хотел войны. Но Коринф требовал от Спарты решительных мер, чтобы помешать афинскому влиянию и обеспечить безопасность колоний. Аристократы, с трудом удерживавшие власть в некоторых городах и бессильные справиться с демосом, умоляли о помощи. Спартанцев укоряли за то, что они бросают в беде тех, кто им предан. Им грозили распадом Пелопоннесского союза, восстаниями илотов, крушением их незыблемого строя, если только они не остановят демократические Афины, явно стремившиеся к гегемонии над всеми эллинами.

Спарта, неповоротливая и медлительная в решениях и упрямая в привычках, колебалась. Не желая воевать, она старалась убедиться в том, что без войны обойтись нельзя. Она ждала, чтобы Афины не оставили ей иного выхода.

Греческий мир раскололся надвое. Друг другу противостояли не Афины и Спарта, а два союза, две системы государств, связанных цепью сложных взаимоотношений. Любой успех или неудача кого-нибудь из союзников меняли общее соотношение сил и вызывали реакцию в обоих лагерях. В своем историческом развитии Эллада пришла к поворотному пункту — к ситуации, чреватой войной. Греки противостояли грекам. Никто не думал о войне, и никто не в силах был ее предотвратить.

* * *

Жители Керкиры считали себя наследниками легендарных феаков, которыми некогда управлял царь Алки-

ной, внук самого Посейдона. Сюда, на этот уединенный остров Схерию, судьба забросила злосчастного Одиссея. И царская дочь Навсикая поведала ему о богатом и неприступном городе, окруженном стеной:

Пристань его с двух сторон огибает глубокая: вход же В пристань стеснен кораблями, которыми сирава и слева Берег уставлен, и каждый из них под защитною кровлей; Там же и площадь торговая вокруг Посейдонова храма, Твердо на тесаных камнях огромных стоящего. Снасти Всех кораблей там, запас парусов и канаты в пространнх Зданях хранятся; там гладкие также готовятся весла. Нам, феакийцам, не нужно ни луков, ни стрел; вся забота Наша о мачтах, и веслах, и прочных судах мореходных. Весело нам в кораблях обтекать многошумное море.

Феаки возделывали поля и виноградники, наслаждались миром и покоем, не зная ни страданий, ни бедности. Где-то рушились царства, пылали разрушенные города, где-то — под Фивами или Троей — погибали в сражениях целые армии. Но ничто не нарушало безмятежной идиллии на острове, который изолировал себя от остального мира.

...Иноземцев не любит народ наш — он с ними неласков, Люди радушного здесь гостелюбия вовсе не знают. Быстрым вверия себя кораблям, пробегают бесстрашно Бездну морскую они, отворенную им Посейдоном. Их корабли скоротечны, как легкие крылья или мысли.

Так рассказывал Гомер о людях, живших, по крайней мере, за три века до него. Неясно, долго ли удавалось сохранять им свое счастливое уединение, но достоверно известно, что в VIII веке Схерию заселили выходцы из Коринфа, назвавшие новую колонию Керкирой.

Довольно скоро дочь стала тяготиться материнской опекой. Разбогатев на посреднической торговле, обзаведясь собственным флотом, Керкира пыталась вести самостоятельную политику и освободиться от зависимости, тем более что коринфяне обирали колонистов и присваивали себе немалую часть их богатства.

В 665 году до н. э. керкиряне одерживают победу над коринфским флотом и становятся независимыми. Правда, вскоре тиран Периандр вновь покоряет остров, но удерживать свое владычество Коринф уже не может. Керкиряне устанавливают у себя демократические порядки и отказываются вступить в Пелопоннесский союз. Обладая вторым

по численности флотом (после Афин), Керкира, следуя традициям феаков, вообще оставалась в стороне от враждующих лагерей, успешно торгуя и с теми, и с другими. «По богатству керкиряне не уступали тогда богатейшим из эллинов, а в военном деле даже превосходили их» (Фукидид).

Конфликт возник внезапно.

Виновником его стал город Эпидамн на западном побережье Балканского полуострова. Эту колонию в Иллирии в VII веке основали совместными усилиями Коринф и Керкира. Подобно другим полисам, Эпидамн пережил внутренние междоусобицы и в конце концов изгнал олигархическую верхушку. Объединившись с окрестными жителями, изгнанники нападали на город, терроризируя его с суши и моря. Эпидамн просил керкирян о помощи. Но демократическая Керкира осталась глуха к его мольбам. Тогда эпидамняне решили посоветоваться с Аполлоном — и дельфийский оракул, который по странной случайности давно уже был благосклонен к Спарте и ее союзникам, рекомендовал Эпидамну искать поддержки у коринфян и признать их главенство.

Аристократический Коринф с поразительной быстротой откликнулся на призыв демократов в Эпидамне, послал в город колонистов и гарнизон. Оскорбленные керкиряне потребовали, чтобы Эпидамн возвратил изгнанных граждан и отправил обратно коринфян. 40 триер блокировали побережье, и вместе с изгнанниками и иллирийцами керкиряне приступили к осаде города.

Узнав об осаде, коринфяне тут же начали снаряжать войска и флот, предложив всем желающим участвовать в колонизации Эпидамна. Союзники Коринфа — Мегары, Эпидавр, Гермiona, Фивы, Элида, Трезены — снабдили его деньгами и предоставили свои корабли. Эскадра из 70 судов с 3 тысячами гоплитов двинулась к осажденному городу.

В 435 году в морской битве вновь, как и 230 лет назад, керкиряне одержали победу над бывшей метрополией. В тот же день, поняв безнадежность сопротивления, сдался Эпидамн. После этого, замечает Фукидид, керкиряне «остались господами всего тамошнего моря... нападали на союзников коринфян и наносили им тяжелый ущерб».

Если бы Коринф, признав свое поражение, отказался от стремления «восстановить справедливость», столкнове-

ние не вышло бы, вероятно, за рамки частного конфликта, тем более что непосредственные интересы Афин и Спарты пока еще не затрагивались. Однако все звенья сложной цепи уже пришли в движение.

Два года Коринф готовился к возмездию. Вновь Мегары, Элида и прочие союзники обеспечивают его кораблями. Летом 433 года эскадра из 150 триер готова к отплытию. Всем очевидно, что Керкира обречена — силы слишком неравны. Понимают это и керкиряне. Им не остается ничего другого, как изменить традиционным принципам и решиться на крайнюю меру. Они отправляют посольство к афинянам, изъявляя готовность вступить в морской союз. Почти тотчас же в Афинах появляются коринфские послы, чтобы уговорить афинян не вмешиваться в конфликт и не заключать договора с Керкирой.

Дважды собирается Народное собрание, пытаясь найти верное решение. Аргументы обеих сторон одинаково убедительны, а последствия того или иного постановления одинаково опасны.

Керкиряне держатся с достоинством. Они не пытаются разжалобить афинян, не умоляют о спасении. Трезво оценивая происходящее, они предлагают Афинам выгодное деловое сотрудничество.

Да, прежде они стояли в стороне от всяких союзов и теперь понимают, насколько это безрассудно. Да, они признают, что бессильны противостоять пелопоннесцам. Но пусть афиняне не думают, будто Керкира намерена втягивать их в опасные предприятия и получать, ничего не давая взамен.

Во-первых, афиняне совершат справедливое дело, если помогут обиженным.

Во-вторых, флот керкирян окажется в их распоряжении, а это немаловажно, когда начнется война с Пелопоннесским союзом — война, которой все равно не избежать, ибо «лакедемоняне, опасаясь вас, давно уже жаждут ее. Коринфяне же, оказывающие на них влияние и сами враждебно настроенные по отношению к Афинам, хотят сперва покорить нас, а потом напасть на вас. Поэтому они и боятся, как бы мы не объединились».

В-третьих, Керкира занимает достаточно выгодную позицию, чтобы противодействовать флоту противника.

Быть может, афинян смущает, что они нарушат соглашение со Спартой? Но керкиряне не предлагают ничего противозаконного: в договоре ведь сказано, что каждый

эллинский город, не входящий в тот или иной союз, вправе присоединиться к любому.

Они, керкиряне, ничего не требуют и ни о чем не просят. Но они вынуждены напомнить: «У эллинов существует три крупных флота — ваш, наш и коринфский. Если вы, афиняне, допустите, чтобы два флота объединились, причем мы окажемся под властью коринфян, вам придется сражаться на море против керкирян и целопоннесцев. Если же вы примете нас в союз, целопоннесцам будет противостоять афинский флот, усиленный нашими кораблями».

Так говорят керкиряне, предоставляя афинянам решать, что им выгодно, а что нет.

Коринфяне предлагают взглянуть на вещи иначе. Их интересует не выгода, а справедливость.

Да, договор между Афинами и Спартой и в самом деле позволяет принимать в члены союза всякое независимое государство, если оно того пожелает. Но ведь речь идет сейчас не о тех, кто обижен и нуждается в поддержке, а о тех, кто развязал войну и втягивает в нее других. Приняв сторону Керкиры, Афины открыто выступят против Коринфа, а следовательно — нарушат соглашение о 30-летнем мире, которое, кстати сказать, Коринф подписал, в отличие от Керкиры.

Далее, разве справедливо, чтобы наглецы и корыстолюбцы оставались безнаказанными? Уж кому-кому, а афинянам должно быть хорошо известно, как опасны «вышедшие из повиновения союзники или колонии — и своими враждебными действиями, и тем примером, который они подают остальным».

Наконец, последнее. Будьте благоразумны, о афиняне, и не нарушайте сложившегося обычая! Если вы поможете колонии, отложившейся от нас, подумайте о том, что так же могут поступить и с вашими колониями. Ведь когда восстал Самос, многие целопоннесские города готовы были встать на его защиту, но именно мы, коринфяне, отговорили их, признав за вами право карать ваших непокорных союзников. Отплатите нам тем же! «Не принимайте наперекор нам керкирян в союз и не помогайте им в их незаконных действиях! Такое поведение окажется справедливым, а решение — наиболее выгодным для вас».

Народное собрание колебалось. На первом заседании оно одинаково благосклонно отнеслось к речам обоих посольств. И не вынесло никакого постановления. Даже са-

мые воинственные из афинян испытывали страх перед возможной ошибкой, понимая, что ошибка эта способна привести к гибели. Колебался и Перикл. Сильнее, чем когда-либо, ощущал он бремя ответственности, лежавшей на нем. Привыкнув к коллективным решениям, демос, однако, ждал именно его совета, уверенный, что первый стратег никогда не причинит вреда государству и народу.

Перикл провел бессонную ночь. Он вновь и вновь, не давая воли чувствам, хладнокровно взвешивал все доводы.

Итак, Керкира вступает в Афинский союз. Формально договор со Спартой не нарушается, фактически же это явно враждебный акт по отношению к Коринфу. Следовательно, война. Пусть все говорят, что она неизбежна, но следует ли ускорять события и самим приближать ее? Конечно, у Керкиры сильный флот и выгодная позиция на море, но вряд ли этого достаточно, чтобы обеспечить быструю победу и без риска начинать боевые действия.

Кроме того, что бы там ни говорили, Керкира — бывшая колония Коринфа, вышедшая из повиновения. Разумеется, если речь идет о благе государства, можно позабыть о старом принципе невмешательства в чужие дела. И все же не слишком ли опасно помогать непокорной колонии, когда под властью Афин немало городов мечтают о том, чтобы стать независимыми, и готовы обратиться за поддержкой к спартанцам?

Но, с другой стороны, отказать Керкире — значит не только погубить ее, но усилить вражескую коалицию. Отодвинет ли это войну? И не станут ли союзники Спарты еще более решительными в своих требованиях и претензиях?

Перикл не любил крайних решений. Он предпочитал золотую середину и мучительно искал третий путь.

На следующий день он предложил заключить с Керкирой сугубо оборонительный союз. Афины обязывались помогать острову только в случае прямого нападения на него.

Помощь была оказана немедленно: из Пирея выступила в поход афинская эскадра из... 10 кораблей. Военачальники получили приказ не вступать в битву, если противник не высадится на территории Керкиры или ее владений. Командовать отрядом доверили Лакедемону, сыну Кимона. Злые языки распускали слух, будто Перикл намеренно поставил во главе афинян человека, изве-

стного, как и его отец, своими симпатиями к спартамцам, чтобы скомпрометировать его, если операция закончится неудачно. Перикл, однако, справедливо полагал, что именно Лакедемон (само имя которого раздражало афинян) лучше, чем кто-либо из пылких афинских патриотов, рвущихся в бой, будет строго придерживаться инструкции и постарается избежать столкновения с пелопоннесцами. Ограничившись полумерой, Перикл рассчитывал, что удовлетворит обе стороны; Керкира получит пусть символическую, но все же поддержку, Коринф же убедится в том, что Афины отнюдь не склонны нарушать договора и обострять отношения.

В 433 году у Сиботских островов, неподалеку от Керкиры, произошло морское сражение, которое Фукидид назвал «величайшим из всех, когда-либо происходивших между эллинами». 150 кораблям пелопоннесцев противостояли 110 судов керкирян и 10 афинских триер. Схватка длилась почти целый день. На одном фланге керкириане обратили в бегство противника и преследовали его до стоянки на материке. На другом коринфяне, воспользовавшись численным превосходством, оттеснили врагов к самому берегу. «Бой был не столько искусным, сколько ожесточенным, и больше напоминал битву на суше. Соперники надеялись главным образом на гоплитов, упорно сражавшихся на палубах... Всякий раз, когда керкириане отступали, афинские корабли являлись им на помощь и наводили страх на неприятеля, но военачальники воздерживались от столкновения, соблюдая приказ» (Фукидид).

Когда угроза поражения стала очевидной, афиняне не смогли оставаться зрителями и вступили в рукопашную схватку.

Отгнав керкирян, коринфяне собрали обломки своих кораблей и тела погибших и готовы были возобновить наступление. Корабли уже выстроились друг против друга, как вдруг коринфский флот стремительно двинулся назад. На горизонте показалась эскадра, спешившая на помощь Керкире. 20 афинских кораблей, посланных Периклом, пришли вовремя и положили конец кровопролитию.

Так завершилась битва, где не было ни побежденных, ни победителей. Равновесие сил почти не нарушилось, но мир — тот самый 30-летний мир, который обязались сохранять Афины и Спарта, — повис на волоске. Коринф обвинил Афины в нарушении договора.

* * *

Атмосфера накалялась. Коринфяне вербовали сторонников, плели интриги, убеждали колеблющихся, разжигая ненависть к афинянам. Одно посольство за другим отправлялось в Лакедемон уговаривать флегматичных спартанцев. Спарта сохраняла невозмутимое спокойствие: она все еще не видела достойного повода для вмешательства. Афины сами ускорили ход событий.

Новый конфликт возник в другом конце эллинского мира — на севере Эгейского моря.

В 600 году до н. э., при Периандре, Коринф основал на Халкидском полуострове колонию Потидею — крупнейшую на всем Фракийском побережье. После Саламинской битвы она была единственным городом во Фракии, который, не убоившись персидских полчищ, примкнул к эллинам, боровшимся за независимость, и героически выдержал осаду, не покоровшись варварам. С помощью афинян Потидея, ставшая членом морского союза, изгнала из Халкидики остатки персидских гарнизонов. Исправно внося φόρος, Потидея по-прежнему сохраняла связи с Коринфом, подчиняясь ежегодно приезжавшему оттуда высшему чиновнику — эпидемиргу. В самые напряженные годы Потидея оставалась лояльной к обоим государствам. Не примкнула она и к халкидским городам, вышедшим из Афинского союза во время самосского восстания.

И все же двойственное положение коринфской колонии внушало афинянам опасение. Оно особенно усилилось после столкновения у Сиботских островов. В Афинах стало известно, что коринфяне и македонский царь Пердикка склоняют потидеян к выходу из союза, обещая им содействие остальных городов Халкидики.

На этот раз Перикл не колебался.

Пусть восхищаются теми, кто находит выход из трудного положения. Разве не достоин большей похвалы тот, кто не допускает подобных положений? Неужели обязательно нужно получить удар, чтобы иметь право защищаться?..

Афины потребовали, чтобы Потидея не принимала больше эпидемиургов, срыла крепостные стены, обращенные к морю, и выдала заложников. Вскоре тысяча гоплитов на 30 кораблях отправляется в Македонию для борьбы с Пердиккой и для устрашения других полисов побережья. Но поздно! Заручившись поддержкой Корин-

фа и Спарты, Потидея разрывает договор с Афинами. К ней примыкают халкидские города, жители которых разрушают собственные жилища и переселяются в глубь материка, в Оливф. 2 тысячи пелопоннесских воинов — добровольцев и наемников — высаживаются во Фракии и готовы вступить в бой с афинским отрядом.

Афины спешат.

На 40 кораблях они посылают еще 2 тысячи гоплитов. Вражеская армия заперта в Потидее. Перегородив перешеек с севера и юга двумя стенами и блокировав кораблями восточный и западный берега, афиняне, получив новые подкрепления, приступают к осаде города. 5 тысяч воинов, 70 триер — никогда еще за всю историю Афин не отправляли за море столь внушительных сил. Они не сомневались: Потидея обречена. Коринфяне же получают еще один полезный урок и, может быть, умерят воинственный пыл!

Увы, Перикл просчитался... Пресловутое чувство меры изменило ему. Усердно демонстрируя при всяком удобном случае военную мощь Афин, он забыл, что сила внушает уважение до тех пор, пока не вызывает страха. А страх рождает ненависть.

Спартанцы едва успевают принимать послов из союзных городов и выслушивать их жалобы. Все возмущается действиями Афин и упрекают Спарту за ее равнодушие к судьбе пострадавших. Эгина обвиняет Афины за то, что вопреки договору они не предоставили ей автономии. Потидея удивлена тем, что лакедемоняне не выполняют обещаний и позволяют афинским войскам безнаказанно хозяйничать на Халкидском полуострове. Решительней всех настроен Коринф: он требует немедленно начать военные операции и вторгнуться в Аттику.

Подают голос и мегаряне. Их мольбы окончательно убеждают Спарту, что ждать больше нельзя.

Афины давно уже владели выгодной позицией на Истме, где, кроме Коринфа, удобной гаванью располагали Мегары. Входя в Пелопоннесский союз, Мегары, однако, целиком зависели от Афин, продавая им ремесленные изделия и приобретая продукты питания, которыми не могла обеспечить жителей города скудная земля Мегариды.

Договор 445 года не касался экономических связей между обоими лагерями — уже самый факт мира предполагал свободу торговых сношений, которой и пользова-

лись мегаряне, сохраняя в то же время верность пелопоннесским союзникам.

Но Афины не забыли, что Мегары не так уж давно изменили им и даже напали на афинский гарнизон. Раздражение возросло после того, как мегаряне приняли участие в походе против Керкиры. А когда выяснилось, что Мегары укрывают беглых афинских рабов и покушаются на участок «священной земли» у Элевсина, терпение истощилось.

Под влиянием Перикла эkkлeсия вынесла в 434 году постановление («мегарскую псефисму»), запрещавшее Мегарам торговать на рынках Афин и их союзников.

Мегарам грозил голод. Овощи, чеснок, соль, свинина — вот все, чем располагала эта нищая гористая страна, лишенная собственного хлеба.

Последние надежды отчаявшиеся мегаряне возлагали на Спарту. Если уж она не придет на помощь, им ничего не останется, как выйти из Пелопоннесского союза и покориться афинянам.

Наконец-то спартанцы встревожились. Их послы, прибывшие в Афины, уговаривали Перикла отменить псефисму. Он терпеливо объяснял, что не может нарушить закон, запрещающий уничтожать плиту, на которой вырезано постановление народа. Тогда один из лакедемонян предложил:

— А ты не уничтожай ее — только поверни другой стороной. Ведь нет же закона, запрещающего делать это!

Перикл не уступал. Но он не возражал против того, чтобы уладить спор о «священной земле», и предложил демосу отправить в Мегары и Спарту глашатая для переговоров.

Афинянин Антемокрит не смог выполнить своей миссии — при таинственных обстоятельствах он погиб. И в 432 году эkkлeсия принимает вторую «мегарскую псефисму». Отныне на веки веков Мегары объявляются врагами Афин. Какие-либо переговоры с ними исключаются, и каждый мегарянин, оказавшийся на территории Аттики, подлежит смертной казни.

И вот Перикл, как олимпиец, молнии
И грозы мечет, потрясая Грецию,
Его законы, словно песня пьяная:
На рынке, в поле, на земле и на море
Мегарцам находится воспрещается.

Так пишет Аристофан в «Ахарниях», вваливая всю ответственность за начавшуюся войну на Перикла. Со злой усмешкой передает он нелепую сплетню о том, почему вождь демоса так разгневался на Мегары:

Но вот в Мегарах, после игр и выпивки,
Симефу-девку молодежь похитила.
Тогда мегарцы, горем распаленные,
Похитили двух девок у Аспасии
И тут война всегреческая вспыхнула —
Три потаскушки были ей причиною.

По странной иронии судьбы анекдотический случай, о котором поведал популярный комедиограф, приобрел значение реального исторического факта. И мегаряне вскоре доказывали свою правоту и непричастность к войне ссылками именно на эти стихи. А еще позднее, полтысячелетие спустя, Плутарх приведет злополучные строки из «Ахарний» и осторожно выскажет предположение, что у Перикла «была какая-то затаенная личная ненависть к мегарянам».

Так или иначе, клубок противоречий оказался запутанным настолько, что стало абсолютно очевидно: распутать его можно, только применив силу.

Столкновение Керкиры с Коринфом, осада Потидеи, «мегарские псефисмы» — этих трех очагов конфликта было достаточно, чтобы разгорелся пожар общеэллинской войны. Виновником ее пелопоннесцы, естественно, считали Перикла: по их мнению, он один определял политику целого государства и только от него зависела судьба мирных переговоров. Афинское же Народное собрание, как нередко бывало, приписывало заслуги перед отечеством себе, а неудачи — отдельным гражданам. Вдоволь наслушавшись воинственных речей, оно с самоуверенной легкостью голосовало за те решения, которые неминуемо вели к роковому столкновению. А уже через несколько лет, когда тяготы войны дали о себе знать, афиняне, забыв о собственных призывах, начали искать виновного. Никого, кроме Перикла, они найти не смогли. Тогда-то и родилась мысль, будто все дело в неговорчивости «первого стратега», отказавшегося уладить спор с Мегарами.

«Нелегко узнать, как началась война. Но отказ отменить постановление все приписывают Периклу. Только одни объясняют его упорство благородной гордостью, пониманием положения вещей и самыми лучшими намере-

ниями: он считал, говорят они, что спартанцы хотели испытать уступчивость афинян, выставляя такое требование, и что согласиться с ними означало бы для афинян признать свою слабость. Другие видят в его высокомерном отношении к спартам лишь упрямство и соперничество с целью показать свою силу».

Таково мнение Плутарха. Аристофан в комедии «Мир», поставленной в 421 году, выражается гораздо категоричней:

...Боялся он невзгоды для себя.
Ваших прихотей страшился, ваши зубы злые знал.
Чтобы самому не плакать, в город он метнул пожар,
Бросил маленькую искру — о мегарянах закон.
И раздул войну такую, что у эллинов из глаз
Полились от дыма слезы. Плакал здесь народ и там...
И конца не стало ссоре.

«Мегарские псефисмы» позволили спартам выступить в роли защитников справедливости. Наконец-то им представилась возможность доказать всем эллинам, что именно они отстаивают их свободу! В 432 году в Спарту съезжаются делегаты из разных концов Пелопоннеса. Все они жалуются на притеснения со стороны афинян. Одни смиренно просят о помощи, другие гневно укоряют спартанцев за их нерасторопность.

Последними берут слово коринфяне.

— Вы рассудительны, но плохо знаете, что происходит в остальном мире. Мы уже не раз говорили вам, что терпим обиду от афинян, а вы не придавали этому значения. Сейчас же вы собрали здесь союзников, когда беда уже стряслась. Поэтому мы обвиняем афинян за их наглость и вас за ваше равнодушие.

Вы уже сами видите, что афиняне одних поработили, против других строят козни и давно готовятся к войне. Нам известно, как они шаг за шагом теснят остальных эллинов. Пока они не очень смелы, полагая, будто их действия незаметны. Но когда поймут, что вы на все смотрите сквозь пальцы, они начнут действовать решительно. Из всех эллинов вы одни, лакедемоняне, сохраняете спокойствие, обороняясь от противника не оружием, а подготовкой к действию, вы одни подавляете вражескую силу не тогда, когда она зародилась, а когда возросла вдвое.

Вы, очевидно, не понимаете, что такое афиняне и насколько они отличаются от вас. Афиняне любят всякие

новшества, быстры в своих замыслах и их выполнении — вы же, наоборот, стараетесь сохранить существующее, не признаете ничего нового.

Афиняне отваживаются делать то, что даже превышают их силы, они способны безрассудно рисковать, и надежда не покидает их в самые критические моменты. Вы же делаете гораздо меньше того, на что способны, и не доверяете самым надежным расчетам.

Афиняне решительны — вы медлительны. Они ходят в чужие земли — вы приросли к своему месту. Они удаляются от родины, надеясь что-то приобрести, — вы же не покидаете пределов своей страны, боясь что-то потерять. Если планы афинян осуществляются, достигнутое кажется им незначительным по сравнению с тем, что предстоит в будущем. Так непрестанно трудятся они среди опасностей и лишений, а праздность считают бедствием. Прав был бы тот, кто вкратце охарактеризовал афинян так: они рождены, чтобы не давать покоя ни себе, ни другим.

Вот какое государство противостоит вам, лакедемоняне, а вы все медлите. Разве не ясно, что ваши действия и ваши порядки устарели? В политике, как и в искусстве, успех приносят новые средства. Пока государство находится в покое, наилучшие установления те, которые неизменны. Но когда нужно действовать, требуются усовершенствования. Вот почему вам нельзя больше медлить.

Мы будем верны вам, если вы захотите нам помочь, — ведь у нас нет более близких союзников и к тому же непостоянством мы оскорбили бы богов. Поэтому примите мудрое решение и позаботьтесь о том, чтобы под вашим главенством Пелопоннес не стал меньше, чем тот, который передали вам предки.

Так говорили послы коринфян, и спартанцы терпеливо выслушивали их упреки. Союзники избавляли их от необходимости действовать самостоятельно: всем, в том числе и афинянам, должно было быть ясно, что Спарта всего-навсего выполняет свой долг перед эллинами, членами Пелопоннесского союза, и уступает их требованиям.

И тогда афинское посольство, находившееся в Лакедемонне, заявило эфорам, что хочет выступить перед народом, если, конечно, спартанские власти сочтут это возможным. Вскоре афиняне предстали перед Народным собранием. Они попытались убедить его не торопиться с выводами, вникнуть в суть дела и не нарушать мира.

— Нас послали сюда не для того, чтобы препираться с вашими союзниками, а чтобы уладить дела, касающиеся Афин. Но мы слышали, что против нас выдвинуты серьезные обвинения, и явились, чтобы предостеречь вас от поспешных и неосмотрительных решений. Кроме того, мы хотим доказать, что по праву владем нашим достоинством и государство наше достойно уважения.

Необходимо сказать о Персидских войнах, даже если вам неприятно, что эти события постоянно выставляют на вид. Впрочем, мы будем говорить о них не столько для того, чтобы оправдать себя, сколько для того, чтобы наглядно показать, с каким государством придется вам бороться, если вы окажетесь неблагоразумны.

Мы утверждаем, что при Марафоне мы одни, впереди всех сражались с варварами. Потом, когда они пришли вновь и у нас не было сил отразить их на суше, мы поголовно взошли на корабли, чтобы дать бой на море при Саламине. Одно это помешало персам подойти к Пелопоннесу и разорить его.

Когда стало ясно, что спасение Эллады зависит от ее флота, мы выполнили три полезнейших дела: выставили наибольшее число кораблей, дали проникательнейшего полководца и проявили величайшее рвение. Мы решили покинуть Афины и пожертвовать своим имуществом не для того, чтобы бросить на произвол судьбы союзников, рассеяться и стать бесполезными для них. Нет, мы взошли на корабли, чтобы попытать счастья в борьбе, и не гневались за то, что вы раньше не помогли нам. Вот почему мы утверждаем, что оказались полезны вам не меньше, чем себе.

Неужели же, лакедемоняне, за проявленную в ту пору энергию и решимость мы не заслуживаем менее завистливого отношения к власти, которой пользуемся ныне? Мы получили ее не путем насилия: союзники сами просили нас о главенстве. Мы были вынуждены усилить свою гегемонию и довести до теперешнего состояния волею обстоятельств; больше всего из страха перед варварами, затем из чувства чести и, наконец, ради собственных интересов. А впоследствии оказалось, что опасно ослаблять ее и подвергаться риску — ведь большинство ненавидело нас, иные отложились и их пришлось покорять силой; вы же относились к нам с враждебной недоверчивостью.

Вы, лакедемоняне, стоите во главе государств Пело-

поннеса, установив порядки, выгодные вам. Если бы вас возненавидели так же, как нас, вы были бы столь же суровы с союзниками и вам пришлось бы применять силу или подвергать себя опасности. Следовательно, в нашем поведении нет ничего странного и противоестественного, раз мы приняли предложенную власть и не выпускаем ее из рук под влиянием трех могучих стимулов — честолюбия, страха и выгоды.

С другой стороны, не мы первые установили такой порядок, он существует искони: *сильный господствует над слабым. Вы говорите о справедливости, но никто никогда не ставил ее выше силы и ради нее не отказывался от выгоды.*

Решайте неторопливо, как этого требует серьезность дела, и не принимайте на себя в угоду чужим замыслам и притязаниям нового бремени. Прежде чем воевать, подумайте о неожиданностях войны, от которых никто не застрахован. Пока вы не сделали подобной ошибки, пока благоразумное решение полностью зависит от вашей и нашей воли, мы советуем не нарушать договора и не преступать клятвы, а разногласия между нами решать по соглашению. В противном случае, если вы начнете войну, мы призовем в свидетели богов, хранителей клятвы, и попытаемся защищаться так, как подскажет нам ваш образ действий.

Спартанцы начали совещаться. Их выступления были короткими и решительными.

Афины угрожают Лакедемону? — Значит, война.

Союзники упрекают Спарту в медлительности? — Стало быть, надо действовать, и как можно быстрее. Война!

Афиняне предлагают вести переговоры? Вероятно, им это выгодно. А раз так — нечего тратить время на болтовню. Война!

Тщетно царь Архидам пытался образумить соотечественников. Он ссылался на то, что риск слишком велик, что противник богат и силен, что Спарта не готова к борьбе — ведь у нее нет ни денег, ни флота. Он предупреждал, что военные действия затянутся на долгие годы и завершать их придется будущему поколению.

— Я советую не браться за оружие, а отправить к афинянам послов для переговоров, не проявляя ни излишней уступчивости, ни чрезмерной воинственности. А тем временем мы будем добывать средства, приумножать наши силы и готовиться. И тогда через два-три года мы

сможем начать, уверенные в успехе. Надеяться надо не на ошибки врагов, а на собственные, точно рассчитанные силы.

Опыт и проницательность Архимада давно снискали ему уважение среди спартанцев. Собрание заколебалось — доводы царя нелегко было опровергнуть. Да и кто отважится спорить с ним?

На трибуну поднялся эфор Сфенелаид. Человек действия, он не признавал долгих речей и не понимал, почему надо обсуждать предметы и без того ясные. А ясно одно: афиняне оскорбили эллинов, они унижают спартанцев, хвастаясь прошлыми победами. Затронута честь Спарты — а что может быть дороже ее?

Эфор предложил проголосовать за войну.

Голосовали, как обычно, криком, и Сфенелаид не мог определить, кому же принадлежит большинство. Установив тишину, он обратился к собранию: «Те из вас, кто считает афинян виновными, пусть отойдут в одну сторону, а остальные — в другую!»

Так решился вопрос о Пелопоннесской войне. 30-летний мир, заключенный в 445 году, продержался лишь 13 лет. «Лакедемоняне признали нарушение мира и необходимость войны не столько под влиянием речей союзников, сколько из страха перед растущим могуществом афинян: они видели, что уже большая часть Эллады подчинилась им» (Фукидид).

Чтобы уверовать в свою правоту, спартанцы спросили дельфийского оракула, будет ли успешна для них борьба с Афинами. Ответ обнадежил, хотя и был, по обыкновению, двусмыслен: Спарта одержит победу, если станет воевать по мере сил.

Стороны готовились к схватке, подыскивая подходящий повод к началу военных действий. Ультиматум спартанцев гласил: афиняне должны снять осаду Потидеи, отменить «мегарские псефисмы» и предоставить автономию Эгине. Пусть все эллины убедятся лишним раз, что Спарта защищает свободу и справедливость, а Афины творят насилие и произвол, не выполняя законных требований. Кроме того, спартанцы настаивали на том, чтобы афиняне изгнали из государства тех, кто запятнал себя скверной, кощунством против богов и не смыл с себя проклятья «Киллонова убийства». Ни у кого не было сомнений, что имеются в виду Алкмеониды, единственным представителем которых выступал Перикл. Конечно, спартанцы не

надеялись на успех, но рассчитывали, что авторитет афинского вождя пошатнется, раздражение против него усилится и именно на него афиняне станут смотреть как на виновника войны.

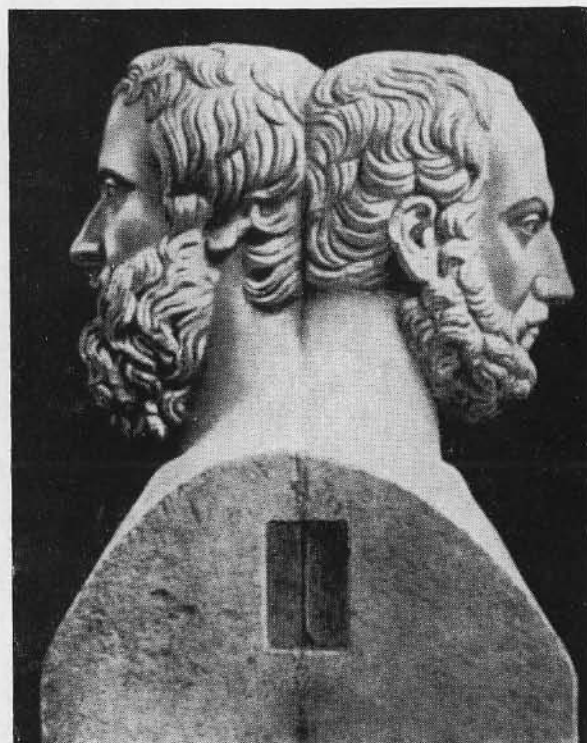
А раздражение действительно возрастало. Как будто не было 30 лет неусыпных трудов, как будто не он вел демос от победы к победе, как будто не его усилиями Афины превратились в могучее государство, в школу Эллады, вызывающую удивление, восхищение и зависть. Все чаще его обвиняли в тирании — его, который так упорно отстаивал мысль, что только народ — единственный господин и повелитель, и приучал демос к свободе.

Все чаще вспоминал Перикл слова Фемистокла незадолго до изгнания: «Почему вы, афиняне, устаете получать добро от одних и тех же людей?» Перикл знал, что люди недолюбливают тех, кого они обидели. Теперь он убеждался в том, что они недовольны и теми, кто многое сделал для них. Может быть, слишком часто звучало его имя, как в свое время имя Аристиды, и афиняне стали тяготиться его славой и почетом? Или, поверив в свои силы и привыкнув все решать самостоятельно, демос вообще намерен обходиться без руководителей?

Недовольство чувствовалось на каждом шагу — в экклесии, на агоре, на улицах города. Его соперники, молчавшие столько лет, вновь обрели дар речи. Они еще не нападали на него открыто, но, словно пробуя силы, подбিরались к его окружению.

Первой жертвой интриг пал Анаксагор. Народное собрание постановило: людей, не верующих в богов и распространяющих учения о небесных явлениях, следует привлекать к суду как государственных преступников. И 68-летнего философа, обвиненного в безбожии, изгнали из Афин. А ведь ни для кого не было секретом, что богохульные речи он произносил в доме Перикла, радушно принимавшего своего ученого друга.

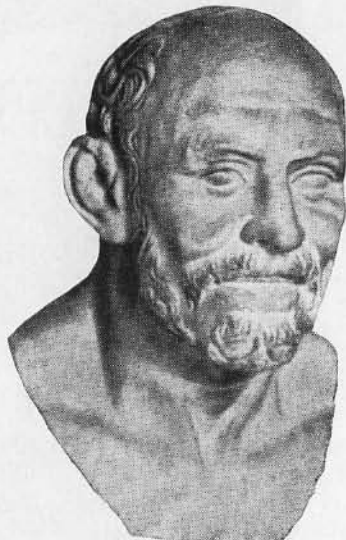
В нечестивости и безнравственности обвинили вскоре Аспасию. Комический поэт Гермипп утверждал, что она совращает свободных женщин и сводит их с Периклом. Ценой невероятных усилий, пустив в ход все свое влияние и красноречие, Перикл добился оправдания жены. И тогда ему нанесли новый удар. Помощник Фидия Мелон попросил, чтобы ему, метеку, разрешили безнаказанно выступить в собрании с обвинением против прославленного скульптора. Демос оказался снисходительным к

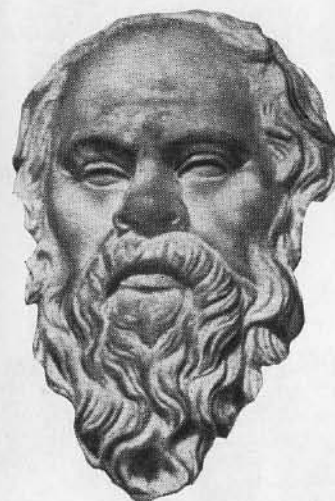
21. Византийский писатель Маркеллин сообщает: «Говорят, будто однажды Геродот читал публично свою «Историю», а присутствовавший при этом Фукидид, слушая чтение, заплакал. Геродот заметил это и сказал отцу Фукидида: «Олор, натура твоего сына жаждет знания». Геродот не мог предполагать, что слава Фукидида затмит его собственную и в глазах потомков именно Фукидид предстанет величайшим историком древности.

22. Греки верили, что лекарства людям дал Прометей, а пользоваться ими научили боги — Аполлон, Асклепий и его дочери Гиги́я (Здоровье) и Панацея (Всецелительница). Основателем же научной медицины в V веке до н. э. был Гиппократ.

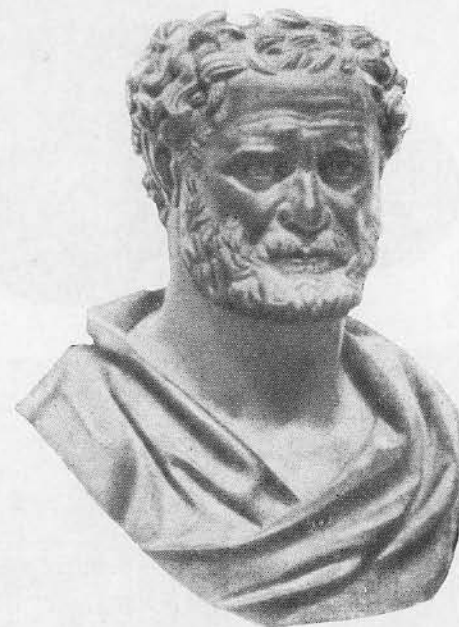

23. Демокрит, придумавший слово «атом», явился одним из основателей материалистической философии. К. Маркс назвал его «первым энциклопедическим умом среди греков».

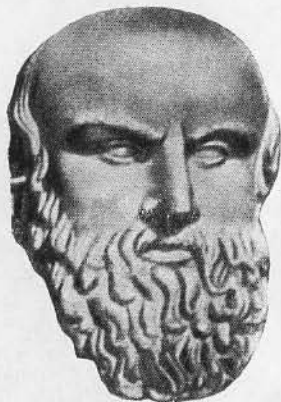
24. Сократ посвятил свою жизнь поискам истины и пришел к выводу, на который вряд ли хватило бы смелости у глупца: «Я знаю то, что ничего не знаю». Дельфийский же оракул утверждал, что в мире нет человека умнее Сократа.

25. Две с половиной тысячи лет назад Гераклит Эфесский провозгласил, что «мир — единый из всего, не создан никем

из богов и людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим». Гераклита прозвали Темным за его туманную манеру выражаться, но его учение оценивали необычайно высоко. «То, что я понял, — говорил о нем Сократ, — превосходно. Думаю, что таково же то, чего я не понял».

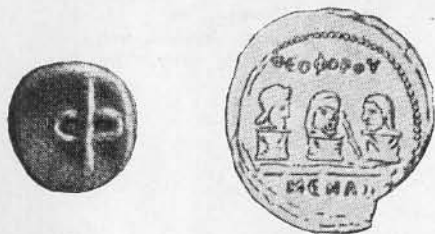
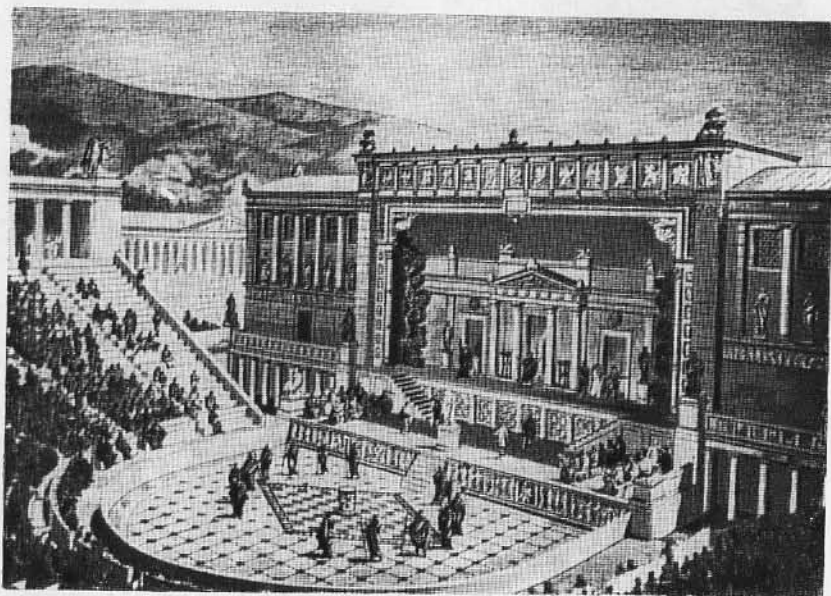

26. Трагедия «Персы» упрочила славу Эсхила как «отца трагедии». Постановку спектакля осуществил в 472 году до н. э. молодой Перикл, чье имя тогда впервые услышали афиняне.

27. Расцвет греческого театра связан с победой афинской демократии. Театр стал частью общественной жизни,

27

28

29—30

трибуной и ареной политической борьбы. Практически все граждане могли присутствовать на представлениях. Театр Диониса, расположенный на южном склоне Акрополя, вмещал 17 тысяч зрителей.

28. Во время театральных состязаний каждый гражданин мог приобрести особые жетоны, дававшие право на получение двух оболов в день.

29—30. Соратником и ближайшим другом Перикла был Софокл. В героях его трагедий нередко обнаруживают черты, свойственные «первому стратегу». По свидетельству Аристотеля, «Софокл говорил, что представляет людей такими, какими они должны быть, а Еврипид — такими, каковы они в действительности». Еврипида современники по достоинству не оценили. Потомки же называли его «философом сцены», а Аристотель — «самым трагическим из поэтов».

31

31. При Писистрате Феспид впервые ввел в представление первого актера, который вел диалоги с хором. Он же придумал маски, обозначавшие характеры действующих лиц.

32. Дельфийский возничий — одна из немногих подлинных статуй V века до н. э., сохранившихся до наших дней. Ее относят к шедеврам ранней классики.

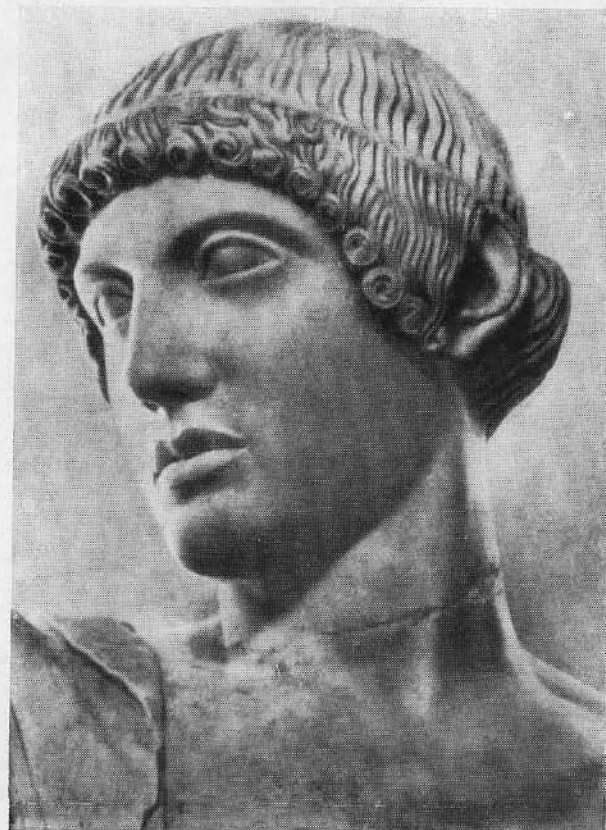
32

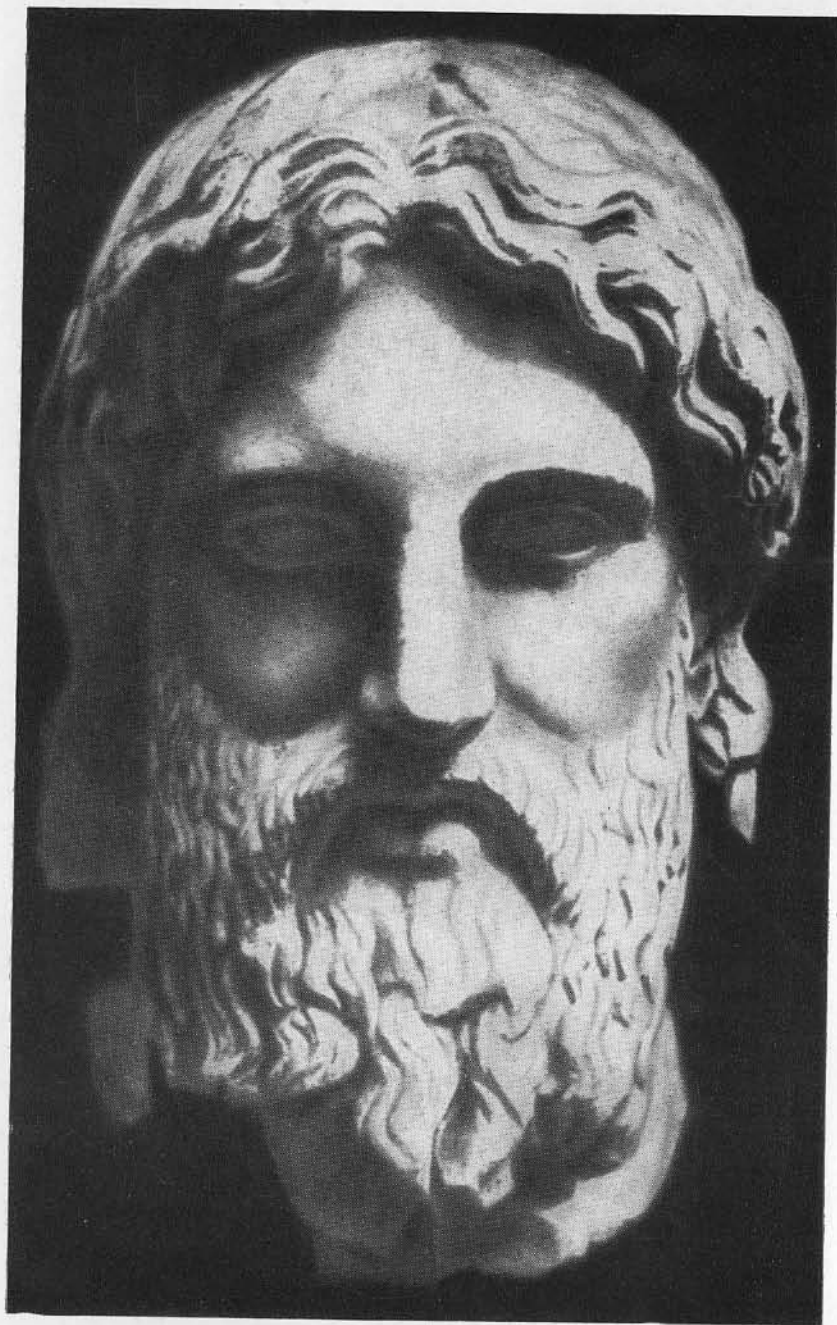
33

33. Скульптуры VI века до н. э. отличались торжественным спокойствием. Неподвижные улыбающиеся коры украшали Акрополь до вторжения персов в Афины в 480 году до н. э.

34

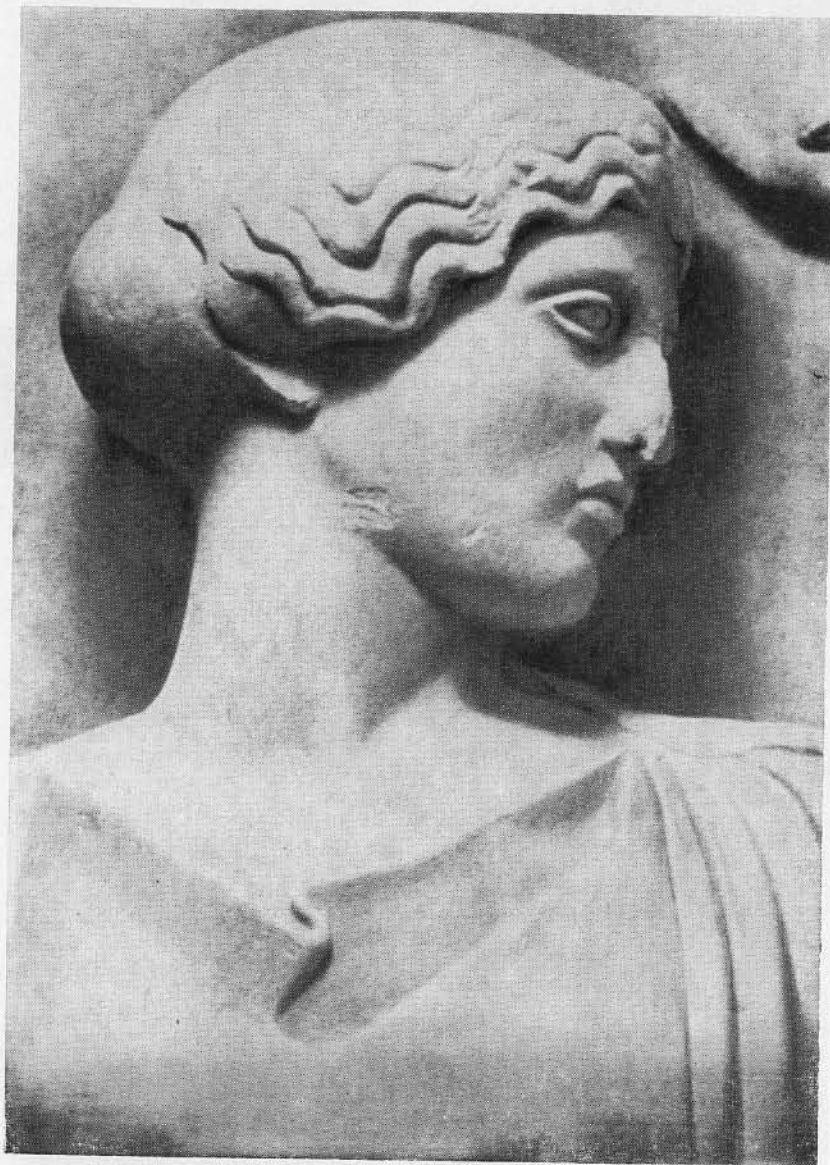
34. На фронто́не храма Зевса в Олимпии были изображены боги — обитатели Олимпа. Самым грозным из них считался Аполлон, которого опасались больше, чем Зевса.

35. «Зевс ли на землю сошел
показать тебе, Фидий, свой облик,
Или на небо ты сам видеть его
восходил?»

Так говорилось в эпиграмме,
посвященной статуе Зевса в Олимпии.
Это произведение включили в число
семи чудес света. В течение ряда
веков в Греции говорили, что
«несчастен тот, кому не довелось
повидать его».

36. По замыслу архитекторов, в
северной части Акрополя, где
находились древнейшие святыни —
деревянная статуя Афины, по
преданию, упавшая с неба,
маслина, посаженная богиней,
слезы трезубца Посейдона на скале,
гробница первого афинского царя
Кекропа, — должен был
расположиться небольшой храм,
посвященный Афине и Посейдону-
Эрехтею. Эрехтейон выстроили уже
после смерти Перикла.

37. Рожденная из головы Зевса, Афина стала символом мудрости, силы и умения. Ей поклонялись в разных частях Греции, но своей покровительницей ее считали именно афиняне, городу которых она дала имя.

38. Кариатиды Эрехтейона дошли до нас сильно поврежденными. Но копия, сделанная для виллы императора Адриана во II веке, близка к оригиналу.

39. В афинском некрополе —
Керамике — сохранилось много
надгробных монументов.
Изображения и надписи на них
рассказывают о жизни далекой эпохи.

40. Перикл гордился тем, что из-за
него никто не надевал траурного
плаща. Если бы он знал, сколько
бедствий принесет Пелопоннесская
война?!

41. В результате войны здание афинской демократии, столь тщательно возводившееся Периклом, рухнуло.

41

доносчику и предоставил ему трибуну. Афиняне услышали красноречивый рассказ о том, как Фидий обворовывал их, утаивая золото, отпущенное ему для статуи Афины.

Пять лет назад, в 437 году, завистники точно так же пытались скомпрометировать мастера. Правда, тогда они тщетно пытались доказать, что из его мастерской на Акрополе похищалась слоновая кость. Пока шло судебное разбирательство, жители Элиды упросили афинян отпустить к ним Фидия под залог: они намеревались поставить в Олимпии статую Зевса и едва дождались, пока будет завершена статуя Афины-Девы. Когда-то именно там, в Олимпии, Зевс победил своего отца Крона и свергнул его с престола. В честь этого события его сын Геракл учредил пятидневный праздник, на котором три дня отводились для состязаний — Олимпийских игр. Все прибывавшие на Олимпиаду считались гостями Зевса и, подходя к храмовому алтарю,

знаки просили подать
на пламенных жертвах, не сообщит ли он людям
премудрое слово...

Год понадобился Фидию, чтобы создать шедевр, затмивший славою все его предыдущие творения. Храм Зевса украсила 17-метровая фигура владыки Олимпа. Царь богов и людей восседал на троне, держа в одной руке скипетр, увенчанный орлом, а в другой — изображение крылатой Ники, богини победы. Статуя была отделана золотом, слоновой костью, драгоценными камнями, бронзой и черным деревом. Надпись на постаменте гласила: «Фидий, сын Хармида, афинянин, сделал меня».

Автор одной из эпиграмм через 500 лет с восторженным недоумением вопрошал:

Зевс ли на землю сошел показать тебе, Фидий, свой облик,
Или на небо ты сам видеть его восходил?

(В конце концов во времена Римской империи статую перевезли в Константинополь, новую столицу державы, и она погибла в V веке н. э. при пожаре в императорском дворце.)

Фидий с триумфом возвратился в Афины, и недоброжелателям пришлось умолкнуть. Теперь они заговорили опять. И вновь имя Перикла не произносилось, хотя все помнили, что именно он руководил работами на Акрополе и отвечал за израсходованные деньги.

Перикл отвел угрозу от Фидия. Он поручился за его честность и предложил афинянам самим убедиться в этом. Когда-то он посоветовал мастеру так украсить статую, чтобы золото можно было снять, заменив, если понадобится, другим материалом. Раз в четыре года со статуи снимали одежду и украшения, проверяя сохранность золота и драгоценностей, и никто еще ни разу не обнаружил пропажи.

Подозрения с Фидия пришлось снять. Но Менон не унимался — слишком многое ему пообещали, чтобы он отказался от задуманного. Он предъявил новое обвинение — на сей раз в святотатстве. Скульптор, утверждал он, оскорбил и Афины, покровительницу города, и афинский народ, изобразив на ее щите самого себя, а рядом Перикла, уподобив его бессмертному богу. Конечно, Перикл — достойный стратег и руководитель, но он прежде всего гражданин — такой же, как все. Его заслуги — заслуги демоса, и потому восхвалять его одного несправедливо и опасно. С художников и поэтов особый спрос. Разве не их славословия одурачивают народ и расчищают дорогу тиранам?

Народное собрание насторожилось. В самом деле, говорят, что в Афинах статуй больше, чем людей. Но как раз людей-то скульпторы не изображают. Исключение было сделано только для тираноборцев Гармония и Аристогитона, убивших одного из сыновей Писистрата. А изображать обычного смертного, да еще при его жизни, на щите богини, будто она опекает его, — это и впрямь достойно осуждения.

Фидия отвели в темницу, где он вскоре скончался, не дождавшись решения суда. Доносчику Менону демос даровал свободу от всех повинностей, приказав стратегам заботиться о его безопасности.

Кольцо сжималось, и Перикл понимал, что бессилен предотвратить катастрофу. Прошлое забывалось. О нем вспоминали только тогда, когда говорили о мертвых. И славили Мильтиада, Аристиды, Фемистокла, Кимона, с которыми в свое время обошлись столь же сурово, сколь и несправедливо.

Помощь пришла оттуда, откуда Перикл ее не ждал. Ультиматум спартанцев возмутил демос: в конце концов только афинский народ вправе решать, кто из граждан достоин уважения, а кто заслуживает изгнания. Если же исконные враги Афин хотят устранить Перикла, значит

они опасаются его, значит надо показать им, что их надежды внести раздоры и поссорить демос с его вождем бессмысленны.

Народное собрание демонстративно выразило доверие Периклу. Демос благодарил его за заботу о безопасности государства и призывал, отбросив сомнения, отвергнуть притязания спартанцев и начать энергичные действия против них. Правда, раздавались и другие голоса, советовавшие идти на уступки и не подвергать страну смертельной угрозе.

Перикл положил конец колебаниям.

— Афиняне, я неизменно придерживаюсь мнения, что не следует уступать пелопоннесцам. Ясно, что спартанцы и прежде питали к нам вражду, а теперь — больше, чем когда-либо. Оружием, а не речами предпочитают они разрешать недоумения — и вот они уже являются не с жалобами, а с приказаниями. Если вы уступите, они тут же предъявят новые, более тяжелые требования, поняв, что вы испугались. Напротив, решительным отказом вы ясно дадите понять, что они должны обращаться с вами, как равные с равными. Что касается возможностей для войны, то мы ничуть не слабее их. Пелопоннесцы живут трудами рук своих, у них нет денег — ни частных, ни общественных. У них нет опыта многолетних войн и дальних морских походов. Из-за бедности они воюют только между собой, да и то кратковременно. Такие люди охотнее жертвуют жизнью, чем деньгами, так как уверены, что жизнь можно сохранить среди опасностей, а средства могут иссякнуть раньше, чем кончится война.

Не имея общего совещательного учреждения, пелопоннесцы ничего не делают быстро. Каждый из них преследует лишь собственные цели, и потому они обычно ничего не доводят до конца — и страдает общее дело.

Важнейшая помеха для них — нехватка денег. Они всегда будут медлить с их доставкой, а военные события не ждут. Нет оснований опасаться и их укреплений на нашей территории — ведь и мы способны соорудить такие же. К тому же разве их укрепления мешают нашим кораблям плыть к их землям?

Морская служба дает нам больше опыта для боевых действий на суше, чем им дает сухопутная служба для войны на море. А научиться морскому делу нелегко: как и всякое другое, оно — искусство, и бесполезно заниматься им от случая к случаю. Правда, они могут наложить

руку на сокровища Олимпийского и Дельфийского храмов и переманить у нас наемных иноземных моряков, но мы всегда можем привлечь собственных граждан и метеков, умеющих управлять кораблями.

Если пелопоннесцы вторгнутся в нашу страну по суше, мы двинемся к ним по морю. Опустошение же хотя бы одной части Пелопоннеса нельзя сравнить даже с разорением всей Аттики — у них нет ничего взамен, а у нас масса земли и на островах, и на материке. Велика сила моря, и мы обязаны быть готовы к тому, чтобы покинуть поля и жилища, но оберегать море и наш город. А главное — не вступать в битву с врагом, превосходящим нас численностью. Не землю и дома надо жалеть, а человеческие жизни.

Я не сомневаюсь в победе, если только вы не будете стремиться к новым завоеваниям и сами не будете себе создавать опасности. А спартанским послам ответим так: «Мы разрешим мегарянам пользоваться рынком и гаванями, если спартанцы прекратят изгнание чужеземцев, и предоставим независимость городам, которые были независимы раньше, если спартанцы позволят и своим городам жить по собственным законам. В соответствии с договором о мире мы готовы подчиниться решению третейского суда и не будем начинать войну». Вот ответ справедливый и достойный нашего города. Но помните, война все равно неизбежна, и чем охотнее мы примем вызов, тем с меньшей настойчивостью враги будут наступать на нас.

Уверенность Перикла передалась демосу. Если уж он, человек предусмотрительный и сдержанный, всегда и во всем привыкший действовать наверняка и избегавший риска, столь решительно призывает к войне, значит Афинам ничего не грозит.

Стремился ли Перикл к этой войне? Вряд ли. Но он ясно видел, что ее не избежать, и потому обязан был готовиться к ней и внушать демосу надежду на успех. Механизм, приведенный в движение с его участием, вышел из-под контроля отдельных людей, и он бессилен был остановить, повернуть развитие событий в другую сторону.

Фемистокл превратил афинян из земледельцев в мореходов. Море стало источником силы и богатства. Оно открыло путь к чужим берегам, позволило основать колонии, связало воедино отдаленные уголки эллинского ми-

ра. Благодаря морскому могуществу Афины беспрепятственно добывали хлеб, металлы, рабов. Тысячи людей неразрывно связали свою судьбу с морем: торговцы, ремесленники, ростовщики, клерухи, судостроители, матросы — все они в один голос требовали расправы с теми, кто посягает на морское владычество Афин. Сила определяла сознание непогрешимости и правоты. Казалось вполне естественным, что союзная казна — неисчерпаемый источник государственного богатства, и город, гордящийся свободой, существует на средства, добытые насильем.

В течение полувека демос добивался расширения своих прав. В конце концов при Перикле он стал неограниченным хозяином страны. Демократия достигла высшей точки и замкнулась в себе. Она существовала в себе и для себя, ограниченная жесткими рамками свободного гражданства. Она открыто провозгласила свое право повелевать и господствовать над остальными жителями, презирая не только рабов, но и иноземцев, и собственных метеков. Это была аристократическая демократия, демократия избранных. Опасаясь возвышения отдельных личностей, она сделала демос источником закона, высшим судьей и носителем истины, несокрушимо уверовав в то, что большинство всегда право. Сражаясь с призраком тирании, афинский демос превратился в коллективного деспота, требующего жертв как от собственных граждан, так и от союзников. Демократия еще не понимала, что ее расцвет предвещает скорую гибель. Перикл выращивал цветок, торопя его созревание, не думая о том, что тем самым приближает час, когда он начнет вянуть. Да и кто мог тогда это предвидеть?

В Пелопоннесскую войну Афины вступали, уверенные в своих силах. А их было предостаточно. 300 триер составляли военный флот, превосходивший соперников и численностью, и боевыми качествами. 600 талантов ежегодного дохода — сумма, которой, за исключением Персии и, может быть, Карфагена, не получало ни одно государство. Еще 6 тысяч талантов, не считая драгоценностей, хранились к началу войны в храмах и в любой момент могли быть использованы для нужд казны.

Власть Афин распространялась почти на все острова Эгейского моря, на многие города Фракийского побережья, Малой Азии, Италии, Сицилии.

Что могла противопоставить Спарта?

Прежде всего своих бесстрашных гоплитов, от столкновения с которыми предостерегал афинянин Перикл, — ведь в искусстве рукопашного боя им не было равных. К тому же сухопутные войска всех участников Пелопоннесского союза явно превосходили по численности армию Афин, способных выставить лишь 13 тысяч пехотинцев и 1 тысячу всадников.

Лишенная собственных средств, Спарта рассчитывала на поддержку союзников: почти все государства Пелопоннеса и даже некоторые полисы Средней Греции изъявляли готовность помочь ей деньгами и кораблями. К тому же и в городах, входящих в состав Афинской державы, немало людей, тяготившихся властью Афин, ожидали лишь удобного момента, чтобы воспользоваться успехами спартанцев и сбросить с себя ненавистное владычество. От этих людей Спарта получала пожертвования в виде денег и зерна.

Обе стороны строили планы, трезво взвешивая свои возможности. Секретов не существовало. Было ясно, что афиняне все надежды возлагают на флот, а спартанцы — на сухопутную армию. Спарта не сомневалась, что без труда займет Аттику и заставит Афины пойти на уступки под угрозой голода. Кроме того, предполагалось, что афинские союзники выйдут из повиновения и флоту афинян придется скорее усмирять их, чем вести операции у берегов Пелопоннеса. Чтобы окончательно расколоть Афинскую архэ, спартанцы громогласно объявили, что требуют независимости и свободы для всех эллинов. Никто не думал о затяжке войны — все расчеты, вопреки предостережениям Архидамы, строились на том, что она продлится недолго.

Перикл такую возможность допускал и верил, что длительные военные действия в конечном счете более губительны для противника. Разумеется, враги вторгнутся в Аттику и опустошат ее. Но ведь не зря же он в свое время соорудил Длинные стены, связав город с портом. Теперь эти стены смогут укрыть все население страны. Брать штурмом крепостные укрепления спартанцы не умеют, а осада не страшна, пока флот афинян господствует на море. Да, крестьяне и землевладельцы пострадают от нашествия, но разве сможет Спарта надолго увести войска из Пелопоннеса, оставляя в тылу илотов, готовых поднять восстание, и зная, что в любом месте полуострова могут высадиться афинские отряды?

Итак, вопрос в том, кто дольше выдержит. Спарта, лишенная возможности отрезать Афины от моря, или Афины, бессильные противостоять нашествию противника?

В глубине души Перикл, видимо, понимал, что разгромить неприятельскую армию невозможно. Оставалось лишь ждать, пока иссякнут ресурсы спартанцев. А что, если афинские запасы истощатся раньше? Ведь предстоит прокормить огромную массу граждан, покинувших свои земли, снабжать всем необходимым экипажи кораблей и вооружать союзников.

Об этом думал Перикл, ясно сознавая, что иная тактика, кроме оборонительной, погубит Афины.

Военные действия начались весной 431 года в Беотии.

Союзники Спарты фиванцы ночью напали на Платеи, близ границ Аттики. 300 гоплитов проникли в город с помощью местных олигархов, но уже утром жители Платей, верные союзу с Афинами, перебили захватчиков. Мир, однако, был официально нарушен, и ответственность, таким образом, ложилась на Спарту.

Афины тем не менее проявили сдержанность. Они арестовали всех беотийцев, находившихся в то время в Аттике, перевезли часть населения Платей в Афины, но от наступления на Беотию воздержались.

В мае Архидам собрал на Коринфском перешейке войска Пелопоннесского и Беотийского союзов. 60 тысяч гоплитов, то есть две трети боеспособного населения, готовились вторгнуться в Аттику. Царь попытался в последний раз предотвратить кровопролитие, надеясь, что реальная угроза заставит Афины пойти на уступки. Но в Афинах не желали слышать о мире. Незадолго до этого Народное собрание одобрило предложение Перикла не принимать послов Спарты, если она выступит в поход. Посланца Архидамы Мелесиппа не пустили в город и, даже не выслушав его, приказали в тот же день покинуть пределы страны. А чтобы он ни с кем не общался, его сопровождали до самой границы. Молча проделали они недолгий путь, и, лишь прощаясь с провожатыми, посол печально промолвил: «День этот будет для эллинов началом великих бедствий».

Архидам приказал войскам наступать.

Едва известие дошло до Афин, Перикл немедленно призвал жителей Аттики укрыться в городе. Он советовал не жалеть о разоренных полях и виноградниках, ибо

деревья, обрезанные и срубленные, скоро вырастают вновь, а вернуть назад погибших невозможно. Единственное, чего он опасался, так это расположения к нему спартанского царя. Связанный с Периклом узами гостеприимства, Архидам мог не тронуть его владений и вызвать, сам того не желая, подозрения у афинян. Перикл признался Народному собранию, что Архидам — его друг, но это никак не отразится на Афинах, и, даже если его земли останутся нетронутыми, он уступит их государству, чтобы никто не думал, будто Перикл пользуется какими-нибудь привилегиями.

В город переселяли женщин и детей, на Евбею переправляли скот. Вozы и телеги с домашним скарбом заполнили улицы Афин. На всех свободных площадях соорудили бараки. Беженцы нашли пристанище, кроме того, у друзей и родных, а также в храмах. Когда пелопоннесцы расположились лагерем у Ахарн, в десяти километрах от Афин, и на глазах граждан принялись сжигать деревни, опустошать поля и виноградники, демос заволновался. Все способные носить оружие требовали, чтобы их повели в бой. Друзья просили Перикла не медлить, соперники обвиняли в нерешительности; в театре распевали насмешливые песни, в которых издевались над его командованием, называя Перикла трусом и предателем. Особенно рьяно нападал на него владелец кожевенной мастерской Клеон, возглавлявший городскую бедноту и помышлявший о том, чтобы свергнуть Перикла, как вожда демократов, и самому занять его место. Комический поэт Гермипп злорадствовал:

Эй, сатиров царь! Почему же ты
Не поднимешь копье? Лишь одни слова
Сыплешь ты про войну, все грозней и грозней,
А душа у тебя — Телета!
И когда острят лезвие меча,
Ты, в страхе дрожа, зубами стучишь
От укусов смелых Клеона.

Перикл стоял на своем. Он отмачивался сам и не позволял говорить демосу. С тех пор как враг вторгся в Аттику, суды и Народное собрание не собирались, и Перикл, по существу, правил самолично, лишив демос возможности принимать необдуманные решения. «Как кормчий на корабле, когда в открытом море поднимется ветер, приведя все в порядок, натянув канаты, действует по правилам искусства, невзирая на слезы и просьбы

испуганных пассажиров, страдающих морской болезнью, так и Перикл, заперев городские ворота и расставив везде караулы для безопасности, руководствовался своими соображениями, мало обращая внимания на негодующие крики и недовольство граждан» (Плутарх).

Перикл выжидал. Он отправил сто триер с тысячью гоплитов вокруг Пелопоннеса. Афиняне опустошали прибрежные районы, разрушали деревни и маленькие города, но едва появлялись спартанские отряды, они поспешно грузились на корабли и плыли дальше.

Расчет Перикла оправдался. Спустя всего лишь месяц войска Архидама покинули Аттику и, возвратившись в Пелопоннес, разошлись по своим полисам.

Чтобы успокоить демос, Перикл предоставил ему возможность расправиться с беззащитными жителями Эгинны, якобы поддерживавшими спартанцев. Эгиняне изгнали из города, а землю разделили между афинскими клерухами.

Первый год войны завершился. Афины могли быть удовлетворены его итогами. Правда, он не принес особых побед, но и неприятель не добился успеха. Самое же главное — союзники сохранили верность Афинам, а народ сплотился воедино теснее, чем когда-либо. Потому никого не обеспокоило новое вторжение спартанцев, предпринятое ими на следующий год. 40 дней войска Архидама разоряли южные районы Аттики, надеясь выманить афинские отряды из города. Но Перикл по-прежнему избегал открытого столкновения. Время работало на него. Еще немного — и пелопоннесцы израсходуют свои скудные средства, и тогда им останется надеяться лишь на богов, которые устами дельфийского оракула обещали им помочь. Но в это афиняне не верили.

И были наказаны. Так, по крайней мере, считали не только современники, но даже Плутарх, вполне серьезно утверждавший, что «какая-то божественная сила... противодействовала человеческим расчетам». Случай — неожиданный и трагический — спутал все карты. Впрочем, можно ли назвать его случаем?

В строгом, продуманном стратегическом плане Перикла была допущена единственная ошибка. Афины могли долгое время обороняться, могли дать убежище тысячам окрестных жителей. Но сколько времени тесный, пыльный город, в котором не хватало воды, мог безнаказанно

выдерживать такое скопления населения? Скученность, грязь, недостаток воды открыли дорогу эпидемиям.

В Афины пришла злоеющая болезнь (познейшие исследователи именовали ее чумой или моровой язвой. Сейчас ученые склоняются к мысли, что это был сыпной тиф). Трижды (в 430, 429 и 426 годах) вспыхивала эпидемия, погубившая четверть населения Аттики (в том числе 4400 гопплитов и 300 всадников). Улицы и храмы усеяли непогребенные трупы, лежавшие вперемежку с умирающими. Изнемогая от жажды, больные, лишённые помощи, едва доползали до источников. Над городом не рассеивался дым от погребальных костров.

Но болезнь, по словам Плутарха, имела вредное влияние и на тело и на душу граждан. Бедствие порождало страх и отчаяние. «Болезнь прежде всего послужила для государства началом попра́ния законов. Теперь каждый легче отваживался на такие дела, какие прежде скрывались во избежание нареканий в разнузданности: люди видели, с какой быстротой происходила перемена с богачами, как внезапно умирали они и как люди, ничего прежде не имевшие, тотчас завладевали достоянием покойников. Поэтому все желали поскорее вкусить чувственных наслаждений, считая одинаково эфемерными и жизнь, и деньги. Никто не имел охоты заранее переносить страдания ради того, что представлялось прекрасным, так как неизвестно было, не погибнет ли он прежде, чем достигнет этого прекрасного. Что было приятно в данную минуту и во всех отношениях полезно для достижения этого приятного, то считалось и прекрасным и полезным. Людей нисколько не удерживал ни страх перед богами, ни человеческие законы, так как они видели, что все гибнут одинаково, и потому считали безразличным, будут ли они чтить богов или не будут; с другой стороны, никто не надеялся дожить до той поры, когда понесет по суду наказания за свои преступления. Гораздо более тяжким приговором считался тот, который висел уже над головою, а потому казалось естественным прежде, чем он постигнет, насладиться хоть чем-нибудь из жизни.

Вот какого рода бедствие обрушилось на афинян и угнетало их в то время, когда и внутри города умирали люди, и за стенами его опустошались поля» (Фукидид).

Напуганные эпидемией, спартанцы поспешно удались из Аттики. Перикл немедленно снарядил 150 триер

и отправился к Энидавру, на севере Пелопоннеса. Но осада оказалась безуспешной: болезнь распространилась и среди афинских воинов.

Гнев и отчаяние искали выхода. И они обратились против Перикла. «Как люди, обезумевшие от болезни, оскорбляют врача или отца, так и афиняне стали дурно относиться к Периклу» (Плутарх). Забыв о собственных постановлении, демос обвинил его в том, что он втянул государство в войну и принес ему одни несчастья.

Впервые за многие годы афиняне попробовали действовать самостоятельно, вопреки воле «первого стратега». В Лакедемон отправились послы, чтобы униженно просить о мире. Они возвратились ни с чем. Спарта не желала вести переговоры, ее устраивала лишь полная капитуляция. Но прекратить борьбу, не дав ни одного настоящего сражения, сохранив в неприкосновенности бездействующие войска и флот, казалось нелепым даже самым стойким пессимистам. С другой стороны, неужели все оставить по-прежнему и полагаться на... Впрочем, на кого же полагаться, если боги, подтверждая пророчество оракула, и в самом деле помогают спартамцам? За что же они гnevаются на афинян? А может быть, им ненавистен тот, кто столько лет управлял целой державой? Неужели повторяется история, случившаяся некогда с царем Эдипом? Ведь и того покарал рок, поразив чумой жителей его города. Но Эдип запятнал себя отцеубийством, а Перикл? Или не забылось проклятье, тяготевшее над Алкмеонидами?

Перикл помнил об этом мифе. Совсем недавно Софокл читал ему отрывок из своей новой трагедии «Эдип-царь». Странная это пьеса! Всем известный миф драматург изложил так, что можно усомниться, действительно ли в мире существует справедливость, которую охраняют боги. Несчастного фиванского царя, «первого, лучшего из людей», мудрого и справедливого правителя, сделавшего город счастливым, бессмертные карают за преступления, которые ему же заранее предписаны свыше. Оракул предсказал, что он убьет отца и женится на собственной матери. Эдип сделал все, чтобы не выполнить предначертаний судьбы. Но еще никому не удавалось избежать сетей богини заблуждения Аты, и рок губит его. Тщетно пытается царь уйти от того, что сулило ему пророчество. Каждый шаг, направленный, казалось бы, в противоположную сторону, неумолимо вел к злоеющей цели. Рок

издевается над ним. Эдип наивно думает, что принимает верные решения и совершает полезные дела, а за ними скрыт второй, неведомый фиванскому царю смысл. И неизбежный ход событий идет своим чередом. Как будто боги смеются над неосведомленностью смертных и делают двусмысленным всякое их действие.

Воля рока восторжествовала. Дальнейшее целиком зависит от Эдипа. И он, побежденный, но не сломленный, делает последний шаг — царь ослепляет себя и уходит в изгнание из Фив. Отныне невидящим взором он будет смотреть на мир, который никому не дано понять. Выколол себе глаза, он словно напоминает, сколь ничтожно человеческое знание.

Люди отвечают за свои поступки, хотя и не могут предвидеть всех их последствий. Любой их шаг может нарушить какие-то неведомые им законы. А неусыпный рок преследует их так, как будто они знают все. Значит, самые добрые побуждения способны принести несчастья. Что в таком случае должен делать человек? Покорно следовать велениям божества или действовать в соответствии с велениями совести? Смириться или оставаться самим собой?

Ответ Софокла был вполне определенным, и он не сомневался, что найдет в Перикле единомышленника. Софокл медленно, нараспев читал стихи из трагедии, со странным выражением поглядывая на друга. Перикл усмехался: он отлично понял намеки, конечно, весьма тронут, но... Едва Эдип произнесет первый монолог, как в театре начнут кричать, что опять все похвалы достаются одному человеку, что в лице фиванского царя Софокл прославляет Перикла. Что и говорить, неподходящее сейчас время для такой пьесы. Ведь ее можно истолковать совсем иначе — как обвинение против того, кто принес несчастье согражданам. И так уже поговаривают о родо-вом проклятии над Алкмеонидами.

Перикл созвал чрезвычайное заседание эkkлeсии. В серебряном шлеме стратега он поднялся на трибуну, напряженный и решительный, как воин перед боем. Он и собирался дать бой, который, правда, мог оказаться для него последним.

— Я ожидал вашего раздражения и понимаю его причины. Но я созвал собрание, чтобы упрекнуть вас и кое-что напомнить.

Я убежден: благополучие целого гораздо выгодней

каждому, чем благополучие отдельных граждан при упадке всей страны. Государство может перенести страдания отдельных людей, но никто из них не вынесет несчастий, постигших государство. Я спрашиваю: правильно ли вы поступаете, когда, удрученные собственными горестями, забываете о спасении страны? Справедливо ли обвинять меня, посовetовавшего начать войну, если вы же сами в свое время согласились со мной?

Вы негодуете на меня, но я не хуже других понимаю, что необходимо делать, и умею это объяснить. Действительно, если можно выбирать между войной и миром, воевать — это безумие. Но если от нас требовались уступки и покорность, то упрекать надо того, кто избегает опасности, а не того, кто мужественно встречает ее.

Я по-прежнему стою на своем, а вы изменяете себе. Пока вас не коснулась беда, вы прислушивались к моим советам, а теперь, когда наступили тяжелые дни, раскаяваетесь. Мне понятно ваше состояние. Неожиданность событий, опрокинувших все расчеты, способна подорвать уверенность в себе. Именно это и случилось с вами из-за многочисленных бедствий, а особенно из-за эпидемии. Но вам, гражданам великого государства, соответствующим образом воспитанным, следует легко переносить самые тяжелые удары и не омрачать вашей славы.

Сейчас нет ни одного правителя или народа, которые в состоянии помешать вашему флоту. Могушество это так велико, что с ним даже нельзя сравнивать пользу от полей и домов, потерю которых вы столь сильно переживаете. Главное — сохранить независимость, и тогда мы легко восстановим утраченное.

Но не думайте, что вы боретесь только за свою свободу. Речь идет о сохранении вашей власти над другими. Отречься от нее невозможно, хотя кое-кто и разыгрывает из себя человеколюбцев. Ваша власть похожа на тиранию, лишить вас ее несправедливо, а самим отказаться от нее опасно. Нами сейчас многие тяготятся и ненавидят, но это общая участь всех, кто господствует над другими. Ненависть, однако, быстротечна, а блеск и слава вечно живут в людской памяти. А потому не вступайте в переговоры со спартанцами и не показывайте виду, что нынешние невзгоды удручают вас.

Правда, нас постигло несчастье, которого мы не ждали. Оно опрокинуло наши расчеты. И я знаю, отчасти

именно болезнь усиливает раздражение против меня, хотя это несправедливо. Посланные богами беды надо принимать с покорностью, а те, что приносят враги, — с мужеством. Таковы были правила нашего города прежде — не изменяйте им и теперь!

Перикл закончил речь, и тишину взорвали выкрики.

Кричали аристократы, обвиняя демос и его вождя в безрассудной политике и требуя немедленного примирения со Спартой.

Возмущались беженцы из Аттики, лишившиеся жилищ и земли и обреченные на то, чтобы ждать, когда их поразит смертельная болезнь.

Негодовали наиболее решительные демократы, равнившиеся в сражение и требовавшие немедленных действий на море.

Собрание все же одобрило предложение Перикла. Ни он, ни демос не знали еще, что это предложение было его последним советом.

На выборах стратегов в 430 году Перикл впервые за последние 15 лет не получил большинства голосов. Мало того — его обвинили в растрате государственных денег и привлекли к суду. Присяжные признали обвинение справедливым и оштрафовали Перикла на 500 талантов.

Оппозиция, объединившая аристократов с демократами, торжествовала. Теперь, наконец, избавившись от человека, столько лет подавлявшего народ своим авторитетом, можно будет действовать решительно. Но как? «Афиняне испытывали других стратегов и ораторов, проверяя, насколько они пригодны для ведения войны; ни у кого из них не оказалось ни влияния, достаточного для такой высокой власти, ни авторитета, обеспечивающего надежное исполнение ее» (П л у т а р х). Оказалось, что афиняне настолько привыкли к советам Перикла, что не в силах самостоятельно действовать. Попытки изменить политику терпели крах. Афинянам волей-неволей пришлось делать то же самое, что предлагал Перикл, только с неизмеримо меньшим успехом.

Растерянность сменяется отчаянием. А потом вспыхивает надежда — еще не поздно исправить ошибку. И демос просит своего вождя о снисхождении. Друзья уговаривают его вернуться на ораторскую трибуну — не время сейчас помнить об обидах. А одно его появление способно успокоить афинян.

Перикл отказывается.

Каприз? Уязвленная гордость? Нет, он просто устал и хочет принадлежать только себе. Ему напоминают о бедствиях, постигших отечество. Ну, а разве он не вправе хоть раз остаться наедине с собственным горем? Только что он похоронил сестру и сыновей — Ксантиппа и Парала. И афиняне впервые увидели слезы на лице того, кого привыкли считать образцом выдержки и твердости духа. Пусть хоть сейчас его оставят в покое!..

В 429 году Перикла вновь избирают стратегом.

Его это не трогает. Он безучастно взирает на происходящее, чувствуя, что силы на исходе. Единственное, что его беспокоит, — судьба Перикла-младшего. Что ждет незаконного потомка, когда он лишится отца?

Перикл решает на то, на что не осмеливался ни один афинский политик: он выступает против самого себя. Народное собрание не верит своим ушам. Первый стратег просит отменить закон, который сам же предложил! Тот суровый закон о гражданстве, который неукоснительно выполнялся почти два десятка лет и теперь обратился против его автора. Видно, горе помutilo разум Перикла, если он, всегда твердивший, что прочность государства в верности законам, отступил от собственных принципов. К тому же ни для кого не секрет: Перикл заботится прежде всего о личных интересах, а не о благе демоса, который научился не только пользоваться правами, но и оберегать их. А прав этих достойны только истинные граждане.

Экклесия отвергает предложение первого стратега.

Но пусть Перикл не думает, что афиняне равнодушны к его несчастью, что они не ценят заслуг человека, который столько лет руководил государством и никогда не требовал каких-либо привилегий для себя. Закон невыблем, но почему нельзя сделать исключение из правил?

Специальным постановлением Народное собрание дарует гражданские права сыну Перикла и Аспасии. Отныне он полноценный афинянин, законный наследник и продолжатель рода Перикла.

Наконец-то можно вернуться к текущим делам! Демос ждет советов своего стратега. Он верит в его волю, энергию, разум и не хочет знать, что Перикл уже стар, надломлен горем и мечтает о покое.

Одиночество становится его уделом. Умер оклеветанный Фидий. Эпидемия унесла в могилу его близких. Где-

то на чужбине завершает свой жизненный круг Анаксагор. Все чаще приходит к Периклу мысль о смерти. Сколько лет он доказывал, что закон, право и истину определяет большинство! Что ж, настал его час последний раз присоединиться к большинству — мертвые ждут.

В 429 году Перикла поражает та же болезнь, что и его соплеменников. Он болеет долго, незаметно угасая с каждым днем. Изредка его навещают немногие оставшиеся в живых друзья. Они рассказывают о том, что происходит в городе, пытаются ободрить умирающего. Перикл терпеливо слушает. Ему трудно говорить, и он молча показывает на ладанку, которую Аспасия надела ему на шею, моля богов об исцелении. Перикл грустно улыбается — не правда ли, смешно: просвещенный человек, всегда иронизировавший над суевериями, обращается к столь нелепому средству, как к последней надежде. И друзья понимают: Перикл не верит, что поднимется с постели.

Он лежит в тишине, безразличен ко всему окружающему, наедине со своими мыслями. О чем они, эти мысли? Чего в них больше — гордости или сожаления? Гордости за то, что сделано, или сожаления о том, что не завершено? Рано или поздно наступает момент, когда приходится подводить итоги. Что ж, ему, кажется, нечего стыдиться — он жил честно и умирает достойно. Он поступал так, как находил нужным, полезным и правильным, не ища ни славы, ни почестей. С одинаковым равнодушием относился к похвалам и клевете. Столь же спокойно он отдает себя на суд потомкам.

Перикл знает: его не назовут великим полководцем или реформатором. Он не изобрел ничего нового и лишь завершил то, что начали его предшественники. Но именно при нем Афины стали могущественной державой, властвующей на морях. При нем они украсились величественными постройками, превратились в умственный центр тогдашнего мира, вызывающий удивление и восхищение. Наконец, самое главное — разве не он помог укрепить и утвердиться афинской демократии, благами которой пользуются все, кто облечен почетным званием гражданина? Правда, Сократ упрекал Перикла за то, что он будто бы развратил демос, приучив его к праздности, что он избаловал его подачками. Но и мудрейший из философов может заблуждаться. Перикл хотел лишь одного — чтобы народ в своей стране чувствовал себя госпо-

дином и высшим судьей. Не в этом ли смысл демократии, которой он, Перикл, ревностно служил всю жизнь?

Нет, ему не о чем сожалеть. Разве только о том, что он не увидит победного окончания войны, которая ведется по его плану. «Первый стратег» покидает сограждан в тяжелые дни. Но он не сомневается: Афины выстоят и в конце концов возьмут верх над Спартой. И тогда недруги перестанут обвинять Перикла в том, что он причина несчастий, обрушившихся на отечество.

Вождь демоса умирал с надеждой, что его родину ожидает блестящее будущее. Он, во всяком случае, сделал для этого все, что было в его силах.

Как политик, Перикл жил настоящим. Осторожный и предусмотрительный, он, вероятно, пытался заглядывать вперед, рассчитывая дальнейшие ходы. Но мог ли он, при всей проницательности, предвидеть последствия своей политики? И справедливо ли возлагать на него ответственность за то, что вскоре произошло с Афинами?

Периклу не приходило в голову, что столь тщательно возводимое им здание развалится с такой быстротой. Его эпоху позднее безоговорочно назовут «золотым веком» афинской истории, с его именем свяжут наивысший расцвет Афин. Трагизм в том, что источники этого процветания в самих себе таили зародыши гибели.

Демократия оставалась демократией для избранных. Она могла существовать, лишь эксплуатируя союзников, фактически превратившихся в подданных. Свобода афинских граждан предполагала несвободу большинства населения державы. От союзников требовали покорности и уплаты дани. И золото текло в государственную казну. Оно дало возможность украсить город знаменитыми сооружениями, создать мощный флот. Оно открыло гражданам дорогу к оплачиваемым должностям, позволяло кормить их и развлекать. Сократ говорил, что Перикл сделал афинян «ленивыми, трусливыми, болтливыми и жадными». В этих словах больше горечи, чем истины. Но верно, что все больше людей, окунувшись в политическую деятельность, отвыкало от производительного труда.

Перикл утверждал: постыдна не бедность, а праздность, и наивно полагал, что навсегда покончил с нищетой. Он не знал, что только за первые шесть лет войны будет израсходовано около 5 тысяч талантов и придется прибегать к чрезвычайным мерам — вводить налоги, почти вдвое увеличивать форос, поднимая его до тысячи талан-

тов в год. За стенами города укрылись не просто крестьяне Аттики — в нем скопились тысячи разорившихся граждан, лишенных возможности трудиться. Паразитическая психология захватывала обедневшие слои демоса, которые требовали, чтобы государство их содержало. «Тяжелая работа — удел рабов», — безапелляционно заявил Аристотель. Афинский гражданин рожден свободным и должен быть свободен от унизительных занятий. Его место — в военном строю, на заседании Совета пятисот, Народного собрания, гелиеи. Разве союзные города, афинские метеки, масса рабов не в состоянии обеспечить безбедное существование граждан?

Крестьяне, чьи земли опустошены спартанскими войсками, мелкие торговцы и ремесленники, разорившиеся в результате войны, — все они ждали помощи от государства. Единственным источником дохода для многих становится участие в управлении и особенно в суде. После смерти Перикла вождь демократов Клеон увеличивает оплату гелиастов до трех оболов.

Перикл верил, что суд — опора демократии. Он хотел, чтобы весь демос участвовал в гелиее. Предполагал ли он, что Афины охватит мания судебных процессов? Растет сутяжничество, множатся доносы. Доносят на союзные города, увеличивая с них дань, на богатей, чье имущество конфискуют, на чиновников, подозреваемых во взяточничестве, на мнимых заговорщиков. Обнищавший свободный демос становится рабом трех оболов.

Перикл полагал: для правильных решений достаточно простого здравого смысла. Неподготовленность и неквалифицированность большинства судей обернулась против справедливости. Не в силах разобраться в изощренных аргументах ораторов, гелиасты голосовали, поддавшись настроениям минуты, поддерживали тех, кто умел произвести выгодное впечатление.

Периклу казалось, он сумел покончить с раздорами и установить согласие среди граждан. После нескольких лет войны от мнимого единства не осталось и следа. Оживились противники демократии. Сам демос раскололся на враждующие группировки. Одни призывали к решительным военным действиям, другие — к немедленному заключению мира. Одни критиковали афинские порядки за их недостатки, другие — за их достоинства. Бесконечные судебные процессы лишь усиливали недоверие и подозрительность. И не нашлось руководителей,

способных покончить с хаосом и проводить твердую, последовательную политику.

В Народном собрании и суде всем заправляют демагоги. Люди нового поколения, они усвоили нехитрую мысль, что власть — отличный источник обогащения, и беззастенчиво распоряжаются государственной казной.

Умело используя недовольство и раздражение масс, демагоги с необыкновенной легкостью фабрикуют обвинения против тех, кто им неугоден, особенно среди состоятельных граждан. Штрафы и конфискации становятся обычным явлением. И как следствие — расцветает взяточничество. Проще откупиться от сикофанта или демагога, чем подвергаться судебному преследованию. «Меня некоторые привлекают к суду, — жаловался Сократу его друг Критон, — не потому, что обижены мною, а в надежде, что я скорее заплачу деньги, чем буду вести процесс».

Используя влияние, демагоги возвышают своих сторонников. У власти оказываются случайные люди, не имеющие ни знаний, ни опыта. Одни ораторствуют на трибуне, другие возглавляют войска. Вдали от Афин стратеги подчас вынуждены выполнять решения, которые им навязаны и которых они не одобряют. При неудаче их обвиняют в подкупе, в случае успеха им завидуют и начинают опасаться. Стратеги идут в бой, не зная, что их ждет по возвращении. Одного обвиняют в утайке денег, другого — в осторожных действиях, третьего — в том, что не преследовал отступающего противника. Историк Фукидид, будучи стратегом, не смог спасти осажденный Амфиполь. Этого оказалось достаточно, чтобы его изгнали из Афин.

Стратегам не доверяют. От них ждут только побед — поражение расценивают как измену. А война идет с переменным успехом. В 429 году пала, наконец, Потидея. Ее двухлетняя осада обошлась в 2 тысячи талантов (треть денег, находившихся в казне в начале войны). В 425 году афиняне захватывают Пилос — гавань на западном побережье Пелопоннеса. Во главе с Клеоном они уничтожают отряд спартанцев, пытавшихся освободить Пилос. Ответный удар спартанцы наносят во Фракии. Через Среднюю и Северную Грецию они вторгаются на полуостров Халкидику и овладевают Амфиполем. В 422 году у стен этого города погибают полководцы обеих армий — Клеон и Брасид. На следующий год соперники заключают мир. Они обмениваются пленными

и отказываются от того, что завоевано. Афины даже обещают помогать Спарте в случае восстания илотов.

Ничего не изменилось. Спарта сохранила военную мощь. Афины продолжали хозяйничать на морях и удерживать в подчинении союзников. Мирный договор молчаливо признал бессмысленность 10-летнего кровопролития. И не устранил ни одной причины столкновения.

В 415 году вновь начинаются военные действия. Отборная афинская армия погибает в 413 году в Сицилии. Спартанцы вторгаются в Аттику и укрепляются в Декелее — в 20 километрах от Афин. Вытоптаны поля, сожжены сады и виноградники. Сокращается торговля, приходит в упадок ремесло, особенно после того, как 20 тысяч рабов перебежало к врагу. Рушится Афинская держава. В городах зреют олигархические заговоры, Хиос и Милет выходят из союза. Наконец, Афины лишаются последнего преимущества — спартанцы создают флот, ни в чем не уступающий афинскому.

Средства? Спарта находит их у нового союзника. Сатрап Тиссаферн щедр: он понимает, что поражение Афин откроет Персии дорогу к морю, возвратит ей власть над прибрежными малоазиатскими городами.

Афины в панике. Они чувствуют надвигающуюся катастрофу и лихорадочно ищут выхода. Нужен мир! Но спартанцы не желают вести переговоры с демократическим правительством. Приходится обращаться к тем, кто заслуживает доверия противника.

В 411 году к власти приходят олигархи. Они ликвидируют прежние порядки, лишают политических прав большинство граждан. Но даже им не удается заключить мир. Спартанцы захватывают остров Евбею, проникают в проливы, ведущие к Черному морю, — Геллеспонт и Босфор. От Афин отпадает еще один союзник — остров Фасос. Через год олигархов свергают, демократия восстанавливается. Несколько удачных сражений в 410 году внушают надежду на благополучный исход войны, особенно после того, как Афины восстановили свое господство в проливах.

В 406 году афинский флот сокрушает спартанскую эскадру при Аргинусских островах (близ Лесбоса). Но стратегов, не успевших из-за бури подобрать раненых и погибших, вместо награды ожидает суд. Двум из них удается скрыться, шестерых казнят, в том числе и Перикла-младшего.

В 405 году спартанцы отвечают еще более убедительной победой при Эгос-Потамах (в Геллеспонте). Из 180 афинских триер 50 уничтожены, 120 взяты в плен. Это уже разгром.

Спартанские отряды подходят к стенам города. Поддержки ждать неоткуда — все союзники, кроме Самоса, отложились от Афин. Измученное население готово признать мир на любых условиях.

Под звуки флейт, исполняющих военные марши, срывают Длинные стены. Остатки флота передают Спарте. Афины отказываются почти от всех владений за пределами Аттики. Наконец, договор требует, чтобы был установлен «государственный строй отцов».

Страной управляют олигархи — «правительство тридцати тиранов». Демократии не существует. Ее сменяет режим террора и беззакония.

...Незадолго до смерти Перикла у его постели собрались друзья. Думая, что он потерял сознание, восхваляли его твердость и неподкупность, проникательность и выдержку, перечисляли его военные победы. Перикл открыл глаза и, с трудом переводя дыхание, произнес:

— Вы вспоминаете о заслугах, которые бывали у многих полководцев и которые в равной мере зависели от счастливой судьбы. Вы умолчали о главном: ни один афинский гражданин не надел из-за меня черного плаща.

Перикл умирал, уверенный в победе Афинской державы. Стремился он к войне или нет — не так уж важно. Он укреплял и возвышал государство, не подозревая, к чему приведет это укрепление и возвышение. Такое государство нуждалось в рынках, подданных и рабах. Оно не могло избежать войны.

Боги сожалелись над Периклом — он не дожил до катастрофы и не увидел, как траур вошел в дом каждого афинянина. Он думал о будущем величии Афин, не зная, что величие — уже в прошлом.

Афины еще будут вести войны, заключать союзы с другими государствами, но никогда не достигнут былой политической и военной мощи.

Демократия окончательно утратит единство и цельность. Гражданский коллектив расколется на два постоянно враждующих слоя, которые Платон обозначит как государство бедных и государство богатых.

Афиняне будут строить храмы и общественные зда-

ния, ни одно из которых не сможет сравниться с бессмертными творениями Фидия, Иктина, Калликрата, Мнесикла.

В Афинах поставят статуи Эсхилу, Софоклу, Еврипиду — и никогда больше не услышат голосов новых трагических поэтов, достойных великих предшественников.

V век до н. э. оставил десятки имен, которые вошли в историю. Одним из них обозначили целую эпоху, с которой, по словам К. Маркса, совпадает «высочайший внутренний расцвет Греции».

Человек, олицетворивший эту эпоху, умер вовремя. На вершине славы.

И на пороге трагедии.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ПЕРИКЛА И ГЛАВНЫХ СОБЫТИЙ В ИСТОРИИ АФИН

- 500 год до н. э. — Начало греко-персидских войн.
90-е годы V века до н. э. — Рождение Перикла.
493/92 год — Архонтство Фемистокла.
490 год — Поход Дария в Элладу. Победа греков под командованием Мильтиада при Марафоне.
489/88 год — Архонтство Аристиды.
487 год — Реформа архонтата (архонтов начинают избирать жребием из граждан первых двух классов).
485 год — Остракизм Ксантиппа, отца Перикла.
483 год — Открытие серебряных жил в рудниках Лавриона.
482 год — Остракизм Аристиды.
482/81 год — Фемистокл — афинский стратег.
482—481 годы — Строительство военного флота в Афинах.
480 год — Поход Ксеркса в Элладу. Битва при Фермопилах. Разрушение Афин. Победа греков при Саламине.
479 год — Вторичное вторжение персов в Аттику. Победы греков при Платеях и Микале.
478 год — Создание Делосского морского союза (с 454 года — Афинский морской союз).
472 год — Перикл ставит трагедию Эсхила «Персы».
471 год — Остракизм Фемистокла. Возвышение Кимона.
468 год — Победа греков под командованием Кимона при Евримедонте. Освобождение побережья Малой Азии от персов.
461 год — Остракизм Кимона. Реформа Ареопага. Убийство Эфиальта. Перикл становится вождем демократов.
461—456 годы — Перикл руководит постройкой Длинных стен, соединяющих Афины с Пиреем.
457 год — Поражение афинян при Танагре и победа при Энофитах.
456 год — Капитуляция Эгины. Перикл предлагает созвать в Афинах общегреческий съезд.
454 год — Гибель афинского флота в дельте Нила. Перенесение союзной казны в Афины.
451 год — Возвращение Кимона из изгнания. Пятилетнее перемирие со Спартой. Перикл предлагает закон об афинском гражданстве.
450—440 годы — Строительство храма Гефеста в Афинах.
Начало 40-х годов — Знакомство Перикла с Аспасией.

449 год — Победа афинян над персами при Саламине на Кипре. «Каллиев мир».
 447—432 годы — Строительство Парфенона.
 446—442 годы — Строительство Одеона.
 446 год — Покорение афинянами Евбеи.
 445 год — 30-летний мир со Спартой. Проверка гражданских списков в Афинах.
 444—430 годы — Перикл — «первый стратег».
 443 год — Остракизм Фукидида, сына Мелесия. Основание Фурий в Италии.
 440—439 годы — Восстание на Самосе и в Византии.
 438 год — Фидий заканчивает статую Афины-Девы.
 437 год — Экспедиция Перикла в Черное море.
 437—432 годы — Строительство Пропилей.
 435 год — Война между Керкирой и Коринфом.
 434, 432 годы — «Мегарские псефисмы».
 432 год — Начало осады Потидеи. Изгнание Анаксагора из Афин. Процесс против Аспасии.
 431 год — Съезд участников Пелопоннесского союза решает начать войну с Афинами.
 431—404 годы — Пелопоннесская война.
 431 год — Нападение фиванцев на Платеи. Осуждение и смерть Фидия.
 431, 430 годы — Походы Архидама в Аттику.
 430 год — Эпидемия в Афинах. Поражение Перикла на выборах стратегов. Перикла присуждают к штрафу. Смерть сыновей Перикла — Ксантиппа и Парала.
 429 год — Избрание Перикла стратегом. Новая вспышка эпидемии в Афинах. Смерть Перикла.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Источники

Аристотель, Афинская политика. М., 1937.
 Аристотель, Политика. Спб., 1911.
 Геродот, История в 9 книгах, т. I—II. М., 1888.
 Диодор Сицилийский, Историческая библиотека, т. I—VI. Спб., 1774—1775.
 Непот, Биографии знаменитых полководцев. Киев, 1883.
 Павсаний, Описание Эллады, т. I—II. М., 1938.
 Платон, Сочинения, т. 1—3. М., 1968—1971.
 Плутарх, Сравнительные жизнеописания, т. I. М., 1961.
 Псевдоксенофонт, Афинская политика. В кн.: «Хрестоматия по истории древнего мира». М., 1951.
 Страбон, География. М., 1964.
 Фукидид, История, т. I—II. М., 1915.

2. Литература

А. Боннар, Греческая цивилизация, т. 1. М., 1958.
 В. П. Бузескул, История афинской демократии. Спб., 1909.
 В. П. Бузескул, Перикл. Историко-критический этюд. Харьков, 1889.
 В. П. Бузескул, Перикл. Личность, деятельность, значение. Л., 1923.
 А. Грант, Греция в век Перикла. М., 1905.
 К. М. Колобова, Древний город Афины и его памятники. Л., 1958.
 К. М. Колобова, Л. М. Глускина, Очерки истории Древней Греции. Л., 1958.
 В. В. Латышев, Очерк греческих древностей, ч. I. Спб., 1894—1895.
 С. Я. Лурье, История античной общественной мысли. М.—Л., 1929.
 С. Я. Лурье, Эксплуатация афинских союзников. — «Вестник древней истории», 1947, № 2.
 В. С. Сергеев, История Древней Греции. М., 1963.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. *Капитель колонны ионического стиля.*
2. *Солон.* Бронзовая скульптура не раньше III века до н. э. Копия I века н. э.
3. *Тираноборцы Гармодий и Аристоклитон.* Бронзовая скульптура Крития и Нesiота. Около 477 года до н. э. Мраморная римская копия.
4. *Квадрига и гоппит.* Рельеф бронзового кратера. Конец VI века до н. э.
5. *Сбор оливок.* Изображение на амфоре. VI в. до н. э.
6. *Холм над могилой афинян, павших при Марафоне в 490 году до н. э.*
7. *Афинская агора.* Реконструкция.
8. *Фемистокл.* Бюст. V век до н. э. Мраморная римская копия.
9. *Мастерская ремесленника.* Изображение на вазе. VI век до н. э.
10. *Сокровищница афинян в Дельфах.* Начало V века до н. э.
11. *Остракон с именем Фемистокла.* 471 год до н. э.
12. *Крестилый Кидонский.* Бюст Перикла. Вторая половина V века до н. э. Мраморная римская копия.
13. *Акрополь.* Вид с востока.
14. *Фидий. Афина-Дева.* 440—430-е годы до н. э. Мраморная римская копия II в. (так называемая Афина Варвакион).
15. *Иктин и Калликрат. Парфенон.* 447—432 годы до н. э.
16. *Фидий. Щит Афины-Девы.*
17. *Фидий. Щит Афины-Девы (деталь).*
18. *Калликрат. Храм Ники Аптерос. (Бескрылой).* 449—421 годы до н. э.
19. *Юноша-победитель.* Бронзовая скульптура. Конец V века до н. э.
20. *Проход на стадион в Олимпии.*
21. *Геродот и Фукидид.* Двойная мраморная герма. Копия с оригинала IV века до н. э.
22. *Так называемый Гиппократ.* Мраморный бюст. Конец IV века до н. э.
23. *Демокрит.* Мраморный бюст. Римская копия II века до н. э.
24. *Лисипп.* Бюст Сократа. Мраморная копия IV века до н. э.
25. *Гераклит.* Бронзовый бюст.
26. *Эсхил.* Мраморная копия с оригинала около 400 года до н. э.
27. *Театр Диониса.* V—IV века до н. э. Реконструкция.
28. *Марки для входа в театр.*

29. *Софокл.* Мраморная копия с оригинала конца IV века до н. э.
30. *Еврипид.* Мраморная скульптура III века до н. э.
31. *Театральные маски.*
32. *Дельфийский возничий.* Бронза. Первая половина V века до н. э.
33. *Кора.* Вторая половина VI века до н. э.
34. *Аполлон.* Мраморная скульптура на фронтоне храма Зевса в Олимпии. Середина V века до н. э.
35. *Фидий. Голова Зевса Олимпийского.* 430-е годы до н. э.
36. *Эрехтейон.* 421—406 годы до н. э.
37. *Афина.* Мраморная скульптура храма Зевса в Олимпии. Середина V века до н. э.
38. *Кариатида из виллы императора Адриана.* Копия с оригинала V века до н. э.
39. *Надгробная стела Амфареты из Керамика.* IV век до н. э.
40. *Надгробие воинов из Керамика.* Конец V века до н. э.
41. *Храм Аполлона.* V век до н. э.

СОДЕРЖАНИЕ

Уходящий век	5
Сын Ксантиппа	26
От Марафона до Саламина	36
Весы колеблются	65
Путь к вершине	85
Первый гражданин	106
«Совет и народ решили...»	122
Эллада в Элладе	141
Цена побед	154
Греки против греков	174
Основные даты жизни Перикла и главных событий в истории Афин	215
Краткая библиография	217
Список иллюстраций	218

Арский Феликс Наумович

ПЕРИКЛ М., «Молодая гвардия», 1971.
224 с., с илл. («Жизнь замечательных лю-
дей») Серия биографий. Вып. 16 (504).

Редактор **М. Брухнов**
Серийная обложка **Ю. Арндта**
Заставки **Б. Жутовского**
Макет фотографий **Н. Сошинской**
Художественный редактор **А. Степанова**
Технический редактор **В. Лубкова**
Корректоры: **А. Стрепихеева, Т. Пескова**

Сдано в набор 26/V 1971 г. Подписано к пе-
чати 28/X 1971 г. А01339. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага № 2. Печ. л. 7. (усл. 11,76).
+ 17 вкл. Уч.-изд. л. 13,7. Тираж 100 000
экз. Цена 66 коп. Т. П. 1971 г., № 381.
Заказ 1138

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Мо-
лодая гвардия». Москва, А-30, Суцневская, 21.